ЧЕЛОВЕК И ПРАВО – XXI ВЕК

AN INDIVIDUAL AND THE LAW – XXI CENTURY

Альманах

Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

Saratov State Law Academy Institute of Prosecution

Almanac

Выходит 4 раза в год

2026

Выпуск 2

Issue 2

12+

ISSN 2949-1703

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

Электронная версия размещена на официальном сайте
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
по адресу: http://www.сгюа.рф/ru/xxi-vek

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 10 мая 2023 г. ПИ № ФС77-85274.

Распространяется по подписке. Подписной индекс ВН018764. Размещение в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» на сайте www.ural-press.ru. Цена свободная.

Адрес редакции: 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.
Телефон: (8452) 29-90-75
E-mail: almanahip@yandex.ru

Редакторы: *Н.С. Добротворская, Е.А. Фешина*
Компьютерная верстка, дизайн обложки – *А.Ю. Ульянычев*

Подписано в печать 18.06.2026. Дата выхода в свет 18.06.2026. Формат $70\times100^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Liberation. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,3. Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 950 экз. Заказ № 254.

Издательство Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

ISSN 2949-1703

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2026

Главный редактор

Спесивов Н.В. директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

Заместитель главного редактора

Швецова И.В. заместитель директора Института прокуратуры по научной работе Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

Ильгова Е.В. ректор Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Мацкевич И.М. ректор Университета прокуратуры РФ, старший советник юстиции, д.ю.н., профессор;

Габов А.В. главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д.ю.н.;

Грибунов О.П. ректор Байкальского государственного университета, д.ю.н., профессор;

Соколов А.Ю. директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, заведующий кафедрой административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Бутба С.Р. председатель Верховного Суда Республики Абхазия (Республика Абхазия), к.ю.н.;

Гулягин А.Ю. прокурор Астраханской области, д.ю.н.;

Белоусов С.А. проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Гончаров М.В. первый проректор Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, к.ю.н., доцент.

Редакционная коллегия:

Абанина Е.Н.
заведующий кафедрой земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Акчурин А.В.
заместитель начальника по научной работе Академии права и управления ФСИН России, д.ю.н., доцент;

Амирбеков К.И.
заведующий отделом научного обеспечения организации прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 3-го класса, д.ю.н.;

Ананьева А.А.
заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, д.ю.н., доцент;

Антонян Е.А.
заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., профессор;

Аширбекова М.Т.
профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Афанасьев С.Ф.
заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, судья в отставке;

Блинов А.Г.
заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Боярская Ю.Н.
доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Бытко С.Ю.
профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Вавилин Е.В.
заведующий кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., профессор;

Варыгин А.Н.
заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Велиева Д.С.
заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, д.ю.н., профессор;

Воротников А.А.
профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Ворошилова С.В.
профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Дворянсков И.В.
главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, д.ю.н., профессор;

Дикарев И.С.
директор Института права Волгоградского государственного университета, д.ю.н., доцент;

Добробаба М.Б.
профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., доцент;

Залужный А.Г.
профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, д.ю.н., профессор;

Заметина Т.В.
заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Зацепин А.М.
директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., доцент;

Иванчина Ю.В.
профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д.ю.н., доцент;

Исаенкова О.В.
заведующий кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Истомина Е.А.
профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д.ю.н., доцент;

Клименко А.И.
начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессор;

Ковалева Н.Н.
руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н., профессор;

Комбарова Е.В.
доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Комкова Г.Н.
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, д.ю.н., профессор;

Кузбагаров А.Н.
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., профессор;

Лопашенко Н.А.
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Макаренко И.А.
заведующий кафедрой криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, д.ю.н., профессор;

Манова Н.С.
заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Мартыненко И.Э.
заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Беларусь), д.ю.н., профессор;

Меркурьев В.В.
главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму Научно-исследовательского института Университета прокуратуры РФ, д.ю.н., профессор;

Никитин А.А.
профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Покачалова Е.В.
заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Рахмон Д.С.
профессор кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета (Республика Таджикистан), д.ю.н., профессор;

Репьев А.Г.
заместитель директора по науке Юридического института Российского университета транспорта, д.ю.н., доцент;

Рогова Е.В.
директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., профессор;

Россинский С.Б.
главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, д.ю.н., профессор;

Рыбакова С.В.
главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д.ю.н., доцент;

Скаков А.Б.
профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказаний Костанайской академии МВД Республики Казахстан (Республика Казахстан), д.ю.н.;

Соловых С.Ж.
заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Соловьева Т.В.
профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Спесивов Н.В.
директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Чаннов С.Е.
заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Черкасов К.В.
профессор кафедры административного, финансового и информационного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д.ю.н., профессор;

Шапиро Л.Г.
заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Швецова И.В.
доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.

СОДЕРЖАНИЕ

8 Спесивов Н.В.
Предисловие к выпуску

Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Организация публичной власти и роль главы государства в современной России» (к 70-летию со дня рождения профессора Василия Ивановича Радченко)

10 Заметина Т.В., Угланова О.А.
Профессор Василий Иванович Радченко: жизнь в науке

19 Акланов А.А.
Роль органов прокуратуры Российской Федерации в защите прав субъектов предпринимательской деятельности

24 Артанова Е.Н.
Федеральное Собрание Российской Федерации в системе публичной власти

28 Бутусова Н.В.
Конституционная идеология и политика российского государства

33 Бухмин С.В.
Указы Президента Российской Федерации как форма реализации конституционных полномочий главы государства в сфере цифровой трансформации финансовой деятельности государства

38 Гаранин Р.Е.
К вопросу о роли Президента Российской Федерации в системе внесудебной защиты конституционного права на обращение

42 Горин Е.О.
Роль волонтерства в реализации государственной политики России

46 Дураев Т.А., Тюменева Н.В.
Публичная власть народа

52 Васильев А.А., Грачёва О.А.
Прокуратура Российской Федерации как субъект обеспечения права на бесплатную юридическую помощь

58 Зырянов И.А.
Воспоминания о Василии Ивановиче Радченко

62 Ивакина Д.С.
Государственное управление в сфере культуры: проблемы и перспективы

66 Кичалюк О.Н.
Президент Российской Федерации – гарант единства системы публичной власти

70 Колесников Е.В., Ермолаева Ю.В.
Конституционно-правовые основы развития судебной системы Российской Федерации: некоторые вопросы теории

75 Комарова Е.А.
Взаимодействие органов прокуратуры Российской

Федерации с органами публичной власти

Комбарова Е.В.
81 Институт Президента Российской Федерации в интерпретации конституционного суда: доктрина и практика

Косолапов М.Ф.
89 Взаимодействие органов публичной власти Российской Федерации в сфере реализации внешней политики

Литвинов В.И.
95 О системе социальных обязательств российского государства

Музалевская К.В.
99 Единство образовательного пространства как конституционная гарантия государственной целостности Российской Федерации

Отставнова Е.А.
104 Роль стратегических документов главы государства в реализации национальных интересов России

Плотникова И.Н.
109 Принцип единства публичной власти как основа целостности российского государства

Стребкова Е.Г.
113 Национальная идея, цифровой суверенитет и права человека в современной России

Фролов А.А.
118 Основные направления совершенствования механизма защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации

Хижняк В.С.
123 Институт президента в странах Латинской Америки в аспекте конституционных реформ

Состояние и перспективы развития российского законодательства

Боярская Ю.Н.
129 Цифровая природа беспилотного транспортного средства и трансформация обязательственных конструкций в гражданском праве

Дорошок Т.С., Дорошок Л.С.
134 Потенциал искусственного интеллекта как инструмента противодействия незаконным финансовым операциям в банковском секторе

Осипов Р.А., Лебедев А.А.
141 Субъективное право как теоретико-правовая категория

Смушкин А.Б.
150 Зарубежный опыт функционирования цифровых платформ и экосистем в сфере уголовного правосудия

Взгляд молодых ученых

Хвостиков Д.В.
158 Высокоавтоматизированные транспортные средства в агропромышленном комплексе: цели внедрения и практика применения в России

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ

Основной раздел второго выпуска 2026 г. альманаха Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии «Человек и право – XXI век» (далее – альманах) посвящен 70-летию со дня рождения почетного работника прокуратуры РФ, почетного работника сферы образования РФ, доктора юридических наук, профессора Василия Ивановича Радченко, внесшего значительный вклад в становление и развитие Института прокуратуры и саратовской школы конституционного права. Его научные изыскания позволили глубоко рассмотреть и осмыслить вопросы организации местного самоуправления и исследовать институт президентства в Российской Федерации.

В.И. Радченко был первым директором Института прокуратуры, возглавлявшим его с 1996 по 2009 г. Этот период считается этапом становления и расцвета Института. Ежегодно в нем проводилась колоссальная работа по организации отбора абитуриентов, направленных 41 региональной прокуратурой РФ в Институт прокуратуры в рамках заключенных договоров о целевом обучении. В свое время, на первоначальных этапах приемной кампании и целевого отбора, при кафедре правовой психологии и судебной экспертизы был создан Центр тестирования абитуриентов, поступающих в Институт прокуратуры.

Кроме того, данный альманах был создан по инициативе В.И. Радченко и его заместителя по научной работе, ныне заведующего кафедрой уголовного процесса, доктора юридических наук, профессора Н.С. Мановой. Его главным редактором стала Н.Ю. Тяпугина, на тот момент основатель кафедры русского языка и культуры Академии и ее заведующий. С 1998 по 2009 г. журнал издавался под наименованием «Человек и право на рубеже веков», а с 2009 г. получил свое нынешнее название – альманах института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии «Человек и право – XXI век». Альманах является одним из ведущих научно-практических журналов саратовской юридической школы, воплотившим в себе труды практических работников Генеральной прокуратуры РФ и прокуратуры Саратовской области, а также получившим регистрацию в ЮНЕСКО.

Богатое научное наследие В.И. Радченко характеризуется особой глубиной и принципиальностью. Он был не только ведущим ученым, но и преданным другом, замечательным и мудрым наставником, отзыв-

чивым и искренним человеком, сочетавшим в себе высокий уровень профессионализма и признанного лидера.

В научных трудах Василия Ивановича Радченко затрагивались вопросы, которые остаются актуальными и сегодня.

24 марта 2026 г. кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева СГЮА совместно с Институтом прокуратуры была проведена Межрегиональная научно-практическая конференция «Организация публичной власти и роль главы государства в современной России». В мероприятии, посвященном памяти Василия Ивановича, приняли участие его ученики, коллеги и последователи. В ходе конференции обсуждались вопросы, охватывающие широкий спектр аспектов конституционного права.

Мы надеемся, что содержание статей, опубликованных в этом выпуске, приведет читателя к мысли о том, что научное наследие В.И. Радченко, его влияние на развитие теории и практики публичной власти в России, совершенствование и укрепление ее институтов не потеряли актуальности и по сей день.

Н.В. Спесивов,
главный редактор научного журнала «Человек и право – XXI век», альманаха Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, директор Института прокуратуры, к.ю.н., доцент

Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Организация публичной власти и роль главы государства в современной России»

(к 70-летию со дня рождения профессора Василия Ивановича Радченко)

Т.В. Заметина,
доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
конституционного права имени профессора
И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

О.А. Угланова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного права
имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

ПРОФЕССОР ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ РАДЧЕНКО: ЖИЗНЬ В НАУКЕ

Развитие любой науки происходит под влиянием внутренних и внешних факторов, обеспечивается процессом непрерывного приращения знаний, преемственностью идей научных школ, продуцированием новых гипотез, концепций, методов. В 2026 г. исполнилось бы

70 лет почетному работнику прокуратуры РФ, почетному работнику сферы образования РФ, доктору юридических наук, профессору Василию Ивановичу Радченко. Он прожил яркую, насыщенную событиями творческую жизнь, которая гармонично сочетала в себе административную работу – руководство Институтом прокуратуры СГАП–СГЮА, и научно-педагогическую – подготовку прокурорских кадров, методическую и научно-исследовательскую деятельность.

Василий Иванович родился 19 июля 1956 г. в свх. им. В.В. Куйбышева Курган-Тюбинского района Таджикской ССР. В 1973 г. в г. Волжском Волгоградской области окончил школу и сразу начал трудовую деятельность в качестве фрезеровщика на заводе радиотехнических элементов. С ноября 1974 г. по январь 1977 г. проходил службу в пограничных войсках КГБ СССР Закавказского пограничного округа.

С 1977 по 1981 г. Василий Иванович постигал азы юриспруденции в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского. Во время обучения он активно участвовал в общественной жизни вуза, проявляя лидерские качества и организаторские способности. По окончании института в 1981 г. был принят на должность старшего лаборанта, а позднее начал работать преподавателем на кафедре государственного и международного права, совмещая эту деятельность с обязанностями секретаря комитета ВЛКСМ института. С апреля 1983 г. по август 1991 г. Василий Иванович прошел путь от заместителя секретаря до секретаря парткома СЮИ. В ноябре 1991 г., успешно сдав кандидатские экзамены, он был зачислен в заочную аспирантуру при кафедре конституционного права, возглавляемой профессором В.Т. Кабышевым. Будучи куратором студенческих групп, В.И. Радченко регулярно проводил воспитательные беседы и читал лекции на этические темы.

Первые научные труды Василия Ивановича были связаны с конституционными вопросами внедрения в России теории и принципа разделения властей, проблемами прямого действия Конституции [1, 2].

С 1 сентября 1995 г. Василий Иванович был назначен на должность заместителя декана факультета юстиции. Результатом его научной деятельности стала защита в 1995 г. в диссертационном совете при Саратовской государственной академии права кандидатской диссертации на тему «Президент Российской Федерации в системе разделения властей» (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Б.С. Эбзеев) [3]. В диссертации были исследованы генетические корни и историческое развитие института главы государства в Российской Федерации, влияние концепций правового государства и разделения властей на институт президентства, особенности становления института и развития конституционно-правового

статуса Президента РФ в 1990–1993 гг. Весомую часть этой большой исследовательской работы составили теоретические размышления автора по поводу роли и места Президента в системе конституционных органов государственной власти РФ. Вопросы о роли главы российского государства в особых правовых режимах (чрезвычайное положение, военное положение) актуальны и в нынешних условиях геополитического кризиса и СВО [4].

На основании постановления Правительства РФ от 8 июля 1996 г. № 787 «О создании институтов прокуратуры Российской Федерации в составе Московской государственной юридической академии, Саратовской государственной академии права и Уральской государственной юридической академии» [5] Василий Иванович Радченко, на тот момент декан прокурорского факультета, был назначен директором Института прокуратуры. Сочетание административного таланта и научной целеустремленности позволило ему на протяжении многих лет (вплоть до 2007 г.) успешно руководить Институтом прокуратуры и одновременно продолжать научные исследования.

Василий Иванович участвовал в строительстве 5-го корпуса СГАП – Института прокуратуры, которое заняло пять лет. Во многом благодаря усилиям профессора В.И. Радченко у Института сложились прочные деловые взаимоотношения с Генеральной прокуратурой РФ и прокуратурами субъектов РФ, а сам вуз как кузница подготовки кадров для прокуратуры и судов приобрел всероссийскую известность. За выдающиеся заслуги в подготовке кадров для органов прокуратуры В.И. Радченко был награжден нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации» и грамотой к 75-летию со дня образования СГЮА (приказ и.о. Генпрокурора России от 27 сентября 2006 г. № 69-п). Василий Иванович был инициатором создания межинститутского альманаха «Человек и право – XXI век», который в свое время получил регистрацию в ЮНЕСКО и стал одним из ведущих научно-практических журналов саратовской юридической школы.

Педагогическая и научная деятельность всегда существовали для В.И. Радченко в неразрывном единстве. Он является автором и соавтором более 60 научных и учебно-методических работ, в том числе монографий [6–10] и научных статей. Профессор В.И. Радченко принимал участие в подготовке восьми учебников и учебно-методических пособий.

В последнее время наблюдается активное развитие конституционной аксиологии, исследующей механизм правовой интеграции ценностей, оказывающей влияние на развитие российской правовой системы. Благодаря научным статьям Василия Ивановича в различных журналах, в том числе журналах ВАК, понятийно-категориальный аппарат и доктрина науки рос-

сийского конституционного права были дополнены такими понятиями, как целостность [11], национальные и территориальные факторы организации Российского государства [12], единство государства [13], единая государственность [14], гарантии целостности Российской Федерации [15]. Часть из этих понятий имеет ценностное содержание, выступает основой государственно-правовой политики современной России.

Профессиональная деятельность В.И. Радченко была высоко оценена. Он получил множество благодарственных писем, среди которых благодарность за активное участие и дополнительный труд по подготовке и открытию Поволжского центра информации и документации Совета Европы, благодарность и почетная грамота за активное участие в подготовке и проведении фестиваля и добросовестное отношение к культурно-воспитательной работе с молодежью, благодарность за проявленную инициативу и практическую работу по созданию мемориальной аудитории в Академии им. Ю.Х Калмыкова, благодарность за активное участие в организации и проведении фестиваля «Гагаринская студенческая весна – 2004» и т.д.

В августе 2001 г. Василий Иванович был награжден почетной грамотой Министерства образования РФ за многолетний добросовестный труд, плодотворную работу по подготовке высококвалифицированных специалистов, развитию и совершенствованию учебно-воспитательного процесса.

Инициатива В.И. Радченко по созданию кафедры европейского права и сравнительного правоведения воплотилась в жизнь уже в 2002 г., и он был избран профессором данной кафедры.

В 2003 г. Василий Иванович блестяще защитил докторскую диссертацию в диссертационном совете при МГИМО(У) МИД России на тему «Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации» [16] (специальность 12.00.02), и 19 декабря того же года ему присуждена ученая степень доктора юридических наук. Работа была выполнена под руководством известного ученого-конституционалиста доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ, заслуженного деятеля науки РФ Бориса Сафаровича Эбзеева, с которым Василия Ивановича на протяжении многих лет объединяли не только профессиональные интересы, но и дружба.

В 2006 г. директор Института прокуратуры стал занимать еще и должность проректора по организационным вопросам и связям с регионами.

С 2009 по 2012 г. В.И. Радченко трудился на посту ректора ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия» в Карачаево-Черкесской Республике, где за короткий период ему удалось вывести образовательное учреждение на новый уровень.

По возвращении в Саратов в качестве профессора кафедры конституционного права СГЮА читал лекции, вел практические занятия, посвящая себя любимому делу, был членом диссертационного совета Академии.

В 2017 г. Василию Ивановичу было присвоено почетное звание «Почетный работник сферы образования Российской Федерации» за заслуги в сфере образования.

В.И. Радченко сформирована научная школа. Под его руководством защитили кандидатские диссертации и стали учеными Т.А. Дураев [17], О.А. Угланова [18], М.Ю. Курдубанова [19], Е.А. Комарова [20], А.Г. Нерсисян [21], Б.О. Ширей [22], А.С. Айрапетян [23].

Центральное место в научной деятельности профессора В.И. Радченко занимали вопросы организации публичной власти, федерализма, конституционно-правовые вопросы гарантирования государственной и территориальной целостности Российской Федерации [10]. Федеративное устройство, безусловно, можно рассматривать как ценность конституционализма в силу значимости для России, ее многонационального народа на данном этапе ее исторического развития этой формы государственного устройства. Следует признать, что в настоящий момент, исходя из объективных показателей экономического и государственно-правового развития России, федерализм – единственная оптимальная, наиболее отвечающая размерам территории, природному разнообразию, дифференцированному региональному и национальному составу страны форма государственного устройства.

В своем анализе территориального и национального факторов, влияющих на организацию Российского государства, Василий Иванович подчеркивал, что исходным является тезис «территориальное устройство государства есть прежде всего и главным образом способ организации публичной власти». Отсюда он констатировал, что федерализм как система, способ и форма организации государственного устройства выполняет две основные функции: обеспечение единства и целостности государства; рассредоточение власти, ее рационализация, распределение компетенции и полномочий между федеральным центром и субъектами Федерации не только по горизонтали, но и по вертикали [24].

Воспитание уважения к ценностям федерализма – необходимое условие эффективной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, должностных лиц и граждан. Очевидно, что федералистская культура выступает частью конституционной культуры, служит одной из предпосылок формирования конституционной законности и правового прогресса общества.

Национальные отношения и институты являются частью гражданского общества, поэтому исследование вопросов национальной политики в федерации актуально. Процесс развития национального самосознания обусловливает необходимость законодательной регламентации этнокультурных потребностей на основе российских традиционных ценностей. Положительным моментом подобной формализации можно считать юридическое признание этнокультурного многообразия и самобытности населения субъектов Федерации, а также решение вопроса о соотношении прав человека и прав народов (необходимость согласования их интересов).

При этом Василий Иванович справедливо отмечал, что «федерализм обеспечивается не наличием только национально-государственных образований внутри единого государства; он не всегда является определяющим его признаком, а наличием прежде всего административно-территориальных единиц, субъектов, составляющих федерацию, обеспечивающих единство и территориальную целостность государства» [10, с. 72].

Государственная целостность, по мнению В.И. Радченко, заключается и в том, что в свое время «целостность России, а в последующем и Российской Федерации определялась прежде всего силой, авторитетом и эффективной деятельностью центральной власти, сочетанием и взаимодействием генетического, структурного и функционального типов целостности. Сильная федеральная власть – основа целостности российской государственности; стало быть, структурный и функциональный типы целостности Российского государства имеют подчиненный по отношению к генетическому типу отечественной целостности государства характер. Отсюда следует, что самоорганизация России должна поддерживаться организацией публичной власти и продуманным правопорядком» [10]. Ученый пришел к выводу, что целостность Российской Федерации «есть неотъемлемое свойство ее статуса как государства, которое устанавливается и закрепляется Основным Законом страны, системой конституционно-правовых, экономических, политических и социальных норм, гарантирующих и обеспечивающих суверенитет РФ» [10, с. 314]. По мере развития общественных отношений становится очевидным, что государство как организованная форма общества вправе не только устанавливать пределы и ограничения личной свободы, но и создавать механизмы укрепления собственного суверенитета.

Положения, выдвинутые в докторской диссертации В.И. Радченко, не утратили значимости спустя два десятилетия и оказали существенное влияние на конституционное развитие России, в частности понятие «публичная власть» было включено в текст Конституции РФ 1993 г. в результате

конституционной реформы 2020 г., а позднее оно нашло отражение в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [25].

Значительное место в системе гарантий единства государственной власти и целостности государства ученый отводил институту Президента РФ. Характеризуя статус указанного должностного лица, он отмечал, что Президент интегрирует российскую государственность [24], персонифицирует ее, «выполняет некоторые квазисудебные функции в качестве арбитра между органами государственной власти, определяет эффективность и действенность всех институтов власти в Российской Федерации». В целом, резюмируя суждения по поводу института президентства, В.И. Радченко констатировал, что этот институт, хотя и «не является единственным средством для решения всех проблем», «но он один из действенных механизмов, стабилизирующих все ветви государственной власти и само государство, способных взять на себя ответственность по организации и постоянному совершенствованию правового регулирования и практики применения положений Конституции Российской Федерации во всех сферах жизни российского общества» [7, с. 130]. Он писал, что «потенциал института Президента, заложенный в Конституции Российской Федерации, еще полностью не реализован государством и не востребован обществом» [7, с. 131].

В.И. Радченко рассматривал вопрос о роли, целях и значении идеологии государства, сути национальной идеи для конституционного строительства и развития российской государственности. «Видимо, как это не раз бывало в истории нашего государства, только спустя десятилетия мы поймем и осознаем то гражданское мужество, тот гражданский подвиг “отцов-основателей” Конституции РФ 1993 г., которые вложили не только в ее текст и содержание программу строительства новой российской государственности, а может быть, сами того не подозревая, какими мощными “сухими” правовыми нормами (языком права) закрепили систему идеологии государства – национальную идею» [26, с. 110].

Василий Иванович полагал, что «с точки зрения структурных элементов национальной идеи как системы в первую очередь необходимо выделить конституцию как основу формальной составляющей и закрепляющей правовыми нормами национальную идею. В качестве обязательных структурных элементов национальной идеи необходимо назвать следующие: место России в мире, т.е. геополитическая составляющая; политическая составляющая как доктрина или идеология; приверженность национальной культуре, т.е. ментальная составляющая; желание процветания России, т.е. патриотическая составляющая» [26, с. 111].

По его мнению, «главный принцип, который пронизывает всю историю и идеологию нашей государственности, – это принцип служения ему (государству) по отношению к территориальной целостности, его единству как государственной организации и социума» [26, с. 112].

В.И. Радченко внес весомый вклад в исследование теории и практики реализации принципа разделения властей в России, влияния концепции правового государства на институт президентства, сути и содержания национальной идеи для конституционного строительства и развития российской государственности. В условиях новых вызовов и угроз его труды требуют продолжения изучения, служат основой дальнейшего развития государственно-правовой мысли, подготовки квалифицированных юридических кадров.

Библиографический список

1. *Эбзеев Б.С., Радченко В.И.* Прямое действие Конституции и конкретизация ее норм // Российская юстиция. 1994. № 3. С. 7–10.

2. *Радченко В.И.* Президент и разделение властей в Конституции Российской Федерации // Реализация Конституции России: межвуз. науч. сб. / отв. ред. В.Т. Кабышев, Е.В. Колесников. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 1994. С. 26–31.

3. *Радченко В.И.* Президент Российской Федерации в системе разделения властей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1995. 19 с.

4. Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // СПС «Гарант».

5. Постановление Правительства РФ от 8 июля 1996 г. № 787 «О создании институтов прокуратуры Российской Федерации в составе Московской государственной юридической академии, Саратовской государственной академии права и Уральской государственной юридической академии» // СПС «Гарант».

6. *Радченко В.И.* Президент Российской Федерации в системе разделения властей: монография. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 1996. 153 с.

7. *Радченко В.И.* Президент в конституционном строе Российской Федерации / под ред. Б.С. Эбзеева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2000. 184 с.

8. Государственное единство и целостность Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы) / [Б.С. Эбзеев и др.]; [отв. ред. Б.С. Эбзеев]. М.: Экономика, 2005. 375 с.

9. *Радченко В.И.* Конституция и целостность России / под ред. Б.С. Эбзеева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 220 с.

10. *Радченко В.И.* Публичная власть и обеспечение государственной целостности Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы). Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 316 с.

11. *Радченко В.И.* Категория «целостность государства» и ее методологическое значение // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 2. С. 41–56.

12. *Радченко В.И.* Территориальный и национальный факторы в организации Российского государства: становление, проблемы и перспективы // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: матер. науч.-практ. конф.

(3–4 октября 2001 г.) / [редкол.: А.И. Демидов (отв. ред.) и др.]. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2001.

13. *Радченко В.И.* Генетические корни и историческое развитие идеи о единстве и территориальной целостности государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 4. С. 6–20.

14. *Эбзеев Б.С., Радченко В.И.* Единая российская государственность: теоретико-правовые проблемы // Государство и право. 2002. № 3. С. 119–121.

15. *Радченко В.И.* Президент в системе гарантий обеспечения целостности Российской Федерации // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2005. Вып. 6. С. 40–46.

16. *Радченко В.И.* Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. 355 с.

17. *Дураев Т.А.* Свобода передвижения в доктрине Конституционного Суда Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 25 с.

18. *Угланова О.А.* Конституционное регулирование субъектного состава Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 30 с.

19. *Курдубанова М.Ю.* Конституционно-правовые проблемы ответственности главы государства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 30 с.

20. *Комарова Е.А.* Конституционные основы участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 30 с.

21. *Нерсисян А.Г.* Федеральная интервенция в Российской Федерации: конституционно-правовые основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 26 с.

22. *Ширей Б.О.* Конституционные основы сохранения исторического и культурного наследия Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 26 с.

23. *Айрапетян А.С.* Конституционно-правовые основы использования русского языка в странах Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 26 с.

24. *Радченко В.И.* Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 49 с.

25. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973; 2025. № 48, ч. 3, ст. 7250.

26. *Радченко В.И.* Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2. С. 110–115.

А.А. Акланов,
старший прокурор отдела по надзору
за уголовно-процессуальной
и оперативно-розыскной
деятельностью прокуратуры
Республики Марий Эл

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАЩИТЕ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Экономика служит фундаментом устойчивого развития России. Сильная экономика является залогом развития инфраструктуры и научно-технического прогресса, выступает одним из столпов суверенитета, способствует обеспечению занятости населения, повышению качества жизни и укреплению позиций государства на международной арене. Эффективное управление экономическими процессами и поддержка предпринимательства играют ключевую роль в стабильности государства.

Как отмечал профессор В.И. Радченко, «идеология государства всегда является совокупностью, прежде всего, исторических, мировоззренческих принципов, целей, ценностей, идеалов и убеждений, основывающихся на экономических и политико-правовых условиях жизни социума, которые обеспечивают самопознание, воспитание и коммуникацию людей внутри государства и между государствами как взаимосвязанном глобализирующемся мире» [1, с. 111].

Особое значение в развитии экономического сектора в Российской Федерации, его оздоровлении принадлежит прокуратуре РФ.

Деятельность органов прокуратуры РФ по защите прав субъектов предпринимательской деятельности относится к приоритетному направлению прокурорского надзора. Его правовые основы получили закрепление как в конституционном и федеральном законодательстве, так и в актах Генерального прокурора РФ.

Статьей 129 Конституции РФ определено, что прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ [2].

Детально работа на данном направлении регламентирована приказом Генерального прокурора РФ от 31 августа 2023 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности», где отмечена особая важность вопросов защиты прав добросовестных предпринимателей и инвесторов, в том числе зарубежных, дальнейшего формирования комфортных условий для ведения бизнеса. Приказом предписано пресекать факты внепроцессуального воздействия правоохранительных органов на бизнес [3].

Важную роль в обеспечении прав субъектов предпринимательской деятельности играет надзор прокуратуры за соблюдением законодательства о государственном контроле (надзоре). В соответствии со ст. 9, 10 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ и Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» органы прокуратуры согласовывают проведение внеплановых выездных проверок субъектов предпринимательства [4]. Отказ прокурора в согласовании внеплановой проверки служит действенной гарантией от излишнего административного воздействия на бизнес.

Несмотря на особую значимость в прокурорском надзоре защиты прав предпринимателей, необходимо и обеспечение недопустимости криминальных проявлений в экономическом секторе. Этим обусловлен всеобъемлющий подход к надзору на анализируемом направлении. В указанных целях прокурор наделен целым спектром полномочий на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Данная особенность подчеркивается видными правоведами. Так, В.П. Рябцев отмечает, что прокурорский надзор в сфере экономики должен обеспечивать баланс публичных и частных интересов, исключая как необоснованное давление на бизнес, так и безнаказанность экономических правонарушений [5]. По мнению О.С. Капинус, эффективность защиты прав предпринимателей напрямую зависит от системности прокурорского реагирования и качества процессуального контроля на стадии предварительного расследования [6].

В соответствии со ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, вправе отменять незаконные и необоснованные постановления следователя (дознавателя), утверждать обвинительное заключение либо возвращать уголовное дело для дополнительного расследования [7]. Эти полномочия прокурора распространяются и на процессуальную деятельность органов расследования по уголовным делам об экономических

преступлениях, совершаемых субъектами предпринимательской деятельности.

Прокуратура обеспечивает реализацию принципа неотвратимости ответственности предпринимателей за совершение преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ (ст. 171, 172.1, 198–199.2 и др.). Поддержание государственного обвинения по делам о налоговых преступлениях и мошенничестве в предпринимательской сфере требует высокой квалификации и учета сложных финансово-экономических обстоятельств совершенных криминальных деяний.

Основными тенденциями в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности на досудебной стадии уголовного судопроизводства в современных условиях являются недопустимость подмены гражданско-правовых споров уголовным преследованием, соблюдение ограничений на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу по экономическим преступлениям, тесное взаимодействие с иными органами власти и должностными лицами, в том числе с Уполномоченным по защите прав предпринимателей.

При этом в сфере экономических преступлений особое значение имеют гарантии, закрепленные в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, предусматривающей ограничения на применение заключения под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Позиция Верховного Суда РФ, отраженная в постановлении Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48, подчеркивает необходимость дифференцированного подхода к применению мер пресечения по экономическим составам преступлений [8].

Практика прокурорского надзора свидетельствует о систематическом выявлении нарушений законодательства в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Так, прокуратурой Республики Марий Эл за 2025 г. выявлено 70 нарушений, допущенных правоохранительными органами на досудебной стадии уголовного судопроизводства по материалам и уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности [9].

В целях пресечения выявляемых нарушений прокуроры наделены целым спектром эффективных полномочий. Прокуроры вносят представления об устранении нарушений федерального законодательства, приносят протесты на незаконные нормативные правовые акты органов публичной власти, направляют предостережения о недопустимости нарушений закона, возбуждают дела об административных правонарушениях в отношении должностных лиц, допускающих нарушения прав субъектов предпринимательства, могут инициировать вопрос об уголовном преследовании. Данные меры прокурорского реагирования образуют универсальный механизм восстановления нарушенных прав субъектов предпринимательской деятельности. Например, в целях устранения выяв-

ленных нарушений прокуратурой Республики Марий Эл направлено 39 требований об устранении нарушений федерального законодательства, внесено четыре представления. Акты прокурорского реагирования рассмотрены и удовлетворены, приняты реальные меры к устранению выявленных нарушений [9].

Надзорная практика позволяет выделить ряд проблем, связанных с нарушением федерального законодательства при проведении доследственных проверок и расследовании уголовных дел в сфере предпринимательской деятельности. Во-первых, допускаются нарушения разумного срока уголовного судопроизводства, обусловленные некоторой сложностью преступлений анализируемого вида. Во-вторых, отсутствует единый подход к отнесению криминальных посягательств к сфере предпринимательской деятельности, что порождает неоднородность следственной и судебной практики.

В целях преодоления названных проблем и сложностей представляется целесообразным усилить координационную работу прокуратуры по улучшению качества деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений в сфере предпринимательской деятельности, а также разработать необходимые методические рекомендации по разграничению признаков преступлений анализируемого вида.

Таким образом, прокуратура РФ выступает ключевым субъектом обеспечения законности в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Деятельность надзорного органа эффективно обеспечивает защиту добросовестного бизнеса и одновременно пресекает преступные проявления в сфере экономики.

Библиографический список

1. *Рачденко В.И.* Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2. С. 110–115.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.05.2026).

3. Приказ Генпрокурора России от 31 августа 2023 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (в ред. от 17 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5007; 2026. № 16, ст. 1952.

5. *Рябцев В.П.* Прокурорский надзор: курс лекций. М.: Норма, 2006. 286 с.

6. *Капинус О.С.* Защита прокурором прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности: монография. М.: Проспект, 2022. 216 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2026. № 15, ст. 1845.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (в ред. от 23 декабря 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Статистические данные отчета прокуратуры Республики Марий Эл по форме «Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства» за 2025 год // Официальный сайт Генпрокуратуры России. URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 11.05.2025).

Е.Н. Артанова,
преподаватель кафедры
конституционного права
имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В рамках любой отрасли права существуют ключевые вопросы, исследование которых требует системного подхода, глубинного проникновения в существо государственно-правовых явлений, познания закономерностей государственно-правового развития [1, с. 14].

На наш взгляд, одним из таких вопросов является вопрос о власти, ее системе и ее органах. В свое время выдающийся представитель старшего поколения французских просветителей XVIII в. Ш. Монтескье констатировал, что в каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, в силу которой государь или учреждение создает законы, временные или постоянные, и исправляет или отменяет существующие законы; власть исполнительная, ведающая вопросами войны и мира, дипломатического права, государственной безопасности; власть судебная, карающая преступления и разрешающая столкновения частных лиц [2].

Этот принцип не теряет актуальности по сей день. Как известно, Конституция РФ 1993 г. провозгласила принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. В связи с принятыми поправками 2020 г. в Основной Закон российского государства произошло «инкорпорирование в конституционный текст института публичной власти» [3, с. 47]. Несмотря на внесение этой категории в Основной Закон государства, в самом его тексте отсутствует определение понятия «публичная власть». Однако это не влияет на пристальное внимание ученых к ее изучению, и, соответственно, для российской правовой науки оно не ново [4, с. 167].

Учение о власти не обошли своим вниманием и известные представители саратовской научной школы. Доктор юридических наук, профессор В.Т. Кабышев говорил не только о власти, но и о ее эффективности и подчеркивал, что «эффективность власти формализуется в эффективности права, нормативно-правовых актах, принимаемых публичной властью» [5, с. 243]. Безусловно, речь здесь идет в первую очередь о законодательной власти, поскольку в соответствии со ст. 94 Конституции

РФ Федеральное Собрание РФ – парламент РФ – является представительным и законодательным органом РФ. По своей структуре высший законодательный орган РФ – двухпалатный орган власти, состоящий из Государственной Думы и Совета Федерации (ст. 95) [6].

Другой представитель саратовской научной школы доктор юридических наук, профессор В.И. Радченко писал, что понятие «власть» многозначно и многоаспектно [7, с. 77]. В своих трудах он связывал понятие власти в первую очередь с функцией президентской власти, поскольку президент является олицетворением «единства государственной власти» [7, с. 78].

На наш взгляд, кроме Президента РФ большую значимость В.И. Радченко придавал и Федеральному Собранию РФ как органу публичной власти, который «от имени и по поручению народа является наряду с Президентом и Конституционным Судом РФ основным звеном в механизме укрепления и поддержания Российской Федерации как единой политической, государственно-правовой и международно-правовой системы, обеспечивает верховенство и прямое действие Конституции РФ» [7, с. 153]. Говоря о статусе высшего законодательного органа России – Федерального Собрания РФ, ученый в своей монографии подчеркнул, что «стабильность конституционного строя любого государства, как представляется, во многом, если не в первую очередь, зависит от устойчивого, легитимного положения законодательного (представительного) органа страны» [7, с. 138].

Что касается места Федерального Собрания РФ – парламента в системе публичной власти, то «парламент как орган верховной (высшей) власти призван при отправлении законодательных, контрольных, иных полномочий представлять интересы (выражать волю) народа страны. Он включен в систему разделения властей наряду с органами исполнительной и судебной властей и не имеет права на роль единственного выразителя народного суверенитета» [8, с. 36–37]. Стоит согласиться с мнением А.Н. Кокотова, что «парламент, как и другие высшие органы власти, в конституционно заданных пределах самостоятельно и через иные органы публичной власти осуществляет на постоянной основе имеющую качество государственного суверенитета власть народа, действуя от его имени» [8, с. 37].

Сравнивая конституционно-правовое положение государственных органов – Верховного Совета РСФСР и Федерального Собрания РФ, В.И. Радченко пришел к выводу, что правовые статусы этих органов отличаются и «Федеральное Собрание является единственным законодательным и представительным органом и не возглавляет, как прежний Верховный Совет РСФСР, систему всех представительных органов государственной власти, и это отражает подлинно федеративный характер нашего государства» [7, с. 143]. Он отмечал «основопо-

лагающее значение и роль Федерального Собрания в механизме обеспечения государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации; суверенитета страны, основных прав и свобод человека и гражданина» [7, с. 152]. «Федеральное Собрание, таким образом, стоит на страже суверенитета Российской Федерации, выражением которого является верховенство Конституции РФ и федеральных законов на всей территории страны, и в силу их верховенства не нуждается в подтверждении в какой-либо форме субъектами Федерации» [7, с. 153].

Что касается функций парламента, то они подразделяются на внутренние и внешние. Внутренние функции заключаются в организации парламентом своей работы, регламентации парламентских процедур, избрании или назначении должностных лиц парламента и его аппарата, материально-финансовом обеспечении своей деятельности. К его внешним функциям наряду с представительской относят учредительную, законодательную, контрольную, бюджетно-финансовую, функции формирования разных органов и назначения (избрания) должностных лиц, обеспечения обороны и безопасности, участия во внешней политике государства, юрисдикционную. Особенности наделения парламента полномочиями в рамках перечисленных функций определяются имеющейся в государстве формой правления [8, с. 45].

Парламент, так же как и любой орган публичной власти, имеет собственные полномочия в законодательной сфере и иные полномочия, возложенные на него Конституцией РФ и текущим законодательством.

По мнению В.И. Радченко, верховенство законодательного органа страны определяется его полномочиями и компетенцией в решении вопросов формирования и непрерывного функционирования других государственных органов, таких как правительство, высшие суды, Генеральный прокурор РФ. «Пожалуй, функция Федерального Собрания учреждать, формировать и определять орган государственной власти, его высшее должностное лицо, их правовое положение является одной из важнейших особенностей российского парламента, подчеркивающей его верховенство и подотчетность только Конституции РФ» [7, с. 139].

В.И. Радченко считал, что «только власть Федерального Собрания, облеченная волей народа и исходящая от него, имеет исключительное право, закрепленное Конституцией РФ, на принятие решений, от которых зависит территориальная целостность и государственное единство Российской Федерации» [7, с. 155].

Несмотря на значительное внимание В.И. Радченко к Президенту РФ и Федеральному Собранию РФ, в то же время нельзя сказать, что сфера его интересов ограничивалась только ими. В монографии «Публичная власть и обеспечение государственной целост-

ности Российской Федерации» он рассматривал публичную власть, институт Президента РФ, Федеральное Собрание РФ, исполнительную власть, местное самоуправление, Конституционный Суд РФ, целостность государства, а также вопросы, связанные с федеральным вмешательством как способом обеспечения государственной целостности РФ.

Более подробно, на наш взгляд, публичную власть рассматривает доктор юридических наук, профессор С.А. Авакьян, который подчеркивает, что «публичная власть предполагает государственную власть и власть местного самоуправления, но предполагает и власть в гражданском обществе. Я бы сказал в следующей очередности: власть государственная, власть в обществе, власть местного самоуправления. Когда-нибудь мы опять вернемся к нормальному пониманию власти, где местное самоуправление будет рассматриваться как низовой уровень государственной власти в сочетании со словами “народное самоуправление”» [9, с. 6].

Таким образом, Федеральное Собрание РФ как высший орган законодательной власти наряду с Президентом РФ является одним из важнейших звеньев в единой системе публичной власти, деятельность которого способствует структурированию согласованного функционирования всех органов, образующих ее.

Библиографический список

1. *Заметина Т.В., Плотникова И.Н.* Конституционный строй, права и свободы человека как высшая ценность в трудах В.Т. Кабышева // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Т.В. Заметиной. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2026. Вып. 24. С. 13–24.

2. *Монтескье Ш.* О духе законов. Кн. 10–19. М.: Директ-Медиа, 2011. 323 с.

3. *Виноградова Е.В.* Публичная власть в России: конструкт-концепт // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 11. С. 46–58.

4. *Артанова Е.Н.* К вопросу о правовом статусе Президента Российской Федерации и его взаимодействии с органами публичной власти // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2023. Вып. 1. С. 167–171.

5. *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.

6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.05.2026).

7. *Радченко В.И.* Публичная власть и обеспечение государственной целостности Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы). Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 320 с.

8. Парламентское право Российской Федерации: учеб. пособие / отв. ред. А.Н. Кокотов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 328 с.

9. *Авакьян С.А.* К вопросу о понятии публичной власти // Публичная служба: правовой и управленческие аспекты: матер. по итогам науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. ун-та, 2021. С. 5–9.

Н.В. Бутусова,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры конституционного
и муниципального права
имени профессора В.С. Основина
Воронежского государственного университета

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена в первую очередь тем, что, в отличие от ряда смежных проблем, чрезвычайно важный правовой феномен конституционной идеологии в российской правовой науке фактически не изучен. Между тем идеологическая функция Конституции является предметом исследования ученых-конституционалистов. Эта функция Основного Закона страны традиционно выделяется в учебной литературе [1, с. 165–166], и проблематика государственной идеологии в последние годы стала весьма востребованной в науке конституционного права [2].

Цель статьи – определить понятие и раскрыть содержание конституционной идеологии России, показать ее роль в формировании и реализации государственной идеологии и политики, а также значение для правотворческой и правоприменительной деятельности российского государства. Важной задачей статьи является отражение роли и значения научного наследия профессора Василия Ивановича Радченко в разработке обозначенной проблемы.

Поскольку в общественном сознании и в информационном пространстве утвердилось мнение о том, что российская Конституция запрещает государственную идеологию, более того, что в России она вовсе отсутствует, необходимо подчеркнуть ошибочность подобного толкования ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: запрет на установление конституционного статуса той или иной идеологии в качестве государственной и обязательной вовсе не означает отмены государственной идеологии как таковой. Это была «конституционная реакция на советский опыт идеологического монизма» [3, с. 138] при закреплении конституционного принципа идеологического плюрализма (ч. 1 ст. 13 Конституции РФ).

Автор настоящей статьи более 20 лет назад посвятила проблеме государственной идеологии ряд публикаций [4], в том числе выделила в докторской диссертации и монографии [5, с. 254–278] характерные черты государственной идеологии (идеологии государства) как одного из видов (форм) идеологии наряду с идеологиями политических партий, религиозными идеологиями и прочими: это политическая и правовая идеология, которая распространяется на все сферы общественной жизни, носит официальный характер, в демократическом обществе базируется на общественном консенсусе и на науке, т.е. является научной [5, с. 257–259].

Государственная идеология России представляет собой систему идей, взглядов, ценностных ориентиров, целей и задач развития общества и государства, призванных способствовать последовательной реализации прав человека, консолидации общества, формированию национальной идентичности, легитимации системы органов публичной власти.

Официальный характер государственной идеологии проявляется в том, что она формулируется в официальных документах высших органов публичной власти, как правило, нормативного характера: законах и указах Президента РФ (в которых, в частности, определяются национальные интересы и стратегические приоритеты России в области безопасности, система традиционных духовно-нравственных ценностей и основные направления деятельности российского государства по их защите и др.) [6–8].

Однако центральное место и ведущая роль в системе нормативных правовых актов, закрепляющих государственную идеологию России, принадлежат Конституции РФ, в первую очередь ее первой главе, посвященной основам конституционного строя РФ, хотя и ряд новых норм Конституции, включенных в Основной Закон в результате конституционной реформы 2020 г., формально не входящих в основы конституционного строя, дополняют, конкретизируют положения «основ» (например, норма ст. 75.1 Конституции РФ, посвященная целям государства, выстраиванию гармоничных отношений между государством и обществом, российскими гражданами).

Конституционная идеология России является важнейшей частью ее государственной идеологии, составляющие ее идеи имеют обязательный характер, но не в силу своего идеологического содержания, а в связи с обязательностью соответствующих правовых предписаний.

Обладающие наивысшей юридической силой нормы конституционного института основ конституционного строя России (ст. 16 Конституции) закрепляют принципы конституционного стоя РФ – основополагающие идеи правового и идеологического фундамента существования российского общества и государства, важнейшие социальные ценности. Все конституционные ценности в той или иной степени представ-

ляют собой конституционные идеалы, к наиболее полному осуществлению которых стремится государство, общество и каждый человек, они аккумулируют в себе принципиальные черты общественных отношений, вычленяют в них главное с точки зрения высшей конституционной ценности, закрепленной ст. 2 Конституции РФ.

Главный пафос ст. 2 российской Конституции заключается в том, чтобы подчеркнуть, что именно человек, его права и свободы – единственная самоцель развития общества и высшая цивилизационная ценность. Это центральная идея конституционной идеологии России. Закрепление человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности не отрицает важной роли иных конституционных ценностной, однако все они неразрывно связаны с высшей конституционной ценностью: либо непосредственно ее конкретизируют, либо соотносятся с ней как цель и средства, выступая в качестве ее гарантий [9, с. 13–14].

Конституционная идеология российского общества и государства включает идеи различных политических идеологий, которые гармонично сочетаются, дополняют друг друга (например, конституционные характеристики российского государства как правового – либеральная идея, а социального – социалистическая идея). Статья 7 Конституции РФ, определяющая Российскую Федерацию как социальное государство, основана на преемственности идей и принципов предшествующих советских конституций и современных демократических конституций зарубежных стран, соответствует международно-правовым стандартам в области прав человека. На наш взгляд, именно в контексте ст. 7 Конституции РФ должна толковаться ч. 1 ст. 8 Основного Закона, которая, в отличие от конституций абсолютного большинства современных государств, закрепивших социальную функцию частной собственности, ограничивается лишь перечислением принципов рыночной экономики, сформулированных представителями классического либерализма в теориях государства – «ночного сторожа» или «минимального государства», соответствующих реалиям общественной практики XIX в.

Все принципы (идеи) конституционной идеологии нуждаются в многоаспектном, системном, комплексном исследовании. Эталоном такого рассмотрения конституционного принципа государственной целостности как чрезвычайно важной идеи конституционной государственной идеологии является докторская диссертация Василия Ивановича Радченко, посвященная названной проблеме [10]. Идеи этого ученого-конституционалиста более чем двадцатилетней давности о механизме обеспечения общефедеральных стандартов прав человека на всей территории страны, о роли институтов публичной власти и гражданского общества в обеспечении общенационального единства сегодня приобретают особую актуальность, требуют глубокого изучения и практической реализации.

Не менее значительна роль Василия Ивановича Радченко как одного из основателей, организаторов и первого директора Института прокуратуры СГЮА, который в 2026 г. отметил тридцатилетие. В настоящее время остро стоит проблема формирования высокого уровня правовой культуры кадров органов публичной власти и, конечно, в первую очередь профессиональной культуры юристов. В этом отношении чрезвычайно важна образовательная и научная деятельность Института прокуратуры, основы которой заложены В.И. Радченко.

Обеспечение конституционной законности (ст. 15 Конституции) является необходимым условием реальности всех принципов конституционного строя России, а также иных норм Конституции, закрепляющих и раскрывающих содержание конституционной идеологии России. Поскольку Конституция закрепляет систему основополагающих традиционных социальных ценностей, то политика государства во всех сферах должна базироваться на этих ценностях, осуществляться в конституционных рамках. Только в таком случае политика будет представлять собой «систему определенных ценностей, а не систему роковых ошибок, конъюнктурных решений и непросчитанных шагов» [11, с. 30].

Серьезную озабоченность и тревогу за состояние конституционной законности в стране вызывает прямое нарушение основ конституционного строя России Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [12], который, с одной стороны, существенно упрощает процедуру натурализации по разным основаниям, что является его несомненным достоинством, но, с другой стороны, содержит нормы, нарушающие ряд принципов конституционного строя России, следовательно, посягает на конституционную идеологию российского общества и государства. Автор статьи впервые обратила на это внимание в 2022 г., участвуя в конференции, посвященной памяти профессора В.И. Радченко [13]. С тех пор ситуации в законотворческой и правоприменительной практике не изменились, а доктринальные исследования проблемы прекращения гражданства против воли гражданина [14] стали уходить от принципа конституционной законности, основываясь исключительно на принципе «целесообразности уменьшения зла» [15].

Когда конституция утрачивает ценность документа, содержащего важные доктринальные положения, являющиеся правовой и идеологической основой развития демократического общества и государства, это нередко заканчивается трагическими последствиями, о чем, например, свидетельствуют события последнего десятилетия XX в., когда политические интересы, идущие в разрез с действовавшими тогда советскими конституциями, одерживали верх, что в итоге стало одной из причин разрушения Союзного государства. Несомненно, антиконституцион-

ные положения действующего закона о гражданстве должны быть приведены в соответствие с российской Конституцией, даже если здесь потребуется вмешательство самого Президента как гаранта Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина (ст. 80 Конституции РФ).

Библиографический список

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. Т. 1. 864 с.

2. *Астафичев П.А.* Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18.

3. *Кравец И.А.* Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М.: Новосибирск: ЮКЭА, 2002. 360 с.

4. *Бутусова Н.В.* Государственная идеология России: понятие, содержание, проблемы формирования и правового закрепления // Вестник Воронежского университета. Серия: Право. 2006. № 1. С. 4–19.

5. *Бутусова Н.В.* Конституционно-правовой статус российского государства: монография. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 376 с.

6. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

7. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (в ред. от 4 марта 2026 г.) // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977; 2026. № 10, ст. 1127.

8. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

9. *Бутусова Н.В.* Российская Конституция как социальная ценность: только идеал или достижимая реальность? // Юридические стандарты государственной власти и правозащитной деятельности: построение, организация, осуществление, эффективность: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летнему юбилею юрид. фак-та Воронеж. гос. ун-та (Воронеж, 15–16 ноября 2018 г.): в 2 ч. / под ред. Ю.Н. Старилова, О.С. Рогачевой. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2019. Ч. 1. С. 11–24.

10. *Радченко В.И.* Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. 50 с.

11. *Матузов Н.И.* Право и политика в их взаимодействии // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003. С. 28–47.

12. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2023. № 18, ст. 3215; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8325.

13. *Бутусова Н.В.* Российское законодательство о гражданстве через призму принципа конституционной законности // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2022. Вып. 2. С. 31–36.

14. *Синцов В.А.* Реформирование института прекращения гражданства против воли гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 9. С. 26–30.

15. *Пирязева Н.Е.* Прекращение гражданства Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 31 с.

С.В. Бухмин,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Казанского (Приволжского)
федерального университета

УКАЗЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Конституционно-правовой статус Президента РФ обусловливает его особое положение в системе публичной власти и определяет специфику реализации им конституционных полномочий [1, с. 53–54]. Согласно ст. 80 Конституции РФ Президент как глава государства и гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина наделен полномочиями по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, а также по определению основных направлений внутренней политики государства [2]. Современная доктрина конституционного права исходит из признания того, что президентская власть выполняет системообразующую и координационную роль в системе публичной власти [3, 4] и реализуется через совокупность организационных и нормативных полномочий, включая издание указов как юридическую форму реализации конституционной компетенции Президента РФ [5, с. 200–202].

Стратегические приоритеты цифровой трансформации финансовой деятельности государства формируются на высшем уровне публичной власти и получают нормативное закрепление в правовых актах Президента РФ, предопределяя направление дальнейшего развития законодательного и подзаконного регулирования. В этой связи показательно, что национальные цели развития Российской Федерации, охватывающие в том числе цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы, находят закрепление в указе Президента РФ как нормативном правовом акте, задающем дол-

госрочные ориентиры для деятельности Правительства РФ и иных субъектов публичной власти [6].

Правовая природа указов Президента РФ определяется их местом в системе источников права и ролью в механизме нормативного регулирования общественных отношений. Согласно положениям ст. 90 Конституции РФ такие акты не могут вступать в противоречие с Конституцией и федеральными законами. Конституционный Суд РФ последовательно исходит из того, что правовые акты главы государства не вправе изменять либо дополнять законодательное регулирование по вопросам, относящимся к компетенции федерального законодателя, а также подменять собой закон при установлении правового режима публично-правовых отношений. В постановлении от 31 июля 1995 г. № 10-П Суд отмечает, что осуществление Президентом РФ своих полномочий посредством издания указов должно происходить в рамках конституционно установленного правового порядка; пределы такой деятельности обусловлены принципом разделения властей и требованием непротиворечия указов Конституции РФ и федеральным законам [7]. Аналогичная правовая позиция выражена в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 2-П, согласно которому указы Президента РФ подлежат изданию на основании и во исполнение Конституции и федеральных законов и не могут использоваться для регулирования вопросов, которые в силу Конституции подлежат разрешению федеральным законом [8]. Таким образом, практика конституционного правосудия свидетельствует о том, что указы Президента, обладая нормативным характером, не могут изменять содержание правовых предписаний, закрепленных в актах более высокой юридической силы.

Для финансово-правовой сферы принципиальное значение имеет разграничение компетенции органов государственной власти в сфере издания нормативных правовых актов, регулирующих публичные финансы. Указы Президента РФ способны выполнять программно-целеполагающую и организационно-координационную роль, определяя приоритеты государственной финансовой политики и направления цифровой модернизации публичных финансов. Вместе с тем они не могут подменять законодательное регулирование бюджетных, налоговых и иных публично-финансовых отношений. В этом смысле указ главы государства в финансовой сфере целесообразно рассматривать не как самостоятельный источник финансового права в узком отраслевом понимании, а как правовую форму реализации конституционной компетенции главы государства, посредством которой закрепляются стратегические ориентиры государственной политики и обеспечивается координация деятельности органов публичной власти в области

финансовой деятельности государства. Воздействие указов на соответствующие общественные отношения носит преимущественно опосредованный характер и проявляется через определение целей государственной политики, формирование программных установок и поручений органам исполнительной власти. Их дальнейшая правовая конкретизация осуществляется в федеральных законах, законах субъектов РФ, а также в подзаконных нормативных актах Правительства РФ и иных органов публичной власти.

Цифровая трансформация финансовой деятельности государства в настоящее время рассматривается как одно из стратегических направлений государственной политики, что реализуется в положениях Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В сфере публичных финансов данный процесс выражается в постепенном переходе от отдельных элементов автоматизации бюджетного процесса к формированию интегрированных цифровых платформ, обеспечивающих управление публичными финансами. В научной литературе по финансовому праву отмечается эволюция от модели «электронного бюджета», ориентированной преимущественно на автоматизацию отдельных стадий бюджетного процесса, к более сложной архитектуре «цифрового бюджета». Такая система основывается на использовании интегрированных государственных информационных систем управления публичными финансами, обеспечивающих централизованную обработку бюджетной информации и электронное взаимодействие участников бюджетного процесса [9, с. 14–15]. В этой связи цифровая трансформация публичных финансов представляет собой не только технологическую модернизацию механизмов финансового администрирования, но и институциональное изменение организации финансовой деятельности государства, затрагивающее правовые формы, процедуры и гарантии реализации финансово-правовых норм.

В рассматриваемой сфере указы Президента предопределяют приоритеты бюджетного планирования и распределения финансовых ресурсов (в том числе в рамках государственных программ и национальных проектов). При этом данные нормативные акты также могут закреплять организационно-правовые механизмы реализации государственной политики в сфере цифрового развития, определяя систему органов публичной власти, распределение их компетенции и порядок взаимодействия при осуществлении соответствующих публично-властных функций [10].

В результате формируется многоуровневая система нормативного регулирования цифровой трансформации финансовой деятельности государства.

Указы Президента РФ устанавливают стратегические ориентиры и целевые параметры соответствующих преобразований, тогда как их институциональная и процедурная реализация осуществляется посредством нормативных правовых актов Правительства РФ, ведомственных регламентов и функционирования государственных информационных систем в сфере публичных финансов.

С финансово-правовой точки зрения это означает, что президентские указы выступают одним из исходных механизмов формирования политики цифровизации публичных финансов, тогда как непосредственное отраслевое регулирование бюджетных и иных публично-финансовых отношений осуществляется в пределах компетенции федерального законодателя и Правительства РФ. Такой подход обеспечивает необходимую правовую определенность регулирования бюджетного процесса и иных элементов финансовой деятельности государства.

Библиографический список

1. *Радченко В.И.* Пределы власти Российской Федерации и ее субъектов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 48–55.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.05.2026).

3. *Радченко В.И.* Публичная власть и обеспечение государственной целостности Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы) / под ред. Б.С. Эбзеева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 316 с.

4. *Радченко В.И.* Президент в конституционном строе Российской Федерации / под ред. Б.С. Эбзеева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2000. 182 с.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / [Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский]; под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина. М.: Изд-во Ин-та законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2024. 368 с.

6. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и приле-

гающих к ней регионов Северного Кавказа", Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 "Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации"» // СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3424.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт "г"), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 6, ст. 866.

9. *Забралова О.С.* Общие тенденции цифровизации бюджетного процесса в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 11. С. 11–20.

10. Указ Президента РФ от 20 ноября 2020 г. № 719 «О совершенствовании государственного управления в сфере цифрового развития, связи и массовых коммуникаций» (в ред. от 11 мая 2024 г.) // СЗ РФ. 2020. № 47, ст. 7508; 2024. № 20, ст. 2590.

Р.Е. Гаранин,
ассистент кафедры
конституционного права имени профессора
И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ВНЕСУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ

Эффективная реализация субъективных прав и свобод человека требует не только их формального признания Основным Законом страны, но и создания надежного механизма их правовой защиты. Иначе провозглашенные права и свободы рискуют остаться декларативными положениями, не обеспеченными реальными гарантиями осуществления. Как верно указывает И.Н. Плотникова, конституционные права и свободы человека и гражданина должны быть «не только признаны и провозглашены конституционно, но и реально соблюдены и защищены государством в соответствии с провозглашенными конституционными ценностями и принципами» [1, с. 51]. В связи с этим соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина выступает важнейшей функцией и конституционной обязанностью государства, что находит свое прямое закрепление в ряде статей Конституции РФ (ст. 2, 7, 38, 45, 46) [2]. По оценкам профессора В.Т. Кабышева, «среди юридических мер защита прав и свобод человека и гражданина занимает доминирующее место» [3, с. 241].

Применительно к конституционному праву на обращение его защита может быть реализована в двух основных формах: судебной и внесудебной. Внесудебная защита прав и законных интересов граждан имеет многовековую историю и на протяжении столетий служила основной формой государственной защиты. Этот институт позволял обеспечивать восстановление нарушенных прав без обращения в судебные органы, что делало его наиболее доступным и оперативным способом защиты

для широких слоев населения [4, с. 72]. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время.

Особое место в этой системе занимает институт Президента. Именно на главу государства возложена ключевая роль в обеспечении конституционной стабильности, суверенитета и целостности государства, а также в гарантировании прав и свобод человека и гражданина (ст. 80 Конституции РФ). Реализуя свои полномочия, Президент РФ осуществляет защиту прав и свобод человека, в том числе конституционного права на обращение, с помощью различных правовых средств: издания подзаконных нормативных правовых актов, реализации права законодательной инициативы, обращения с ежегодными посланиями к парламенту, использования иных прав, предусмотренных Конституцией и законодательством.

Важное место в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина в целом и конституционного права на обращение в частности занимает Администрация Президента РФ и ее структурные подразделения. Как справедливо отмечают В.И. Радченко и О.А. Угланова, «ни один глава государства не может обойтись без подотчетного ему рабочего аппарата, поскольку Администрация является ключевым элементом в реализации возложенных на Президента Конституцией функций» [5, с. 14]. Более того, указанные авторы подчеркивают, что «Администрация Президента обеспечивает выполнение Президентом страны его функций и полномочий, четко оговоренных в первую очередь не только в нормах гл. 4 (ст. 80) Конституции РФ, но и в Конституции в целом» [6, с. 113].

Основным подразделением в структуре Администрации Президента РФ, ответственным за работу с обращениями, выступает Управление Президента РФ по работе с обращениями граждан и организаций. Наличие специализированного подразделения по работе с обращениями в структуре Администрации Президента РФ подчеркивает признание конституционного права на обращение в качестве одного из важнейших каналов коммуникации между властью и населением, а также действенным инструментом защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Значимость данного направления деятельности, кроме того, подтверждается масштабом поступающей корреспонденции: согласно Информационно-статистическому обзору, в 2025 г. Президенту РФ поступило 674 910 обращений граждан и организаций [7].

При этом необходимо отметить, что с 2017 г. Указом Президента РФ от 17 апреля 2017 г. № 171 [8] на органы, рассматривающие обращения, возложена обязанность ежемесячно представлять в Администрацию Президента РФ информацию о результатах рассмотрения обращений граждан и организаций, а также о принятых мерах. Основанием для введения данных

требований послужила необходимость обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Установление такого мониторинга позволяет своевременно выявлять факты формального подхода к разрешению заданных вопросов, что, безусловно, способствует восстановлению нарушенных прав заявителей.

Вместе с тем при Администрации Президента РФ функционирует рабочая группа по координации и оценке работы с обращениями граждан и организаций, созданная в целях дальнейшего совершенствования обеспечения рассмотрения обращений, касающихся действий (бездействия) должностных лиц органов публичной власти, государственных и муниципальных служащих [9].

Немаловажное значение в Российской Федерации имеет Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (далее – СПЧ). Так, в 2015 г. рабочая группа СПЧ подготовила проект федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации», размещенный на сайте СПЧ для общественного обсуждения [10]. Однако дальнейшей поддержки указанная инициатива не получила, последняя редакция данного законопроекта датируется 5 апреля 2019 г. Кроме того, в 2020 г. в условиях пандемии COVID-19, когда обеспечение беспрепятственной реализации конституционного права на обращение приобрело особую значимость, СПЧ разработал и направил в адрес Правительства РФ рекомендации для органов публичной власти, касающиеся организации работы с обращениями граждан по вопросам разъяснения антикризисных мер [11], нацеленных на поддержку населения и субъектов предпринимательской деятельности в период коронавирусной инфекции.

Таким образом, институциональные механизмы, функционирующие при Президенте РФ, образуют многоуровневую систему внесудебной защиты конституционного права на обращение. В рамках указанной системы защита конституционного права на обращение обеспечивается не только путем рассмотрения конкретных жалоб на нарушения порядка рассмотрения обращений, но и посредством мониторинга правоприменительной практики, выявления системных проблем в деятельности органов публичной власти, а также выработки предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере. В результате сформированная при Президенте РФ институциональная система работы с обращениями граждан гарантирует реализацию конституционного права на доступ к главе государства, выступая действенным механизмом защиты прав и свобод человека, в том числе права на обращение. Тем самым обеспечивается объективное рассмотрение обозначенных заявителями вопросов по существу и восстановление их прав и законных интересов.

Библиографический список

1. *Плотникова И.Н.* Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека – основополагающий принцип российского конституционализма // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4 (117). С. 46–55.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.05.2026).

3. *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.

4. *Толпегин П.В.* Внесудебная защита прав и законных интересов граждан и организаций. М.: ЛЕНАНД, 2025. 480 с.

5. *Радченко В.И., Угланова О.А.* Администрация Президента Российской Федерации: правовая политика и эффективность управления // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 13–17.

6. *Радченко В.И., Угланова О.А.* Администрация Президента Российской Федерации: рабочий аппарат, или четвертая ветвь власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 109–115.

7. Управление Президента по работе с обращениями граждан и организаций // Официальный сайт Президента России. URL: http://letters.kremlin.ru/ (дата обращения: 12.03.2026).

8. Указ Президента РФ от 17 апреля 2017 г. № 171 «О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций» // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2545.

9. Распоряжение Президента РФ от 11 апреля 2011 г. № 219-рп «О рабочей группе при Администрации Президента Российской Федерации по координации и оценке работы с обращениями граждан и организаций» // СЗ РФ. 2011. № 16, ст. 2285.

10. Проект федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации» // Официальный сайт Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. URL: https://www.presidentsovet.ru/upload/iblock/2a5/5deqw9bsmfe8107gvo6byoaycelfqgsn.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

11. СПЧ подготовил рекомендации органам госвласти в связи с обращениями граждан по разъяснению антикризисных мер // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: https://www.garant.ru/news/1345395/ (дата обращения: 12.03.2026).

Е.О. Горин,
аспирант кафедры конституционного
и муниципального права
Саратовского национального
исследовательского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

РОЛЬ ВОЛОНТЕРСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В современный период волонтерская деятельность становится все более популярной. Являясь институтом гражданского общества, она оказывает значительную помощь государству в реализации принципов, заложенных в Конституции РФ. Это касается прежде всего основ конституционного строя, направления обеспечения и защиты которых определяются государственными органами. В данном случае волонтерство выступает в качестве «объединяющего признака, через который организуется, активизируется и концентрируется аудитория для дальнейшего вовлечения в работу в рамках системы государственной политики» [1, с. 148].

Следует согласиться с В.И. Радченко в том, что на Президенте РФ как на главе государства лежит вся полнота ответственности за стабильность государственной жизни, за сохранность основных конституционных ценностей, за определение стратегии развития общества [2, с. 5]. На основании ст. 80 Конституции РФ в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года Президент РФ одним из направлений внутренней и внешней политики страны определил обеспечение экономической безопасности российского государства, которое включает в себя повышение уровня и улучшение качества жизни населения. Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года одной из задач обеспечения национальной безопасности установила усиление интеграции системы оказания медицинской помощи лицам старших возрастных групп с социальными службами, в том числе дальнейшее развитие медицинской составляющей системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста. Таким

образом, одним из приоритетов развития российского государства и общества в современный период становится обеспечение достойного качества и уровня жизни российских граждан.

Указанному направлению соответствуют цели волонтерской деятельности, определенные в Федеральном законе «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». В первую очередь речь идет о социальной поддержке и защите малообеспеченных, безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы. Основываясь на правовой позиции Конституционного Суда РФ, можно говорить о том, что перечисленным категориям граждан должны быть обеспечены равные условия жизни и развития как внутри конкретной группы, так и в сравнении с другими членами общества, которые не имеют подобных отклонений [3].

В реализации данного направления участвуют не только государственные органы, но и волонтерские объединения. Например, благотворительный фонд «Хорошие люди» г. Саратова, основанный в 2018 г., реализует 12 проектов, направленных на помощь нуждающимся людям. В ее оказании участвуют врачи, юристы, психологи, парикмахеры, визажисты, стилисты, фотографы, журналисты, пенсионеры, школьники, студенты, занимающиеся волонтерской деятельностью и помогающие фонду оказывать профессиональные услуги тем, кто не может себе их позволить самостоятельно [4]. Региональное отделение Всероссийского общественного движения добровольцев в сфере культуры «Волонтеры культуры» в Саратовской области в начале 2026 г. провело акцию «Подари больнице книгу». В результате были собраны книги – классическая русская литература, народные сказки и энциклопедии – для передачи их в детские больницы в целях повышения культуры чтения среди детей и юношества и приобщения подрастающего поколения к произведениям отечественных авторов [5].

Свободное развитие человека связано с реализацией культурных прав человека, воспитанием его достойной личностью. Так, в Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года одной из целей государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей названо воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций. Данное направление в полной мере реализуется через институт гражданского общества – волонтерство. Например, Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы» в настоящее время объединяет более 1 млн человек и включает около 2 000 общественных центров и более 1 100 школьных отрядов. Они оказыва-

ют поддержку ветеранам, благоустраивают памятные места, помогают в организации парадов Победы и акций «Бессмертного полка», создают современные проекты, направленные на изучение истории России, увековечение памяти каждого, кто внес вклад в победу российского народа в Великой Отечественной войне [6]. Благотворительный фонд «Память поколений» работает с 2015 г. и помогает ветеранам Великой Отечественной войны и других боевых действий получать современную медицинскую помощь. Кроме того, целями фонда являются формирование образа защитника своей страны, подающего пример мужества и силы духа, сохранение памяти о важных исторических событиях своей страны [7]. Подобная деятельность волонтеров согласуется не только с государственной политикой в сфере воспитания молодежи в духе патриотизма, но и с основными конституционными ценностями российского общества, закрепленными в преамбуле и ст. 67.1 Конституции РФ.

Не менее значимую роль волонтерские объединения играют в реализации национальной политики России. Так, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года направлена на обеспечение таких национальных интересов Российской Федерации, содержащихся в ст. 4, п. 2 ст. 67.1, ст. 68, ст. 69 Конституции РФ, как укрепление исторически сложившегося государственного единства и целостности России, сохранение и защита этнокультурной самобытности ее народов, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений. Например, в 2023 г. в Удмуртии зарегистрировали первый в России региональный корпус этноволонтеров, которые проводят мероприятия по этнокоммуникации и этномедиации [8].

Волонтеры также оказывают помощь государственным органам в осуществлении ими своих полномочий. Например, в обязанности Министерства внутренних дел РФ входит управление, координация, контроль и реагирование в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах [9]. В то же время одной из целей волонтерской деятельности является участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий. Примером взаимодействия между органами государственной власти и волонтерами в данной сфере может служить устранение последствий экологической катастрофы в Керченском проливе, где потерпели крушение два танкера с мазутом. Около тысячи спасателей и волонтеров совместно очищали берега Черного моря от мазута и спасали животных [10].

Таким образом, волонтерство как институт гражданского общества является важнейшим субъектом реали-

зации государственной политики РФ по претворению в жизнь принципов государственного и общественного строя России. Эффективность такой политики зависит от поддержки ее населением страны и самоорганизации общества. Взаимодействие и доверие между органами государственной власти и населением России влияет и на уровень демократии в стране.

Библиографический список

1. *Лукьянченко К.Т.* Волонтерство как инструмент вовлечения в систему государственной молодежной политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 3. С. 146–150.

2. *Радченко В.И.* Президент в конституционном строе Российской Федерации. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2000. 153 с.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 2026 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 1.1 статьи 7 Федерального закона “О ветеранах”, а также части 3 статьи 8 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости” в связи с жалобой гражданки Чаминой Ирины Анатольевны» // СЗ РФ. 2026. № 6, ст. 613.

4. Официальный сайт благотворительного фонда «Хорошие люди». URL: https://horoshieludi.com/ (дата обращения: 01.03.2026).

5. Официальный сайт платформы Добро.рф. URL: https://dobro.ru/organizations/10168342/actions (дата обращения: 01.03.2026).

6. Официальный сайт Всероссийского движения «Волонтеры Победы». URL: https://волонтерыпобеды.рф/directions/our-victories (дата обращения: 01.03.2026).

7. Официальный сайт Благотворительного фонда «Память поколений». URL: https://pamyatpokoleniy.ru/about/#mission (дата обращения: 01.03.2026).

8. Официальный сайт Регионального корпуса этноволонтеров Удмуртии. URL: https://dobro.ru/project/10084303 (дата обращения: 01.03.2026).

9. Указ Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (в ред. от 12 марта 2026 г.) // СЗ РФ. 2004. № 28, ст. 2882; 2026. № 11, ст. 1274.

10. Экологическая катастрофа: как стать волонтером в Анапе? // Интерфакс. URL: https://www.interfax-russia.ru/kaleidoscope/ekologicheskaya-katastrofa-kak-stat-volonterom-v-anape (дата обращения: 01.03.2026).

Т.А. Дураев,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права
имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии,
доцент кафедры таможенного,
административного и финансового
права Саратовского национального
исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского

Н.В. Тюменева,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории государства и права
Саратовского национального
исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ НАРОДА

Проблема публичной власти и роль народа в ее осуществлении были и остаются центральными вопросами государствоведения. Красной нитью проходят они и в научном наследии, оставленном видным, авторитетным конституционалистом, учителем и наставником для молодых ученых саратовской школы конституционного права, доктором юридических наук, профессором, почетным работником сферы образования РФ, почетным работником прокуратуры РФ Василием Ивановичем Радченко.

Несмотря на то, что имя Василия Ивановича в науке прочно связано с исследованием института президентуры, он одним из первых начал изучать организационные основы, форму и пределы осуществления публичной власти в России. Публичную власть профессор В.И. Радченко представлял в виде системного триединства государственной, региональной и местной власти. Задолго до закрепления публичной власти

в Конституции РФ Василий Иванович, подчеркивая ее функционал, писал о том, что публичная власть призвана обеспечить государственное единство и целостность Российской Федерации путем формирования мобильного механизма, сочетающего в себе конституционные, политические, финансово-экономические, административные, уголовно-правовые меры противодействия любой угрозе, исходящей не только извне, но и от различных политических сил в самом государстве [1, с. 38]. Важным звеном данного механизма он считал местное самоуправление и рассматривал его как составную, действенную часть механизма публичной власти, требующую на этом основании усиления правовых и материальных гарантий [2, с. 141]. Анализируя усиление тенденций, связанных с децентрализацией власти, ученый «нащупал» еще одно перспективное направление исследования публичной власти в контексте народовластия, назвав его высшим уровнем в системе социального управления [3]. Таким образом, в трудах профессора В.И. Радченко были заложены научные основы для исследования публичной власти народа, которые требуют дальнейшего осмысления и разработки.

В различные исторические периоды проблемы публичной власти и ее осуществления народом решались по-разному, в зависимости от политических приоритетов развития общества, экономических возможностей государства, культурно-исторических условий существования правовой системы и пр. [4, с. 15].

В советском государствоведении публичная власть не играла заметной роли, поэтому рассматривалась не самостоятельно, а лишь в контексте исследований, посвященных государственной власти, которая считалась приоритетным социально значимым видом власти.

В современных конституционных реалиях народ выступает носителем суверенитета и единственным источником власти в стране. Историческим и материальным основанием этого конституционного положения служит то, что народ, развиваясь и подчиняясь законам и правилам, выработанным его собственной историей, организовал государство и наделил его властью, необходимой для поддержания правопорядка в стране [5, с. 7]. Иными словами, «народ, организованный в государство, – это и есть государство» [6, с. 20], закономерный смысл существования которого заключается в том, что независимо от исторических условий развития, смены поколений, трансформации структуры государственного аппарата в основе определения государства лежит учредительная власть народа, воля которого легитимирует всеобщий правопорядок [6].

Не случайно, что народовластие сегодня является наиболее привлекательной идеей, которая составляет ядро современной демократии. В Конституции

РФ народовластие основывается на понимании многонационального российского народа в качестве единственного источника власти государства, реализующего свою власть непосредственно либо через представительные институты демократии. И в этом смысле народовластие совпадает по объему с публичной властью [7, с. 200].

В преамбуле Конституции РФ заложены подходы к раскрытию понятия «народовластие». С одной стороны, народовластие обусловлено волей людей, тысячелетиями сохранявшими историческую общность, проживая на одной территории, защищая ее как свое Отечество, поддерживая культурные традиции, укрепляя мир и согласие, т.е. осознавая самоценность государственного устроения своей жизни [6, с. 452].

С другой стороны, народовластие обусловлено политико-правовой общностью народа как совокупности граждан государства, которые принимают официальные коллективные политически значимые решения по важнейшим вопросам государственно-правового строительства. В этом значении народ выступает источником власти, суть которого заключается в передаче государственным органам, учрежденным на основании Конституции РФ, права на управление обществом в течение определенного срока.

Обозначенные аспекты народовластия составляют содержательные и формально-юридические пределы осуществления государственной власти, условием и предпосылкой которой служит публичная власть народа.

Несмотря на то, что термин «публичная власть» давно используется в политико-правовых науках, прочно вошел в юридический лексикон, а с 2020 г. еще и получил официальное, конституционно-правовое содержание и значение, до сих пор отсутствует его однозначное толкование, что затрудняет его концептуализацию [8, с. 9].

Обращение к словарю синонимов показывает, что слово «публичный» связано с такими близкими по значению словами, как официальный, гласный, всенародный, всеобщий, общественный, вселюдный, прилюдный, открытый [9, с. 305], и буквально означает «осуществляемый в присутствии публики, открытый, гласный» [10, с. 805].

Исходя из семантики слова «публичный», в специальной юридической литературе появились разнообразные подходы к раскрытию смысла термина «публичная власть». Часто публичная власть понимается в значении общественной власти [11, с. 161], т.е. власти, осуществляемой от имени и в интересах всего общества. В таком значении о публичной власти писал Ф. Энгельс в известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Так, характеризуя публичную власть первобытного общества, основанного на самоуправлении, он подчеркивал ее важнейшую черту – совпадение объекта и субъекта властвования [12]. В условиях государства та-

кое совпадение невозможно, поскольку власть как инструмент коммуникации между различными социальными группами, классами и объединениями субъектов распадается на множество видов в зависимости от того, кому она принадлежит и в чьих интересах используется. В этой связи в политико-правовой науке выделяют различные виды власти: государственную, политическую, религиозную, родительскую, информационную и пр.

Большинство современных государствоведов, выявляя природу публичной власти, сопоставляют ее с властью государственной. Не будем останавливаться на анализе всех имеющихся взглядов на этот вопрос, отметим лишь общее для большинства из них: публичная и государственная власть близкие, но не тождественные понятия (они не совпадают по объему, по субъектам и формам осуществления; находятся в тесной диалектической взаимосвязи общего (публичная власть) и особенного (государственная власть)); однородны по своему функционалу в том смысле, что любая власть носит инструментальный характер, выступает средством коммуникации между людьми и их объединениями. Следовательно, публичную и государственную власть нецелесообразно противопоставлять друг другу, поскольку только их органическое единство способно поддерживать установленный конституционный порядок [13, с. 71].

При этом важно определить цель и задачи каждой власти. Нам близка позиция Р.М. Усмановой, которая считает, что задачей публичной власти является не всеобъемлющая организация и управление обществом, а достижение компромисса между государством с одной стороны и институтами гражданского общества, коллективными субъектами, отдельными гражданами с другой, «чтобы наилучшим образом соединить управление “сверху” с саморегулированием “снизу”» [14, с. 135].

В тексте Конституции РФ речь идет не просто о публичной власти, а о единой системе публичной власти, включающей власть государственную, политическую и местную власть, происходящие из общего корня, одного истока, единой предпосылки, которой выступает суверенитет народа, независимой и самостоятельной волей которого и было создано государство, власти которого добровольно подчинился народ.

Итак, публичная власть народа – это особая и самостоятельная власть, не совпадающая по своему содержанию и объему с властью государственной [15, с. 52–53], обладающей признаками, одинаково относящимися к любым устойчивым этносоциальным общностям, существующим в разные исторические эпохи, в которых функция управления реализуется посредством создания специализированных структур власти, осуществляющих ее на профессиональной основе.

Объектом публичной власти народа выступает публичный интерес, удовлетворение которого служит условием и гарантией существования и развития российского общества и государства. Публичный интерес – это не простая совокупность частных интересов индивидов, а интересы, имеющие общезначимый характер и проявляющиеся во всех социальных сферах. Публичные интересы становятся приоритетами государственной политики и подлежат всемерной охране со стороны государства. Таковыми, например, являются права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ), дети и защита их прав (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ), защита Отечества, исторической памяти и исторической правды о подвиге народа (ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ), гражданский мир и согласие (ст. 80 Конституции РФ) и др.

С учетом анализа конституционных и законодательных положений можно выделить следующие признаки публичной власти народа: особый субъект осуществления – народ и любые формы его политико-территориальных объединений; официальный и учредительный характер; гласность и открытость осуществления; системность и самоорганизация; социальная солидарность как основа принимаемых решений.

Таким образом, публичная власть народа имеет многофункциональное значение и представляет собой одну из важнейших конституционных, а также политико-правовых категорий; выступает общим началом и предпосылкой государственной, политической власти и власти местного самоуправления, но не совпадает ни с одной из них; является инструментом коммуникации государства и народа и всех его политико-территориальных объединений.

Библиографический список

1. *Радченко В.И., Угланова О.А.* Публичная власть и стабильность Российской Федерации // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1 (14). С. 37–40.

2. *Радченко В.И., Угланова О.А.* Местное самоуправление в системе публичной власти Российской Федерации // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. Вып. 20. С. 140–144.

3. *Радченко В.И.* Уровни публичной власти: пределы децентрализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3 (85). С. 70–72.

4. *Бредихин А.Л., Фомичев С.М.* Интересы личности, общества и государства в процессе трансформации форм государства // Теория государства и права. 2023. № 2 (31). С. 12–15.

5. *Эбзеев Б.С.* Государство как «образ и действительность» разума, или Конституция России о гражданском мире и согласии // Государство и право. 2022. № 8. С. 7–20.

6. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.

7. *Иванов И.В.* Конституционно-правовой механизм публичной власти в Российской Федерации // Теория государства и права. 2023. № 4 (33). С. 198–202.

8. *Грачев Н.И.* Публичная власть как политико-правовая категория: понятие, основные признаки и формы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 8–19.

9. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50 000 слов / под ред. А.С. Гавриловой. М.: Аделант, 2014. 800 с.

10. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. М.: Грамота, 2000. 1536 с.

11. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для юрид. вузов и факультетов: в 4 т. / рук. авт. кол. и отв. ред. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 1993. Т. 1. 245 с.

12. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1989. 222 с.

13. *Головин А.Г.* О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // Lex russica. 2022. Т. 75, № 5 (186). С. 71–88.

14. *Усманова Р.М.* О соотношении понятий «публичное регулирование», «публичное управление» и «публичная власть» // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 133–140.

15. *Югов А.А.* Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 1999. 124 с.

А.А. Васильев,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского
надзора и криминологии
Саратовской государственной
юридической академии,
прокурор Воскресенского района
Саратовской области,
советник юстиции,

О.А. Грачёва,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского
надзора и криминологии
Саратовской государственной
юридической академии

ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

Институт бесплатной юридической помощи выступает важнейшим элементом конституционного механизма обеспечения права каждого на получение квалифицированной юридической помощи и доступ к правосудию [1, ст. 48]. Построение эффективной системы бесплатной юридической помощи предполагает участие широкого круга субъектов: адвокатуры, органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, негосударственных правозащитных организаций. Особое место среди них занимает прокуратура РФ, обладающая специфическим конституционно-правовым статусом, осуществляющая надзор за исполнением законов и иную правозащитную деятельность [2].

Цель настоящей статьи заключается в теоретико-правовом осмыслении статуса прокуратуры РФ в системе субъектов, обеспечивающих реализацию права на бесплатную юридическую помощь, в выявлении

ключевых проблем и перспектив совершенствования ее участия в указанной сфере.

Нормативную основу участия органов прокуратуры РФ в обеспечении права граждан на бесплатную юридическую помощь составляют конституционные положения, федеральное законодательство, а также подзаконные нормативные акты. Конституция РФ закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи и предусматривает гарантии ее бесплатности в установленных законом случаях; вместе с тем Конституция определяет и место прокуратуры в системе органов государственной власти [2].

Важнейшее значение имеет Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», в котором раскрываются задачи, функции и полномочия органов прокуратуры, в том числе в части защиты прав и свобод человека и гражданина [2]. Специальное место в правовом регулировании принадлежит Федеральному закону «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», устанавливающему систему субъектов, формы и порядок оказания такой помощи [3]. В данном Законе закреплены полномочия органов прокуратуры в рассматриваемой сфере, включая участие в обеспечении доступности бесплатной помощи, взаимодействие с иными субъектами системы, а также отдельные элементы правового просвещения [3, ст. 13].

Наряду с федеральным регулированием заметную роль играют региональные нормативные акты, конкретизирующие механизмы организации бесплатной юридической помощи на уровне субъектов РФ [4]. Дополняют указанную систему ведомственные акты органов прокуратуры, регламентирующие порядок работы с обращениями граждан, участие в правовом просвещении и взаимодействие с иными субъектами.

Особенность участия органов прокуратуры в обеспечении права граждан на бесплатную юридическую помощь заключается в сочетании надзорной и правоприменительной составляющих. В отличие от адвокатуры и специализированных государственных организаций, непосредственно оказывающих юридические услуги, прокуратура выполняет преимущественно публично-правовую функцию контроля за соблюдением законодательства и восстановления нарушенных прав [5, с. 78].

Во-первых, прокурорские органы осуществляют надзор за исполнением законодательства о бесплатной юридической помощи органами государственной власти, органами местного самоуправления, подведомственными учреждениями и иными организациями. В рамках этой деятельности прокуратура проверяет наличие и полноту региональных программ по оказанию

бесплатной юридической помощи, соблюдение установленных требований к качеству и доступности помощи, порядок финансирования и организацию работы уполномоченных структур [6, с. 112]. По результатам проверок прокуроры вправе приносить протесты на незаконные нормативные акты, вносить представления, возбуждать дела об административных правонарушениях, обращаться в суд с заявлениями в защиту неопределенного круга лиц.

Во-вторых, прокуратура реализует правоприменительные полномочия, непосредственно направленные на защиту прав конкретных граждан, включая право на бесплатную юридическую помощь. К числу таких полномочий относятся: обращение в суд в интересах граждан, не способных самостоятельно защитить свои права; принесение исковых заявлений, заявлений в порядке особого производства; участие в судебных заседаниях в целях обеспечения законности и защиты прав социально уязвимых категорий населения [7, с. 45]. Хотя подобные действия не всегда квалифицируются как юридическая помощь в узком договорном смысле, их результаты способствуют восстановлению нарушенных прав и фактически компенсируют гражданину невозможность получения платных юридических услуг.

В-третьих, важным элементом участия прокуратуры в указанной сфере является информационно-консультационная деятельность. Органы прокуратуры рассматривают многочисленные обращения граждан, разъясняют им положения законодательства, ориентируют в выборе правовых способов защиты, а при необходимости направляют к уполномоченным субъектам системы бесплатной юридической помощи [8, с. 89].

Надзорная функция прокуратуры в рассматриваемой сфере проявляется прежде всего в контроле за соблюдением законодательства о бесплатной юридической помощи всеми органами и организациями, на которые возложены соответствующие обязанности. В рамках общего надзора за исполнением законов прокуратура проверяет полноту и своевременность принятия региональных и муниципальных нормативных актов, регламентирующих предоставление бесплатной юридической помощи; соответствие таких актов федеральному законодательству и конституционным принципам; организацию работы уполномоченных органов и учреждений по приему граждан, ведению учета обращений и оказанию помощи [9, с. 134].

Выявление нарушений законодательства в этой области влечет применение широкого спектра прокурорских средств реагирования. В случае принятия незаконных или необоснованно ограничивающих права граждан нормативных актов прокурор приносит протест, добиваясь их отмены или изменения. При обнаружении нарушений в деятельности

конкретных органов или должностных лиц вносится представление, по результатам рассмотрения которого должны быть приняты меры по устранению нарушений и привлечению виновных к ответственности [10, с. 67].

Особо следует отметить надзор за соблюдением прав социально уязвимых категорий граждан, для которых право на бесплатную юридическую помощь имеет ключевое значение: инвалидов, пенсионеров, многодетных семей, малоимущих, лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. В случаях отказа в предоставлении бесплатной помощи, затягивания ее оказания, нарушения качества или объема услуг прокуратура вправе непосредственно вмешаться, потребовать устранения нарушений и восстановить права заявителей [11, с. 98].

Правоприменительная деятельность прокуратуры в контексте обеспечения права на бесплатную юридическую помощь проявляется в различных формах участия органов прокуратуры в судопроизводстве и иных правовых процедурах. Наиболее характерными из них являются: обращение прокурора в суд с заявлениями в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, которые по состоянию здоровья, материальному положению или иным объективным причинам не могут самостоятельно отстаивать свои права; участие прокурора в рассмотрении гражданских и административных дел в целях обеспечения законности и защиты интересов социально уязвимых граждан; принесение кассационных и иных представлений на судебные акты [12, с. 156].

В ряде случаев подобная деятельность фактически компенсирует отсутствие у граждан возможности заключить договор с адвокатом или иным представителем, тем самым обеспечивая им доступ к правосудию. При этом прокуратура не подменяет адвокатуру, а выполняет специфическую публично-правовую функцию по защите прав лиц, нуждающихся в особой защите со стороны государства [13, с. 201].

Правозащитный потенциал прокуратуры проявляется и в работе с обращениями граждан. В процессе их рассмотрения прокуроры не только выявляют нарушения закона, но и разъясняют гражданам их права, возможные способы защиты, порядок обращения за бесплатной юридической помощью. В случаях, когда вопросы выходят за пределы компетенции прокуратуры, граждане направляются в соответствующие органы или организации, включая учреждения государственной системы бесплатной юридической помощи и адвокатские образования [14, с. 45].

Несмотря на значительный потенциал органов прокуратуры в рассматриваемой сфере, анализ практики выявляет ряд проблем. Во-первых, отмечается неравномерность регионального нормативного регулирования и организацион-

ных подходов к участию прокуратуры в системах бесплатной юридической помощи субъектов РФ [15, с. 89]. Во-вторых, сохраняется недостаточная осведомленность граждан о возможностях защиты своих прав посредством обращения в органы прокуратуры, в том числе в контексте реализации права на бесплатную юридическую помощь [16, с. 112]. В-третьих, определенное значение имеет ограниченность кадровых и организационных ресурсов органов прокуратуры, обусловливающая высокую нагрузку на прокуроров и затрудняющая реализацию профилактических, разъяснительных и просветительских функций [17, с. 67]. В-четвертых, наблюдается фрагментарность статистического учета результатов деятельности органов прокуратуры именно в сфере обеспечения права на бесплатную юридическую помощь [18, с. 134].

Перспективные направления совершенствования участия прокуратуры в обеспечении права на бесплатную юридическую помощь могут включать: нормативное уточнение и детализацию полномочий органов прокуратуры в профильном законодательстве; развитие межведомственных форм координации и информационного взаимодействия с органами государственной власти, адвокатскими палатами, государственными и муниципальными учреждениями; внедрение единых стандартов статистического учета и анализа данных о рассмотрении обращений граждан; расширение правопросветительской деятельности прокуратуры [19, с. 178].

Реализация указанных направлений позволит повысить эффективность участия прокуратуры в обеспечении права граждан на бесплатную юридическую помощь, а также укрепить доверие общества к институтам прокуратуры и системе правосудия в целом [20, с. 234].

Прокуратура РФ занимает особое место в системе субъектов, обеспечивающих реализацию права граждан на бесплатную юридическую помощь. Органы прокуратуры, сочетающие в себе надзорные, правоприменительные и правозащитные функции, выступают важнейшим элементом государственного механизма защиты прав и свобод, обеспечивая восстановление нарушенных прав и профилактику новых нарушений. Выявленные проблемы – неравномерность регионального регулирования, недостаточная информированность граждан, ограниченность ресурсов и фрагментарность статистического учета – свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования правового статуса и организационных форм участия прокуратуры в системе бесплатной юридической помощи. Усиление роли прокуратуры как субъекта обеспечения права на бесплатную юридическую помощь способствует укреплению гарантий доступности правосудия, повышению эффективности правозащитного механизма государства и формированию высокого уровня правовой культуры общества.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8320.

3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (в ред. от 23 марта 2026 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6725; 2026. № 13, ст. 1519.

4. *Гончарова И.А.* Российская модель организации оказания бесплатной юридической помощи: современные проблемы и перспективы развития // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 14, № 3. С. 56–68.

5. *Винокуров А.Ю.* Прокурорский надзор: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2023. 412 с.

6. *Капинус О.С.* Прокурорский надзор в современной России: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 105–118.

7. *Ястребов В.Б.* Прокуратура в системе защиты прав и свобод человека и гражданина // Законность. 2023. № 5. С. 41–48.

8. *Кехлеров С.Г.* Роль органов прокуратуры в обеспечении доступа граждан к правосудию // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 84–92.

9. *Бессарабов В.Г.* Правозащитная деятельность российской прокуратуры: монография. М.: Проспект, 2022. 288 с.

10. *Крюков В.Ф.* Прокурорский надзор за исполнением законов: учеб. пособие. М.: Норма, 2023. 176 с.

11. *Смирнов А.Ф., Манукян А.Г.* Прокуратура и права человека. М.: Норма, 2024. 240 с.

12. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2023. 768 с.

13. *Ашурбеков Т.А.* Правозащитная функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М.: Юнити-Дана, 2022. 312 с.

14. *Лапшин В.Ф.* Бесплатная юридическая помощь в Российской Федерации: правовые и организационные аспекты // Современное право. 2023. № 8. С. 38–47.

15. *Головко И.И.* Региональные модели оказания бесплатной юридической помощи в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1. С. 85–93.

16. *Клеандров М.И.* Правовая культура и доступность юридической помощи // Государство и право. 2023. № 4. С. 108–116.

17. *Звонарева О.С.* Организационно-правовые проблемы деятельности органов прокуратуры в сфере защиты прав граждан // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 2. С. 62–70.

18. *Хатов Э.Б.* Статистический учет в деятельности органов прокуратуры: современное состояние и перспективы // Законность. 2024. № 3. С. 128–137.

19. *Скуратов Ю.И., Сидоренко Э.Л.* Совершенствование механизма обеспечения права граждан на бесплатную юридическую помощь // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 172–183.

20. *Рябцев В.П.* Прокуратура в правовой системе России: монография. М.: Норма, 2023. 416 с.

И.А. Зырянов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права
имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

ВОСПОМИНАНИЯ О ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧЕ РАДЧЕНКО

Имя Василия Ивановича Радченко неразрывно связано с историей Саратовской государственной юридической академии (СГЮА, Академия) и становлением системы юридического образования в постсоветской России. Человек удивительной судьбы, он прошел путь от фрезеровщика и пограничника до проректора и основателя одного из ключевых структурных подразделений СГЮА – Института прокуратуры. Эта закалка сформировала в нем внутренний стержень, который гармонично сочетался с уважительным и добрым отношением к окружающим.

За регалиями (доктор наук, профессор, почетный работник прокуратуры РФ, почетный работник сферы образования РФ) для знавших В.И. Радченко людей всегда стоял прежде всего человек. Василий Иванович не просто изучал право: он участвовал в формировании саратовской юридической школы, закладывая прочный фундамент для будущих поколений правоведов. Его жизнь – это пример служения избранному делу, где органично сочетались глубокая научная мысль, талант руководителя, воспитателя молодых кадров и личное обаяние.

Однако для многих десятков выпускников имя Василия Ивановича Радченко ассоциируется в первую очередь с созданием Института прокуратуры Саратовской государственной академии права. Благодаря его неуемной энергии и блестящим организаторским способностям у Института прокуратуры появился собственный восьмиэтажный учебный корпус площадью почти 12 тыс. кв. м. На официальном открытии института вместе с Василием Ивановичем присутствовали Генеральный прокурор РФ Ю.И. Скуратов и 12 прокуроров субъектов РФ, судья Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеев, депутат Саратовской областной

Думы (ныне – Председатель Государственной Думы РФ) В.В. Володин [1].

Именно В.И. Радченко в июле 1996 г. был назначен директором вновь образованного института и блестяще руководил им до 2009 г. Это был период не просто административной работы, а настоящего созидания. Примечательно, что к строительству активно привлекались студенческие строительные отряды – так Василий Иванович воспитывал в будущих юристах не только профессионализм, но и трудовую дисциплину, чувство причастности к созданию своего второго дома. Сейчас Институт прокуратуры – это кузница профессиональных кадров, благодаря которой в юридическом сообществе появляются тысячи прокуроров, судей и талантливых юристов.

Говоря современным языком, Василий Иванович был самым настоящим омбудсменом студентов того времени, в 1980-е гг. – секретарь парткома института, дававший наставления многим комсомольцам по различным аспектам будущей профессии.

Первое мое (заочное) знакомство с Василием Ивановичем состоялось в далеком детстве. Мне было 7 лет, когда в гости к моей бабушке пришел друг семьи, молодой старший следователь прокуратуры г. Энгельса Владимир Михайлович Сенюков, ныне – почетный адвокат России. Вспоминая студенческие годы, он рассуждал о справедливости и с восторгом рассказывал о своем парторге и учителе Василии Ивановиче Радченко. В детстве я еще не раз слышал о нем от Владимира Михайловича, о его смелости в разрешении самых курьезных конфликтов и воспитательных беседах со студентами на должности парторга.

Лично познакомиться с ним мне удалось при обсуждении моей диссертации на кафедре конституционного и международного права Академии в 2015 г. Его советы были бесценны: «Игорь, у Вас много интересных практических положений на защиту. Предлагаю теоретические заменить в большей мере на практические. И… поменяйте Вы приложение к диссертации в виде стратегии и методологии проведения дел в Конституционном Суде РФ. Лучше не обижайте Конституционный Суд РФ. Это будет тактически и политически верный шаг. Как защититесь, сделайте из него лучше пособие!» Я так потом и поступил: заменил приложение на законопроект.

Щедро делясь с аспирантами знаниями и методологией научного поиска как педагог и наставник, Василий Иванович подготовил семь кандидатов юридических наук. В начале лекции он всегда говорил: «Задавайте мне вопросы!», привлекая внимание аудитории, тактично мог обратиться к каждому студенту с дискуссионным вопросом, спросить его личное мнение и развить дискуссию. Всегда был внимателен, ценил работу студентов.

Василий Иванович любил проводить студенческие викторины и деловые игры и охотно соглашался помочь студентам в проведении интерактивов, которые предлагали участники студенческого научного общества. Он мог обратиться к коллегам с просьбой стать членами жюри на подобных мероприятиях, которые всегда проводились им на высоком методическом уровне. После них студенты на семинарах еще долго с радостью делились между собой и даже со мной впечатлениями о незабываемых занятиях по конституционному праву России.

В.И. Радченко всегда знал, кто на что способен, чувствовал людей, к каждому мог найти подход, видел хватку студентов и нередко после общения на кафедре тем, в ком замечал потенциал, советовал заниматься научной деятельностью. Поэтому возле кафедры часто толпились студенты, желающие писать курсовую или научную работу именно у него. Он был строгим, но очень справедливым.

К аспирантам и магистрантам относился так же трепетно, как и к студентам. Сначала, по классической методологии, как и заведующий кафедрой Владимир Терентьевич Кабышев, давал задание почитать «Библиографию по конституционному и муниципальному праву России» Сурена Авакьяна [2], начитать литературу и только потом выбирать тему. Своим личным примером Василий Иванович постоянно показывал, что совершенствовать интеллектуальный уровень нужно с печатными книгами и научными статьями в руках. Я постоянно видел его в научной библиотеке Академии, как и его учеников, за «общением» с живыми книгами, что сейчас для многих редкость.

Особенно мне запомнился последний аспирант профессора В.И. Радченко Залумхан Пенжалиев. Так сложилась судьба, что молодому ученому пришлось назначать второго научного руководителя – профессора Евгения Викторовича Колесникова ввиду смерти учителя. Но в автореферате диссертации в память о Василии Ивановиче указано два научных руководителя [3]. На защите у Залумхана Гюлбалаевича, состоявшейся в 2023 г., я выступил неофициальным оппонентом, поскольку ранее Василий Иванович просил меня рецензировать его диссертацию. Конечно, часть речи перед диссертационным советом была посвящена памяти профессора В.И. Радченко.

Как ученый старой закалки, Василий Иванович был трудолюбив. Несмотря на повышенное артериальное давление, до последнего оставался в строю, полностью отдавая себя работе и альма-матер. Студенты любили его. Это был человек с большим авторитетом. Коллеги из практических органов разных регионов, если находились проездом в Саратове, приходили к нему за советом или просто увидеть и пообщаться.

Человек он был гостеприимный. К моему глубочайшему сожалению, я так и не побывал у него при жизни. О щедром восточном гостеприимстве свидетельствует репортаж, который был снят съемочной группой студенческого медиацентра SM Production в 2021 г. в гостях у Василия Ивановича. Даже спустя годы после ухода с поста директора он по-прежнему оставался открытым и увлеченным жизнью человеком. Этот репортаж в рамках проекта «Наука гостеприимства» до сих пор ротируют для студентов по телевидению Академии. В нем отражается «память» Академии, традиции ученого, его эпоха, преемственность поколений юристов.

В настоящее время научные традиции, заложенные Василием Ивановичем Радченко, продолжают жить в международных и межрегиональных конференциях, проводимых в его честь среди студентов и профессорско-преподавательского состава, а также в возобновленном издании альманаха Института прокуратуры СГЮА «Человек и право – XXI век» – одного из ведущих научно-практических журналов саратовской школы права.

Библиографической список

1. Факты об Институте прокуратуры // Институт прокуратуры – Саратовская государственная юридическая академия. URL: http://proc.ssla.ru/факты-об-институте-прокуратуры-2/ (дата обращения: 30.03.2026).

2. *Авакьян С.А.* Библиография по конституционному и муниципальному праву России. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 719 с.

3. *Пенжалиев З.Г.* Вооруженные Силы в государственном механизме защиты основ конституционного строя России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 30 с.

Д.С. Ивакина,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры юриспруденции
Западного филиала РАНХиГС

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Государственное управление в сфере культуры включает комплексную деятельность всех органов публичной власти и направлено не только на развитие и сохранение культуры и искусства, но и на обеспечение национальных интересов России, в том числе общенациональной идеи. Как справедливо отмечал В.И. Радченко, для гражданина России осознание себя частью великой, сильной, суверенной державы, территория и богатства которой являются самыми значительными в современном мире, придает ему объективное чувство гордости и в то же время сопричастности, личной ответственности и непринятия иррационального управления этим наследием. Таким образом, национальная идея должна и может выступать как сдерживающая духовная сила против реальных и возможных в будущем центробежных тенденций, а также способствовать формированию и укреплению в сознании каждого из нас национальных интересов и национальных приоритетов России [1, с. 115].

В обеспечении и защите культурных прав и свобод, сохранении культурного наследия РФ активное участие принимают органы публичной власти, правоохранительные и силовые структуры, общественные и неправительственные организации. Это прежде всего Правительство России, министерства культуры, просвещения, науки и высшего образования, федеральные службы, регионально-субъектные и муниципальные органы, общественные и религиозные объединения.

В целях повышения эффективности внесудебных форм защиты культурных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации считаем необходимым создание Федеральной службы по охране культурных ценностей, а также восстановление упраздненной в 2011 г. Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в об-

ласти охраны культурного наследия, полномочия которой были переданы Министерству культуры РФ и Департаменту государственной охраны культурного наследия.

Создание данных органов целесообразно в силу того, что Министерство культуры РФ и Департамент государственной охраны культурного наследия перегружены, выполняют большое число полномочий и функций. Кроме того, наряду с охраной существующих культурных ценностей Федеральная служба по охране культурных ценностей занималась бы охраной новых культурных ценностей, в том числе процедурой (экспертизами) отнесения предметов, объектов, результатов творческой деятельности человека, народов России, этнических общностей к культурным ценностям.

Учреждение указанных органов способствовало бы более быстрому и эффективному решению сложных вопросов, связанных с отнесением предметов, объектов, результатов творческой деятельности к культурным ценностям. Так, только в 2022 г. Министерство культуры РФ составило реестры традиционных ценностей и чуждых идей. К разрушительным и чуждым идеям и ценностям отнесены: культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности; отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству; разрушение традиционной семьи; отрицание идеи созидательного труда и позитивного вклада России в мировую культуру. Они отмечены в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Департамент государственной охраны культурного наследия осуществляет государственную охрану, контроль и надзор за соблюдением законодательства РФ в сфере культурного наследия, лицензирования деятельности по сохранению подобных объектов, включенных (или выявленных) в реестр, выдачу заданий и разрешений на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия федерального значения, перечень которых установлен Правительством РФ, аттестацию специалистов в указанной области (за исключением спасательных археологических полевых работ) и в области реставрации иных культурных ценностей.

К полномочиям Федеральной службы по охране культурных ценностей (в случае создания) целесообразно отнести: деятельность по процедурам вывоза и ввоза культурных ценностей на территории России, по сохранению этих ценностей в мирное время; проведение экспертиз по выявлению новых культурных ценностей; аттестацию специалистов (экспертов) в области искусства, литературы, религии, истории; научно-исследовательскую деятельность в данной области и систематиза-

цию сведений в сфере практического применения знаний о них.

О наличии нерешенных управленческих и административных проблем в работе этого ведомства свидетельствует и то, что за последние 10 лет неоднократно случались громкие аресты высоких чиновников Министерства культуры РФ и руководителей музеев, связанные как с незаконной реставрационной деятельностью, так и с растратой средств федерального бюджета [2]. Данные факты свидетельствуют о необходимости оптимизации государственного управления данной сферой, и соответственно, учреждения специализированного органа.

Следует обозначить основные проблемы в области государственного управления сферой культуры. Это, во-первых, перегруженность Министерства культуры РФ в силу большого количества полномочий, а во-вторых, отсутствие комплексной работы между органами публичной власти, общественными организациями и гражданами. Часто граждане испытывают трудности при обращении в органы публичной власти по поводу нарушений культурных прав и свобод. Кроме того, творческие организации тоже не всегда получают положительные решения. Так, в Калининграде в 2024 г. местными органами власти было принято решение о закрытии книжного магазина «Катарсис», который также позиционировал себя как культурное пространство, в рамках которого собиралась творческая интеллигенция города. В связи с этим калининградцы инициировали сбор подписей в поддержку магазина. В общей сложности петицию подписали 3 519 человек. В результате чего министр культуры Калининградской области принял решение о выделении помещения под магазин [3].

Для решения обозначенных проблем в области государственного управления сферой культуры, по нашему мнению, необходимо принять ряд мер. Несмотря на функционирование указанных органов публичной власти в сфере культуры, считаем целесообразным наделение определенными полномочиями специализированного органа в данной сфере – Федеральной службы по охране культурных ценностей, а также восстановление Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия. Следует установить повышенный надзор и контроль за всеми органами публичной власти сферы культуры, поскольку за последние десятилетия должностные лица этого федерального органа государственной власти были замечены не только в нецелевом использовании выделенных государственных финансовых средств, но и в громких коррупционных преступлениях [4].

Взаимодействие правоохранительных органов по защите культурных прав и свобод является важной юридической гарантией их обеспечения. При расследовании преступлений, связанных

с хищением культурных ценностей, необходимо взаимодействие как органов прокуратуры, полиции, так и международных правоохранительных органов. Так, в 2024 г. полиция Италии вернула в Россию украденную в 1995 г. виолончель из Государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов РФ. Ее создал известный итальянский мастер XVII в. Джованни Батиста Роджери. После хищения она была внесена в информационную базу похищенных культурных ценностей Интерпола. В 2018 г. виолончель заметили во Франции: ее выставили на аукцион, но затем сняли с торгов. Национальное центральное бюро Интерпола МВД России выяснило, что инструмент перевезли из Италии, где его изъяли местные сотрудники полиции [5].

Поскольку культурные ценности имеют не только особую историческую, научную, культурную и художественную значимость, но и нередко высокую имущественную стоимость, то при расследовании преступлений, связанных с их хищением, целесообразно подключение всех правоохранительных органов, в том числе и международных, а также при необходимости и общественных структур, что будет способствовать совершенствованию государственного управления в сфере культуры в целом.

Исходя из изложенного, можно заключить, что перспективными направлениями совершенствования государственного управления в сфере культуры выступают: передача части полномочий по охране культурных ценностей специализированным органам, в частности Федеральной службе по охране культурных ценностей; комплексное взаимодействие органов публичной власти и общественных структур в сохранении культурного наследия РФ и обеспечении культурных прав и свобод.

Библиографический список

1. *Радченко В.И.* Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 110–115.

2. Дело ФСБ о псевдореставрациях Минкульта: задержаны уже трое // Сетевое издание «Вести.Ру». URL: https://www.vesti.ru/article/1503898 (дата обращения: 13.04.2026).

3. Собственник «Катарсиса» не смог найти новое место под книжный магазин // Новый Калининград.Ru. URL: https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24130160-sobstvennik-katarsisa-ne-smog-nayti-novoe-mesto-pod-knizhnyy-magazin.html (дата обращения: 08.02.2026).

4. Самые громкие скандалы с Минкультуры // NEWS.RU – главные новости дня. URL: https://news.ru/culture/samye-gromkie-skandaly-minkul-tury (дата обращения: 10.02.2026).

5. В Россию из Италии вернули украденную 30 лет назад виолончель 17 века // РИА Новости. URL: http://www.ria.ru/20241018/violonchel-1978823969.html (дата обращения: 21.02.2026).

О.Н. Кичалюк,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой конституционного
и муниципального права Института
сферы обслуживания и предпринимательства
(филиала) ДГТУ в г. Шахты

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ГАРАНТ ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Появление института президентуры в механизме публичной власти является следствием реформирования российской государственности и закономерным этапом конституционного развития страны.

Профессор В.И. Радченко задолго до широкомасштабных изменений, внесенных в Конституцию РФ Законом о поправке от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1], утверждал, что «сильный Президент, сильная верховная власть – основа государственного единства и территориальной целостности страны» [2, с. 113]. С другой стороны, Президент РФ концентрирует интересы всего общества и является его олицетворением [2, с. 114].

Конституированная концепция единства системы публичной власти, конечно, нуждается в дальнейшем научном исследовании, но на сегодняшний день признание данного единства не вызывает сомнений, поскольку оно коренится в едином источнике власти – многонациональном народе РФ, служит необходимым условием для обеспечения результативности функционирования органов публичной власти, способствуя их синергетическому взаимодействию в достижении стратегических целей государства и общества.

Очевидно, что «согласованное функционирование всех ветвей власти в государстве имеет важное значение, т.к. направлено на обеспечение политической стабильности, устойчивости всего государственного механизма управления снизу доверху» [3, с. 143].

Согласно ч. 2 ст. 80 Конституции РФ Президент является гарантом Основного Закона, прав и свобод человека и гражданина. В этой же части статьи говорится о наделении главы государства полномочиями по охране суверенитета, государственной целостности России, поддержке гражданского мира и согласия в стране, а также по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти. Иными словами, Президент РФ провозглашается гарантом единства системы публичной власти в государстве.

В соответствии с новой конструкцией структура публичной власти включает в себя органы государственной власти и органы местного самоуправления, что согласуется с ч. 3 ст. 132 Конституции РФ. Помимо этого, Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» расширяет определение единой системы публичной власти, которая теперь охватывает «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности» [4].

Роль Президента как гаранта единства государственной власти проявляется в осуществлении им ряда конституционных полномочий. К ним относятся, в частности, обеспечение слаженной работы и взаимодействия законодательных, исполнительных и судебных органов власти, а также органов местного самоуправления, участие в формировании государственных органов и применение согласительных процедур.

Согласованное функционирование и взаимодействие всех уровней публичной власти для федеративного государства – единственно возможный способ властвования. Это обусловлено тем, что субъекты Федерации реализуют свои полномочия исключительно посредством взаимодействия с федеральным центром. Аналогичным образом функционирует и местное самоуправление. Мы солидарны с профессором Т.В. Заметиной, полагающей, что «единство системы государственной власти выступает в качестве гарантии обеспечения единства Российского федеративного государства» [5, с. 67]. Вступивший в юридическую силу 19 июня 2025 г. Федеральный закон № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» урегулировал взаимоотношения местного самоуправления и государственных органов, исходя из их функционального назначения в единой системе публичной власти [6]. Например, по аналогии с главами субъектов Федерации, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 21 данного Закона, теперь Президент РФ вправе досрочно прекратить полномочия главы муниципального образования в связи с «утратой доверия» главы государства.

Кроме того, новым основанием для удаления в отставку главы муниципалитета служит «систематическое недостижение показателей эффективности» работы органов местного уровня, что ярко иллюстрирует единство вертикали публичной власти. Как отмечает профессор Б.С. Эбзеев, властная вертикаль является объективным основанием «единства и целостности России» [7, с. 8]. Президент РФ, резюмируют В.И. Радченко и О.А. Угланова, «“сшивает” российскую государственность в одно целое» [8, с. 38].

Гарантом единства системы публичной власти глава российского государства выступает, оказывая влияние на процедуры формирования органов власти федерального и регионального уровней и привлечения их к конституционной ответственности. В результате конституционной реформы 2020 г. Президент РФ юридически встал во главе исполнительной власти, что подтверждается конституционными нормами, согласно которым он осуществляет общее руководство Правительством РФ, а Председатель Правительства РФ теперь несет персональную ответственность перед ним. Императивное требование о роспуске Государственной Думы при троекратном отклонении кандидатуры Председателя Правительства РФ сегодня трансформировалось в дискреционное право главы государства. Полагаем, что данное полномочие даже в условиях потенциального конфликта между Президентом РФ и нижней палатой парламента служит гарантом стабильности государственного механизма, предоставляя главе государства конституционный инструментарий для обеспечения непрерывного функционирования федерального законодательного органа.

В целях гарантирования единства системы публичной власти законодательно регламентированы основания и формы ответственности региональных парламентов и высших должностных лиц субъектов Федерации [9].

Для разрешения конституционно-правовых споров между органами публичной власти федерального и регионального уровней Президент РФ использует согласительные процедуры. Роль Президента как гаранта единства системы публичной власти в урегулировании разногласий высока. Его авторитет, контроль и административный ресурс способствуют разрешению конфликтов и обеспечивают стабильную работу государственного аппарата в целом. Мы солидарны с позицией профессора Б.С. Эбзеева, согласно которой интегративная функция главы государства доминирует над всеми остальными [10, с. 212].

Таким образом, на сегодняшний день российский институт Президента является ключевым интегрирующим элементом в механизме публичной власти, обеспечивающим его целостность, а Президент РФ как глава государства выступает гарантом единства всей системы публичной власти в стране.

Библиографический список

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 мая 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

2. *Радченко В.И.* Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 110–115.

3. *Радченко В.И., Угланова О.А.* Местное самоуправление в системе публичной власти Российской Федерации // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Т.В. Заметиной. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. Вып. 20. С. 140–144.

4. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1999. № 14, ст. 1650; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5808.

5. *Заметина Т.В.* Федерализм в системе конституционного строя России. М.: ДМК-Пресс, 2010. 304 с.

6. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2025. № 12, ст. 1200; 2026. № 15, ст. 1852.

7. *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.

8. *Радченко В.И., Угланова О.А.* Публичная власть и стабильность Российской Федерации // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1 (14). С. 37–40.

9. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973; 2025. № 48, ч. 3, ст. 7250.

10. *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.

Е.В. Колесников,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
права имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

Ю.В. Ермолаева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного
права имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Наличие сильной судебной власти и независимого правосудия – имманентный признак правовой государственности. Поэтому формирование судебной власти как самостоятельной ветви государственной власти стало одним из ключевых направлений конституционной реформы в России.

Понятие «судебная система» (от греч. systema – целое, соединение, составленное из частей [1, с. 614]) означает единство судебных учреждений в механизме третьей власти. О третьей власти впервые было сказано в Декларации о государственном суверенитете новой России от 12 июня 1990 г. № 22-1. В ней разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную рассматривалось как важнейший принцип и условие функционирования РСФСР как правового государства (п. 13) [2].

В постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» были

перечислены задачи судебной власти, такие как утверждение судебной власти в качестве самостоятельной силы, введение суда присяжных и состязательности [3]. Концепция заложила теоретический фундамент для последующего законотворчества, однако ее реализация столкнулась с трудностями переходного периода. В Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» впервые появилось понятие судебной власти, были введены принципы несменяемости и неприкосновенности [4].

На этапе существования Союза ССР судебная система в виде судов общей юрисдикции относилась к правоохранительным органам. Конституционная юстиция, арбитражные (хозяйственные) суды, мировые судьи отсутствовали. С учетом особенностей государственного устройства законодателем с начала 1990-х гг. установлены два уровня судебной системы – федеральные и регионально-субъектные суды (мировые судьи). Последние относятся к судьям общей юрисдикции и характеризуются достаточно объемными полномочиями.

В Конституции РФ 1993 г. законодательно оформлена система сдержек и противовесов, закреплены формы судопроизводства, конституционное право каждого на судебную защиту своих прав [5]. В контексте провозглашенных Основным Законом государства ценностей задачами судебной власти являются: обеспечение приоритета Конституции РФ и законов в системе общественных отношений, стабильности существующих социальных отношений; активное применение конституционных норм, закрепляющих права и свободы человека и гражданина.

Судебная власть представляет собой отдельную структурно обособленную ветвь государственной власти, реализуемую специальными органами – судами и закрепленную Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом от 26 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [6]. Данный нормативный акт является основополагающим в нормативной регламентации третьей власти. Указанный Закон установил совокупность и виды федеральных судов, единство статуса судей, гарантии их независимости. Суды независимы в финансовом, материально-техническом и организационном отношениях. Особую теоретическую значимость приобретает разграничение категорий независимости судьи и самостоятельности суда.

Без эффективно работающих судов, неукоснительного исполнения судебных решений невозможны осуществление конституционных предписаний, демократия, законность и правопорядок. В условиях демократии сущность судебной власти заключается в том, что она обеспечивает связанность государства правом и легитимирует применение государственного принуждения, переводя конфликт интересов в правовое русло.

Логичным является закрепление статуса третьей власти в российской Конституции. В 1993–2014 гг. глава 7 называлась «Судебная власть», что не соответствовало ее содержанию (в нее была включена ст. 129 о прокуратуре). В 2014 г. глава 7 стала именоваться «Судебная власть и прокуратура» [7], что более точно отражает ее нормативное содержание. Однако и сейчас данная глава весьма лаконично определяет характеристику и «параметры» судебной власти. В конституционных актах ряда зарубежных стран (Бразилия, Казахстан, Польша) этой проблеме уделяется значительное внимание. Заметим, что в последней общесоюзной Конституции Советского государства 1977 г. имелась глава 20 «Суд и арбитраж», отражавшая тогдашние политико-государственные реалии [8].

Для совершенствования управленческих форм правосудия, повышения его организационно-управленческих качеств в 2014 г. упразднен Высший Арбитражный Суд России, его полномочия переданы Верховному Суду РФ.

Основное предназначение судов – отправление правосудия – специфической государственно-властной деятельности. Правосудие осуществляется официально и публично по поручению государства. Правосудие – сложная политико-правовая двусоставная категория, которая включает в право как фундамент функционирования и сам суд в качестве особого властного субъекта.

Судебные решения подготавливаются в установленном законом порядке, имеют определенную форму и публично провозглашаются. Примечательно, что в отдельные периоды Древнего Египта судьи (судебные оракулы) вершили правосудие от имени богов, в том числе верховного бога Амона [9, с. 16], что придавало особую сакральность вынесенным решениям.

В России с давних времен правосудие трактуется как «правый суд, решение по закону, совести или правде» [10, с. 380]. Цель правосудия – восстановление нарушенных прав и свобод граждан или их защита законным (легитимным) способом на основе действующего законодательства. Тем самым устраняются неправовые явления и восстанавливается нарушенный правовой и общественный порядок.

Важный новаторский шаг в развитии судебной системы связан с учреждением конституционной юстиции. В конце 1991 г. был образован Конституционный Суд РФ – орган правосудия, который самостоятельно осуществляет судебную власть [11]. Представляется, что уникальная природа этого института должна найти более полное и конкретное нормативное закрепление при реализации Конституции РФ. После реформирования статуса Конституционного Суда РФ в 2020 г. некоторые направления его работы активизировались, однако остается стабильным количество принимаемых актов. Так, в 2020 г. было принято 50 постановле-

ний, в 2024 г. – 59, в 2025 г. – 51 [12]. Учитывая влияние деятельности данного судебного органа на правоприменительную практику было бы положительной тенденцией увеличение числа постановлений.

Кроме того, в 2020 г. во время конституционной реформы появилось новое полномочие – проверка указа Президента РФ о конституционности поправок, а после внесенных конституционных поправок – полномочие Президента РФ обращаться в Конституционный Суд в рамках законодательного процесса. Все это свидетельствует о том, что формирование отечественной судебной системы не завершено и будет продолжено.

Таким образом, переход от советской модели, при которой суды были лишены самостоятельного статуса, к конституционной модели судебной власти как равноправной ветви государственной власти в единой системе публичной власти стал одним из ключевых достижений российской правовой реформы последних десятилетий. Однако в рамках заявленной темы, безусловно, остаются проблемы, связанные с необходимостью переосмысления теоретических оснований организации публичной власти и обеспечения баланса системы сдержек и противовесов, а также обеспечения единства судебной практики и правоприменения.

Библиографический список

1. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: Центрполиграф, 2005. 816 с.

2. Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 2, ст. 22.

3. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

4. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // Российская газета. 1992. 29 июля; СЗ РФ. 2026. № 15, ст. 1854.

5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 26.04.2026).

6. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1; 2026. № 15, ст. 1842.

7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6, ст. 548.

8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 г. (в ред. от 14 марта 1990 г.) (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617; Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1991. № 51, ст. 1798 (Постановление).

9. *Баренбойм П.* 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера: учеб. пособие. М.: Белые Альвы, 1995. 176 с.

10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. Т. 3. 556 с.

11. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6118.

12. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2020–2025 гг. // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/generalization/ (дата обращения: 24.03.2026).

Е.А. Комарова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики
и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
Крымского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры РФ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Прокуратура РФ – это единая федеральная централизованная система органов, деятельность которых ориентирована в первую очередь на обеспечение законности и защиту прав граждан. Достижение этих задач возможно в тесном взаимодействии с органами публичной власти путем координации деятельности государственных органов и соблюдения законности на всех уровнях публичной власти.

В соответствии с Основным Законом нашего государства «система публичной власти в Российской Федерации включает в себя органы местного самоуправления и органы государственной власти» [1, ст. 132]. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о том, как именно должны взаимодействовать органы прокуратуры РФ и органы публичной власти, в каких формах.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [2].

В отличие от органов государственной власти и органов местного самоуправления, прокуратура имеет особое, присущее только ей положение. В соответствии с этим она позиционируется в качестве единой

централизованной системы органов, осуществляющих надзор за исполнением законов [3].

При выстраивании отношений с законодательными, исполнительными органами, органами местного самоуправления и контролирующими органами прокуратура исходит из того, что каждый из них действует независимо, но при этом все они объединены общей целью – обеспечение верховенства закона и защита прав граждан. Взаимодействие осуществляется на основе Конституции РФ, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), а также иных федеральных законов, регламентирующих деятельность конкретных органов власти.

Органы публичной власти имеют деление не только по горизонтали – на законодательную, исполнительную и судебную, но и по вертикали, в соответствии с уровнями власти, – на федеральные, региональные и местные. «Важным является механизм разграничения полномочий уровней публичной власти, а также совокупность доходных полномочий и расходных обязательств, которые закреплены за каждым уровнем власти. Такой способ разграничения полномочий основан на законодательном закреплении конкретного перечня полномочий с определением источника их финансирования. При таком подходе можно четко определить компетенцию каждого из уровней власти, а также ответственность за выполнение государственных функций и решение возникающих вопросов граждан» [4, с. 72].

На федеральном уровне взаимодействие Генеральной прокуратуры РФ с высшими органами государственной власти носит стратегический характер и направлено на формирование и совершенствование законодательства, а также на обеспечение единой государственной политики в сфере законности и правопорядка.

Взаимодействие с Федеральным Собранием РФ проявляется в нескольких ключевых формах. Во-первых, это участие прокуроров в правотворческой деятельности. Согласно ст. 9 Закона о прокуратуре прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы предложения об изменении, дополнении, отмене или принятии законов [5]. Так, в соответствии с приказом Генпрокурора России № 731 правовое управление Генеральной прокуратуры РФ изучает проекты нормативных правовых актов, поступившие из Администрации Президента РФ, палат Федерального Собрания, Правительства РФ, и дает заключение о целесообразности их принятия, соответствии актам более высокой юридической силы, внутренней согласованности и отсутствии коррупционных рисков [6].

Во-вторых, прокуратура принимает участие в заседаниях федеральных органов законодательной и исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов публичной власти федеральных территорий, органов местного самоуправления. Важнейшая форма такого участия – это ежегодный доклад Генерального прокурора РФ палатам Федерального Собрания о состоянии законности и правопорядка, который позволяет увидеть реальную картину правоприменения и корректировать законодательство с учетом выявленных проблем.

С исполнительным органом власти прокуратура взаимодействует посредством участия ее представителей в заседаниях Правительства РФ и в работе Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности.

Взаимодействие прокуратуры и органов судебной власти строится на положениях Конституции и обусловливается стоящими перед ними задачами, такими как обеспечение законности, защита прав и свобод человека и гражданина. На федеральном уровне прокуратура наделена полномочиями по защите интересов России в международных и иностранных судах. Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 265-ФЗ в Закон о прокуратуре были внесены соответствующие изменения, формализующие полномочия Генеральной прокуратуры РФ по координации взаимодействия федеральных, региональных органов и органов местного самоуправления при представлении позиций Российской Федерации в межгосударственных органах и международных судах [7].

На уровне субъектов РФ взаимодействие прокуратуры с органами публичной власти приобретает большее многообразие форм. Именно здесь прокуратура непосредственно соприкасается с региональным нормотворчеством и правоприменением.

Ключевым направлением взаимодействия прокуратуры и органов публичной власти на этом уровне также является правотворческая деятельность. В отличие от федерального уровня, конституциями (уставами) субъектов РФ прокурору региона может предоставляться право законодательной инициативы [8]. Как отмечает К.А. Ионова, это позволяет эффективно устранять пробелы и коллизии в региональном законодательстве, приводя его в соответствие с федеральным [9, с. 55]. Прокуроры субъектов РФ и приравненные к ним специализированные прокуроры активно содействуют законотворческому процессу на региональном уровне путем внесения предложений в планы нормотворческой деятельности и участия в работе профильных комитетов и комиссий.

Второе важнейшее направление – это надзор за соответствием законам правовых актов, издаваемых органами государственной власти субъектов РФ. Прокурор в рамках своих надзорных

полномочий имеет право опротестовывать правовые акты, противоречащие закону, и вносить представления для устранения выявленных нарушений. Особое внимание уделяется региональным нормативным правовым актам, в которых могут быть обнаружены коррупциогенные факторы.

Третье направление взаимодействия – координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. «Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов» [10]. Указанное направление деятельности реализуется посредством тесного взаимодействия и сотрудничества, выражающегося в проведении совместных координационных совещаний, обмене актуальной информацией, организации общих выездов в регионы и коллективной разработке мер по борьбе с преступностью. Эффективность данной деятельности напрямую влияет на криминогенную обстановку в регионе.

Основу повседневной работы органов прокуратуры в городах и районах составляет их взаимодействие с органами местного самоуправления (далее – органы МСУ). В научной литературе такое взаимодействие рассматривается как самостоятельное направление деятельности прокуратуры, включающее императивные (надзорные) и инициативные формы [11, с. 212–213].

Участие в муниципальном нормотворчестве – приоритетная форма взаимодействия на обозначенном уровне. И несмотря на то, что законодательно обязанность органов МСУ направлять все проекты нормативных актов в прокуратуру не получила своего закрепления на практике, это устоявшаяся процедура.

Как отмечает А.Н. Надин, для упорядочения данной работы перспективной практикой является заключение соглашений о взаимодействии и сотрудничестве между прокуратурами городов (районов) и органами МСУ [12]. Такие соглашения конкретизируют порядок предоставления проектов, сроки их рассмотрения, взаимные права и обязанности сторон.

Несмотря на то, что по этому вопросу существует достаточно широкий спектр научных исследований, а также материалов правоприменительной практики, можно выделить ряд вопросов и проблем, нуждающихся в дальнейшей разработке.

В частности, вопрос о наделении прокурора правом законодательной инициативы на федеральном уровне по-прежнему остается открытым. Его осведомленность о законодательных пробелах и коллизиях позволила бы принимать законы, отвечающие объективной реальности [13]. Отсутствие такого права замедляет процесс совершенствования законодательства и требует допол-

нительных согласований с субъектами права законодательной инициативы.

Отсутствие на федеральном уровне норм, которые бы обязывали органы МСУ направлять в прокуратуру все проекты нормативных правовых актов, также требует законодательного разрешения. По мнению А.Н. Надина, в отсутствие такой обязанности и заключенных соглашений о взаимодействии обеспечение полноты поступления проектов для предварительной экспертизы затруднено и требует значительных трудозатрат [12, с. 178–180]. В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», закрепив обязанность органов МСУ направлять проекты правовых актов в органы прокуратуры для проведения правовой и антикоррупционной экспертизы.

Четвертое важное направление взаимодействия органов прокуратуры и органов публичной власти – совершенствование их правового статуса. Так, Конституция РФ закрепляет прокуратуру как единую централизованную систему органов. Однако, как отмечают исследователи, существует «потребность в разъяснении Конституционным Судом РФ норм права относительно органов, входящих в единую систему публичной власти, в целях исключения дискуссий по вопросу о толковании этого понятия» [14, с. 165].

Кроме того, на законодательном уровне целесообразно подробно регламентировать порядок и сферу взаимодействия прокуратуры с органами, составляющими единую систему публичной власти, указав на ее независимость и одновременно интегрированность в эту систему для обеспечения ее согласованного функционирования.

Таким образом, последовательное совершенствование правового регулирования взаимодействия прокуратуры с органами публичной власти на всех трех уровнях (федеральном, региональном и местном) является необходимым условием для укрепления законности, защиты прав граждан и обеспечения устойчивого развития российского государства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

2. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8298.

3. *Рокитянский С.Г.* Публично-правовой статус прокуратуры в системе органов Российского государства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 216 с.

4. *Радченко В.И.* Уровни публичной власти: пределы децентрализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3 (86). С. 70–73.

5. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366; СЗ РФ. 2025. № 52, ч. 1, ст. 8320.

6. Приказ Генпрокурора России от 28 октября 2025 г. № 731 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» (в ред. от 11 июня 2022 г.) // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 1, ст. 5093; 2022. № 24, ст. 3943.

8. Конституция Республики Крым: принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

9. *Ионова К.А.* Место и роль прокуратуры в государственном механизме России: магистерская диссертация. Тольятти, 2021. 104 с.

10. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (в ред. от 14 июня 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1958; 2024. № 25, ст. 3469.

11. *Шеметова О.Ю.* Концепция взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 16 (159). С. 208–215.

12. *Надин А.Н.* Совершенствование взаимодействия прокуратуры и органов местного самоуправления в области муниципального нормотворчества // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2025. № 4 (108). С. 176–182.

13. *Шарифулин А.А.* Законодательная инициатива прокуроров как элемент модернизации отечественной прокуратуры // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4. С. 72–81.

14. *Крамаренко Л.В.* Взаимодействие органов прокуратуры с органами местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2 (93). С. 162–167.

Е.В. Комбарова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
права имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА

Институт Президента занимает центральное место в государственной системе России. Будучи гарантом Конституции, глава государства обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Однако лаконичность конституционных формулировок, определяющих статус и полномочия Президента, объективно порождает потребность в их официальном толковании. Именно Конституционный Суд посредством интерпретационной деятельности конкретизирует конституционную модель президентства, придавая ее нормативному содержанию необходимую степень определенности.

В 2026 г. исполняется 70 лет со дня рождения Василия Ивановича Радченко (1956–2022) – доктора юридических наук, профессора, представителя саратовской школы конституционного права, почетного работника прокуратуры и образования РФ, талантливого руководителя, стоявшего у истоков создания Института прокуратуры СГЮА. В своих работах 1990–2000-х гг. он сформулировал несколько ключевых проблем о том, каковы пределы президентской власти в системе разделения властей, как обеспечить государственную целостность через механизмы публичной власти. Эти вопросы не были тогда окончательно решены ни в доктрине, ни в практике. Цель настоящей статьи – проследить, как Конституционный Суд РФ отвечал на эти же вызовы на протяжении трех десятилетий, по сути, ведя диалог с научной традицией, к которой принадлежал и В.И. Радченко.

В кандидатской диссертации «Президент Российской Федерации в системе разделения властей» [1] В.И. Радченко сформулировал ряд положений, которые впоследствии были замечены в правовых позициях Конституционного Суда. Он одним из первых после принятия Конституции 1993 г. обосновал арбитражную природу президентской власти, ее ключевую роль в обеспечении единства государственного механизма и необходимость баланса между ветвями власти, при котором широкие полномочия главы государства осуществляются строго в конституционных пределах [2]. В докторской диссертации «Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации» [3] ученый органично развил эти идеи, определив публичную власть как системообразующий фактор, скрепляющий федеративное устройство и обеспечивающий единство правового пространства. Тем самым он связал проблематику президентской власти (как высшего звена публичной власти) с проблематикой сохранения территориальной целостности и единства страны.

В системе разделения властей Конституционный Суд и Президент занимают особое положение. Как отмечает Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, Президент и Конституционный Суд выполняют творческую, конструктивную функцию, способствуя реализации конституционных норм [4]. В ходе встречи с Президентом РФ в декабре 2025 г. В.Д. Зорькин подчеркнул: «Задача Конституционного Суда и заключается в том, чтобы эта пирамида не была разрушена. Это нас в значительной степени совмещает с Президентом, потому что на Вас лежит ответственность гаранта Конституции. Но мы помогаем, будучи охранителями Конституции» [5]. Президент как политический гарант и Суд как юридический хранитель образуют двуединый механизм защиты Основного закона – механизм, призванный обеспечивать ту самую государственную целостность, о которой писал В.И. Радченко [6].

Ключевую роль в формировании доктрины института президентства играют правовые позиции Конституционного Суда РФ. Как подчеркивал Президент РФ В.В. Путин в 2006 г., Конституционный Суд РФ является «главным хранителем и толкователем Основного закона», а его правовые позиции «позволяют раскрывать глубинное содержание положений Основного закона и их взаимосвязь, что в свою очередь обеспечивает единообразное понимание Конституции РФ» [7]. Правовые позиции, будучи закрепленными в постановлениях Суда, представляют собой «кристаллизованное право» (по образному выражению судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева) [8, с. 85], которое непосредственно влияет на качество законотворческой и правоприменительной практики. Не менее десяти по-

становлений и определений Конституционного Суда РФ, непосредственно затрагивающих статус и полномочия Президента, формируют устойчивую доктринальную и правоприменительную основу, раскрывающую содержание конституционной правосубъектности главы государства, и во многом созвучны подходам, которые развивал в своих работах В.И. Радченко.

Среди ключевых интерпретаций следует выделить правовую позицию, сформулированную в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П [9]. Суд пришел к выводу, что, исходя из статуса Президента как гаранта Конституции РФ, он уполномочен издавать указы, восполняющие пробелы в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного решения, при условии, что такие указы не противоречат Основному Закону и федеральным законам, а их действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующих законодательных актов. Тем самым произошла конституционализация нормотворческой деятельности главы государства, а именно, суд, признав за Президентом право на оперативное восполнение пробелов в правовом регулировании, одновременно обозначил пределы этого права, основанные на связи публичной власти с Основным Законом. Такой подход исключает произвольное нормотворчество и подчеркивает подзаконный характер президентских указов по отношению к федеральным законам. Эта позиция органично вписывается в концепцию В.И. Радченко о необходимости баланса властей, где широкие полномочия Президента строго сдержаны конституционно-правовыми рамками [2].

Другое важное постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П было по делу о толковании ч. 4 ст. 111 Конституции РФ [10]. Суд допустил возможность трехкратного внесения Президентом одной и той же кандидатуры на рассмотрение Государственной Думы, даже если ее отклонение влечет роспуск палаты парламента. Эта интерпретация существенно укрепила позиции главы государства во взаимоотношениях с законодательной властью, но и вызвала серьезные доктринальные возражения среди судейского корпуса (В.О. Лучин, Н.В. Витрук, В.И. Олейник).

По мнению судьи Н.В. Витрука, из буквального смысла текста ст. 111 Конституции РФ вытекает иное общее правило, при котором каждый раз при отклонении кандидатуры Президент должен предлагать новую кандидатуру. Ученый настаивал на телеологическом (целевом) толковании конституционной нормы, предполагающем поиск компромисса между ветвями власти, а не создание ситуации, при которой отклонение кандидатуры «с неизбежностью повлечет роспуск Думы» [11]. Эта позиция отражала альтернативную доктринальную модель, ориентирован-

ную на более сбалансированное распределение влияния в процессе формирования Правительства – модель, созвучную тем подходам к разделению властей, которые В.И. Радченко анализировал в своей кандидатской диссертации. Большинство судей исходили из того, что ч. 4 ст. 111 Конституции РФ не запрещает повторного внесения той же кандидатуры, а право Президента на роспуск Думы выступает конституционно-правовым механизмом разрешения институционального конфликта между исполнительной и законодательной властью, который не может быть разрешен иными способами [10]. Тем самым Суд отдал приоритет функциональной стабильности государственного механизма перед «компромиссной» моделью формирования Правительства, предложенной в особом мнении Н.В. Витрука.

Развитие доктринальной модели президентства выражалось и в конкретизации оснований досрочного прекращения полномочий главы государства и уточнении параметров сменяемости президентской власти. В постановлении Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. № 12-П [12] Суд истолковал положения ст. 91 и 92 Конституции о досрочном прекращении полномочий Президента в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья. Суд сформулировал ряд правовых позиций: институт неприкосновенности не препятствует инициированию данной процедуры; требуется особый порядок установления «фактической невозможности» осуществлять полномочия, носящей постоянный и необратимый характер; Президент является «постоянно действующим органом государственной власти», чьи полномочия никем не могут быть присвоены. Это решение дополняет идеи В.И. Радченко о публичной власти как системообразующем факторе государственной целостности.

Конституционная реформа 2020 г. ознаменовалась актом предварительного конституционного контроля – заключением Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 [13], которое не только легитимировало изменения Основного Закона, но и фактически преодолело ряд предшествующих правовых позиций Суда. Суд признал допустимым включение в Конституцию специального переходного положения, позволяющего лицу, занимавшему должность Президента на момент вступления поправок в силу, вновь быть избранным без учета истекших до этого сроков. Суд аргументировал это тем, что данное положение является «специальной оговоркой», отсутствовавшей в Конституции 1993 г., а общероссийское голосование придает решению дополнительную легитимацию.

С содержательной точки зрения заключение вступило в противоречие с правовой позицией, закрепленной в определении Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 134-О, где «два срока подряд» [14] рассматри-

вались как конституционный предел – срок полномочий Президента, начавшийся до принятия новой Конституции, не прерывается и засчитывается в счет конституционных ограничений. Фактически Конституционный Суд в Заключении легитимировал возможность занятия должности Президента сверх установленного ранее ограничения, что позволяет говорить о трансформации доктринальной модели, характеризующейся от жесткого ограничения сменяемости к модели, допускающей «обнуление» при наличии специального переходного положения.

Реформа 2020 г. нормативно закрепила понятие «единая система публичной власти» – идею, которую В.И. Радченко последовательно развивал в трудах о государственной целостности. Заключение Конституционного Суда РФ подтвердило центральное место Президента РФ в этой системе. Сам факт предварительного конституционного контроля, в рамках которого Суд оценивал поправки, еще не вступившие в силу, представляет собой новый для российской практики инструмент, доктринальное осмысление которого еще предстоит завершить.

Конституционная реформа 2020 г. внесла коррективы и в основу взаимоотношений главы государства и Конституционного Суда. Законом РФ о поправке к Конституции РФ существенно расширилась компетенция Конституционного Суда РФ [15]. Согласно поправкам, Суд получил два важнейших полномочия, непосредственно связанных с президентскими прерогативами. Во-первых, по запросу Президента Конституционный Суд проверяет конституционность проектов законов о поправке к Конституции, проектов федеральных конституционных и федеральных законов, а во-вторых, принятых, но не подписанных главой государства законов. Стоит отметить, что указанные полномочия вступают в противоречие с принципом сбалансированного разграничения властей и не только усиливают позиции Президента РФ во взаимоотношениях с парламентом (за счет прерогатив Конституционного Суда), но и фактически втягивают организационно зависимый от главы государства Конституционный Суд в законотворческий, по сути политический процесс, позволяя Президенту получить авторитетное заключение о соответствии будущего закона Основному Закону до его подписания. И как справедливо отмечает Т.Г. Морщакова, создает риск трансформации Суда в орган «при Президенте РФ» [16].

Особого внимания заслуживает полномочие Конституционного Суда по проверке законов субъектов РФ до их обнародования по запросу Президента РФ. Данный механизм, введенный поправками 2020 г., создает качественно новую модель взаимодействия федерального центра и регионов. Президент получает возможность превентивного конституционного контроля, не дожидаясь вступления региональ-

ного закона в силу и возможных коллизий. В контексте идей В.И. Радченко о публичной власти как основе государственной целостности это полномочие следует рассматривать не как ограничение прав субъектов, а как механизм превентивного обеспечения единства конституционного пространства.

Приведенные положения реформы могут создать впечатление об исключительно «сервисной» роли Конституционного Суда по отношению к президентской власти. Однако было бы неверно сводить взаимоотношения этих институтов только к механизмам «помощи». Конституционный Суд сохраняет и самостоятельно реализует функцию «сдержек» в отношении главы государства. Так, в соответствии со ст. 125 Конституции РФ (в редакции 2020 г.) Суд вправе проверять конституционность указов Президента как по запросам уполномоченных органов, так и по жалобам граждан. Хотя на сегодняшний день практика признания президентских указов неконституционными носит единичный характер, сама возможность такого контроля выступает юридической гарантией связанности главы государства правом. Кроме того, Суд вправе отказать Президенту в даче запрашиваемого заключения о конституционности законопроекта, если сочтет запрос не соответствующим требованиям закона. Соотношение «помощи» и «сдержек» образует внутреннюю логику конституционного правосудия, не позволяющую Суду превратиться в инструмент президентской политики.

Однако нельзя с большой точностью утверждать, что данные механизмы сдержек работают в неизменном виде. Одновременно с расширением компетенции произошли изменения в статусе самого Суда и его судей. Законодательно был закреплен запрет для судей Конституционного Суда РФ «обнародовать особое мнение или мнение в какой-либо форме или публично на него ссылаться» [17]. Ранее особые мнения подлежали обязательному опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации». Данная мера, как отмечают эксперты, направлена на обеспечение единства и авторитета судебных решений, однако она же лишает научное сообщество и правоприменителей важного источника доктринальных альтернатив и критического анализа конституционно-правовых проблем [18]. Полный запрет на обнародование особых мнений, даже в деперсонифицированной форме, снижает транспарентность конституционного правосудия и сужает эмпирическую базу для доктринальных исследований. Более сбалансированным решением могло бы стать опубликование особых мнений без указания фамилии судьи либо с сохранением права на их научное цитирование по истечении определенного срока. Баланс между единством судебной практики и плюрализмом доктринальных подходов представляет собой сложную дилемму современного конституционного правосудия,

и запрет на публикацию особых мнений эту дилемму не решает, а лишь снимает ее извне.

Конституционный Суд РФ на протяжении трех десятилетий последовательно формировал доктринальную модель института президентства, конкретизируя лаконичные конституционные нормы и адаптируя их к меняющимся политико-правовым реалиям. Его правовые позиции – от признания права Президента на восполнение пробелов в 1996 г. до легитимации «обнуления» сроков в 2020 г. – отражают эволюцию не только судебной интерпретации, но и самой конституционной модели президентства.

Возвращаясь к научному наследию В.И. Радченко, стоит признать: он не предлагал готовых ответов на все вопросы, но точно поставил проблемы, которые остаются в центре конституционно-правовой повестки – о пределах президентской власти, о балансе между ветвями, о публичной власти как основе государственной целостности. Конституционный Суд, пусть и не всегда следуя логике «компромиссной модели» (как в случае с особым мнением Н.В. Витрука), работал в том же проблемном поле. И в этом смысле научная традиция саратовских конституционалистов сохраняет свое эвристическое значение – не как собрание догм, а как способ мышления о праве, при котором плюрализм мнений и публичная дискуссия считаются нормой, а не отклонением. Именно об этом напоминает нам сегодняшний юбилей В.И. Радченко.

Библиографический список

1. *Радченко В.И.* Президент Российской Федерации в системе разделения властей: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1995. 153 с.

2. *Радченко В.И.* Президент в конституционном строе Российской Федерации / под ред. Б.С. Эбзеева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2000. 182 с.

3. *Радченко В.И.* Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. 355 с.

4. *Зорькин В.Д.* Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 окт.

5. Встреча с Председателем Конституционного Суда Валерием Зорькиным 11 декабря 2025 г. // Официальный сайт Президента России. URL: https://kremlin.ru/events/president/news/78710 (дата обращения: 22.02.2026).

6. Государственное единство и целостность Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы) / [Б.С. Эбзеев, С.Л. Красноярцев, И.В. Левакин, В.И. Радченко]; отв. ред. Б.С. Эбзеев. М.: Экономика, 2005. 375 с.

7. Начало встречи с судьями Конституционного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23954 (дата обращения: 22.02.2026).

8. *Гаджиев Г.А.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 81–85.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 “О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации” и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // СЗ РФ. 1996. № 19, ст. 2320.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 52, ст. 6447.

11. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. Витрука. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 52, ст. 6447.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. № 12-П «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия» // СЗ РФ. 2000. № 29, ст. 3118.

13. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1855.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 134-О «По делу о толковании статьи 81 (часть 3) и пункта 3 раздела второго “Заключительные и переходные положения” Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 46, ст. 5701.

15. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

16. *Морщакова Т.Г.* Комментарий к Заключению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. // Интернет-портал АНО «Институт права и публичной политики». URL: https://academia.ilpp.ru/kommentariy-k-zacklyucheniyu-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/ (дата обращения: 01.04.2026).

17. Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2020. № 46, ст. 7196.

18. *Кряжкова О.Н.* Три причины отменить запрет на публикацию особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный вестник. 2021. № 6 (24). С. 128–138.

М.Ф. Косолапов,
доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного
права имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Доктор юридических наук, профессор Радченко Василий Иванович являлся ярким представителем саратовской школы конституционного права. Магистральным направлением его научных исследований был широкий спектр вопросов, связанных с организацией и функционированием системы органов публичной власти. Среди наиболее значимых работ, которые обогатили науку конституционного права, можно выделить: «Президент в конституционном строе Российской Федерации» 2000 г. [1], «Уровни публичной власти: пределы децентрализации» 2012 г. [2], «Пределы власти Российской Федерации и ее субъектов» 2016 г. [3] и ряд других.

Диссертационное исследование Василия Ивановича на соискание степени кандидата юридических наук было одним из первых, посвященных статусу Президента РФ в системе разделения властей, особая значимость которого определялась трансформацией президентской власти в связи с принятием Конституции РФ в 1993 г. В диссертации и в опубликованной монографии Василия Ивановича важное место занимал вопрос о взаимодействии Президента РФ с другими ветвями государственной власти и органами, в том числе в области осуществления как внутренней, так и внешней политики.

Система органов публичной власти, задействованная в механизме осуществления внешней политики РФ, характеризуется большим разнообра-

зием и неоднородностью [4, с. 109], более того, на протяжении всей новейшей истории России она подвергалась периодической трансформации: менялась как сама система органов, задействованных в данном направлении государственной деятельности, так и объем полномочий каждого элемента этой системы.

Правовое регулирование внешнеполитической деятельности осуществляется достаточно широким по правовой природе блоком нормативных правовых актов. Базисные положения определяются Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ.

Федеральное законодательство в рассматриваемой сфере можно определить как фрагментированное: специального закона, фиксирующего основные положения по осуществлению внешней политики, в отличие от других направлений государственной деятельности, не принято. Особенно эта проблема проявляется в контексте принципа единства внешней политики и введенного на конституционном уровне понятия «взаимодействие» органов публичной власти (п. 2 ст. 80, п. «е1» ст. 83 и т.д.).

Большинство вопросов регулируется посредством подзаконного правового регулирования. Это прежде всего различного рода Концепции, Стратегии, Основы государственной политики, Положения, определяющие функционирование специализированных в области внешних сношений органов публичной власти, устанавливающих порядок и специфику взаимоотношений с отдельными участниками международных отношений и стратегические направления внешней политики.

Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ в 2023 г. [5], является основополагающим, детализирующим подзаконным нормативным правовым актом, формулирующим национальные интересы, цели, принципы и основные задачи государства во внешнеполитическом контуре, закрепляющим систему и полномочия публичных органов в рассматриваемой сфере, а также регулирующим порядок формирования и реализации ими данного направления государственной деятельности.

Если исходить из конституционно-правового статуса органов, участвующих во внешнеполитической деятельности, то их можно разделить на высшие (конституционные) органы, которые наделены соответствующей внешнеполитической компетенцией на уровне конституционных норм, и органы, чья компетенция определяется отраслевым законодательством и подзаконными актами.

Особенностью первой группы органов является их «многофункциональность», для них внешнеполитическая деятельность выступает одним из направлений: Президент РФ, Государственная Дума и Совет Федерации

Федерального Собрания, Правительство РФ.

Отдельную группу образуют специализированные органы, полномочия которых не раскрываются в Конституции РФ, однако функционал которых связан исключительно с реализацией внешнеполитического курса страны.

Специфическую группу образуют государственные органы, относящиеся к специализированным, но не ориентированным в первую очередь на решение внешнеполитических задач, однако в силу выполняемых ими функций влияющие на них: Совет Безопасности РФ [6], Государственный Совет РФ [7], Федеральная служба безопасности и т.д.

Наличие такого числа органов публичной власти, вовлеченных в формирование и реализацию внешней политики, которые наделены различным объемом полномочий в данной сфере и играют в ней различную роль, выводит на первый план вопрос о необходимости существования между ними действенного и эффективного механизма взаимодействия и согласования действий в целях реализации единой государственной линии во внешней политике.

В основе правового взаимодействия органов публичной власти во внешнеполитической сфере лежат два основополагающих, взаимосвязанных принципа: принцип единства публичной власти и принцип единства внешней политики. Если в первом случае речь идет о фундаментальном, конституционном принципе, введенном в федеральное законодательство [8] на основе поправок в Конституцию РФ 1993 г., то второй не получил прямого закрепления на конституционном уровне, хотя логически вытекает из ряда ее положений и в качестве самостоятельного был закреплен на подзаконном уровне [9].

«Принцип единства публичной власти означает согласованное взаимодействие органов власти на федеральном, региональном и местном уровнях» [10, с. 37], в том числе и во внешней политике.

Принцип единства внешней политики предполагает координацию и взаимодействие всех органов государственной власти, участвующих в формировании и реализации внешней политики РФ в целях защиты национальных интересов и суверенитета РФ согласно законодательству, международным обязательствам и действующей Концепции внешней политики Российской Федерации.

Внешнеполитические полномочия Президента РФ закреплены в гл. 4 Конституции РФ: «определяет основные направления внешней политики государства, представляет Россию в международных отношениях» (ст. 80); «руководит внешней политикой Российской Федерации, ведет переговоры и подписывает международные договоры, подписывает ратификационные грамоты» (ст. 86); «внешняя политика, международные отношения, международные договоры Российской Федерации, а также вопросы войны и мира

относятся к исключительному ведению Российской Федерации» (ст. 71), Президент как глава государства выступает ключевым элементом в осуществлении этих функций. Обращаясь с ежегодными посланиями об основных направлениях внешней политики государства к Федеральному Собранию, Президент РФ может обозначить позицию российского руководства в отношении конкретных международных событий или тенденций мирового развития.

Полномочия Министерства иностранных дел РФ (МИД России) непосредственно не детализируются в Конституции РФ (оно только упоминается в п. «д1» ст. 83 и п. «к» ст. 102), однако оно является важнейшим элементом конституционно-правового механизма формирования и осуществления внешней политики РФ.

Именно посредством этих двух органов публичной власти формируется и осуществляется единая внешняя политика РФ. Это подразумевает особую организационную и правовую связь (несмотря на разные статусы в системе органов государственной власти) между Президентом РФ и МИД России. Взаимодействие Президента РФ и МИД России проявляется при разработке Концепции внешней политики.

Тесное взаимодействие выражается также в том, что Президент РФ решает ключевые кадровые и организационные вопросы работы Министерства. Он «назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности Министра иностранных дел РФ», кроме того, МИД России подчиняется непосредственно Президенту, который и осуществляет общее руководство и контроль за деятельностью Министерства, что делает МИД России частью президентской вертикали. Кроме того, он как глава государства осуществляет управление дипломатическим аппаратом: «назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального Собрания дипломатических представителей Российской Федерации в иностранных государствах и международных организациях».

Согласно Конституции РФ, среди конституционных органов, участвующих в формировании и реализации внешней политики, доминирующее положение занимает Президент РФ. Однако, как справедливо отмечал В.И. Радченко, целый ряд его полномочий не может быть реализован без соответствующего согласия палат Федерального Собрания [11, с. 32]. Концепция внешней политики (п. 67) отмечает, что «Совет Федерации… и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в пределах своих полномочий проводят работу» по реализации внешней политики.

Часто роль парламента во внешнеполитической сфере сводят исключительно к формированию правовой базы для ее реализации. Вместе с тем к этой группе полномочий можно отнести

также принятие заявлений, обращений и постановлений по международным вопросам в целях выражения позиции Парламента РФ в отношении определенных внешнеполитических ситуаций [12].

Помимо явно закрепленных внешнеполитических полномочий у парламента можно выделить так называемые косвенные полномочия в рассматриваемой сфере: депутатский запрос и парламентский запрос, парламентское расследование, утверждение бюджета. Кроме того, депутаты вовлекаются в контакты с зарубежными коллегами, спикеры, группы депутатов совершают зарубежные поездки, обсуждают различные международные проблемы, принимают парламентские делегации других стран, участвуют в межпарламентских международных форумах (парламентская дипломатия). Не служат исключением выступления политических лидеров зарубежных стран в палатах российского парламента.

Основным направлением взаимодействия Федерального Собрания РФ и Президента РФ по вопросам внешней политики является законотворческий процесс как основная функция Парламента.

Таким образом, часть полномочий Федерального Собрания РФ во внешнеполитической сфере нельзя рассматривать отдельно, без учета полномочий президентской власти и координирующей роли в их осуществлении Министерства иностранных дел РФ. Именно данное согласованное принятие решений не только свидетельствует о конституционном механизме сдержек и противовесов в рамках российской модели разделения властей, но и свидетельствует о конституционном закреплении механизма взаимодействия и координации между органами публичной власти.

Внешняя политика России, как отмечалось выше, формируется и осуществляется Президентом РФ, правительство играет в этом процессе вспомогательную роль, обеспечивая реализацию внешнеполитического курса. Правительство РФ принимает достаточно активное участие в имплементации международных соглашений, заключенных от имени Российской Федерации, предпринимает необходимые меры по обеспечению защиты прав российских граждан за рубежом [13], обеспечению необходимого уровня сотрудничества в различных областях через деятельность различных министерств и ведомств (наука, образование, культура и т.д.).

Можно сделать вывод, что ни один из рассматриваемых органов публичной власти не может претендовать на монополию в сфере внешнеполитической деятельности. Достижение поставленных целей, поддержание единства внешней политики может быть достигнуто только путем координации усилий всех акторов, многообразием форм их взаимодействия при ведущей роли Президента РФ и Министерства иностранных дел.

Библиографический список

1. *Радченко В.И.* Президент в конституционном строе Российской Федерации / под ред. Б.С. Эбзеева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2000. 182 с.

2. *Радченко В.И.* Уровни публичной власти: пределы децентрализации // Вестник Саратовской государственной академии права. 2012. № 3. С. 70–72.

3. *Радченко В.И.* Пределы власти Российской Федерации и ее субъектов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 48–55.

4. *Дадаян Д.С., Петросян Э.Б.* Внешняя политика государства и особенности ее осуществления в современных условиях // Актуальные проблемы современной науки и практики. 2018. № 1. С. 108–118.

5. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

6. Указ Президента РФ от 7 марта 2020 г. № 175 «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации» (вместе с Положением о Совете Безопасности Российской Федерации, Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации) (в ред. от 27 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2020. № 10, ст. 1323; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8665.

7. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50, ч. 3, ст. 8039.

8. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 13 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973; 2025. № 48, ч. 3, ст. 7250.

9. Указ Президента РФ от 8 ноября 2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» // Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/about/legal_status/1719150/ (дата обращения: 25.03.2026).

10. *Диденко О.Н., Гаврилова В.Д.* Принцип единства публичной власти: сущность, уровни, формы взаимодействия // Право и практика. 2023. № 1. С. 35–40.

11. *Радченко В.И.* Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации: автореф. … дис. д-ра юрид. наук. М., 2003. 49 с.

12. Постановление ГД ФС РФ от 18 февраля 2005 г. № 1539-IV ГД «О Заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “О рекомендуемых ответных мерах Российской Федерации в отношении Республики Молдова в связи с проводимым молдавскими властями курсом на обострение обстановки вокруг Приднестровья”» // СЗ РФ. 2005. № 9, ст. 707.

13. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2020. № 45, ст. 7061; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8274.

В.И. Литвинов,
соискатель кафедры
конституционного и муниципального права
имени профессора В.С. Основина
Воронежского государственного университета

О СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Природу современного цивилизованного государства в значительной мере определяет характер и степень его влияния на общественные процессы, объем выполняемых им обязательств в социально-экономической сфере. Система социальных обязательств российского государства может быть рассмотрена в широком и узком значении этого понятия. Узкое понимание предполагает деятельность государства, направленную в первую очередь на улучшение материальных аспектов качества жизни граждан. Для этого организованы и функционируют институты пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения, охраны семьи и детства, которые в совокупности составляют систему социальной защиты населения.

Однако «социальная деятельность современного государства, возникнув в связи с необходимостью смягчения социального неравенства и иных негативных последствий рынка, претерпела существенную эволюцию от узкой трактовки до широкого ее понимания как совокупности мер воздействия государства на всю систему социальных отношений» [1, с. 233]. В широком смысле этого слова «система социальных обязательств государства» представляет собой всю совокупность направлений деятельности государства в социальной сфере и конкретных мероприятий, направленных на создание максимально благоприятных условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное, всестороннее развитие человека, социальную справедливость, стабильное, мирное, устойчивое развитие российского общества и государства.

Государственные вложения в «человеческий капитал» в соответствии со ст. 2, 3 и 7 Конституции РФ приводят не только к росту индивидуального благосостояния и созданию условий для гармоничного развития конкретного человека, но и способствуют активизации общественно значимой деятельности граждан и в итоге укреплению силы и могущества российского государства.

Одним из проявлений и условий достойной жизни и свободного развития человека в полном соответствии со стратегией устойчивого развития является экологическое благополучие. Активизация экологических проблем обусловила появление дополнительных функций государства в указанной сфере. В связи с этим в результате конституционной реформы 2020 г. в российский Основной Закон включены положения, посвященные вопросам оптимизации экологического развития (п. «е» ст. 71, подп. «д» п. 1 ст. 72, подп. «в», «е.5», «е.6» п. 1 ст. 114 Конституции РФ).

Статус социального государства предполагает, что одной из главных его задач является создание и функционирование адекватной правовой системы защиты социальных интересов личности, «когда на решение социальных проблем сориентирована экономика, политика и духовная жизнь общества» [2, с. 50]. Таким образом, создаются гарантии достойного уровня жизни граждан, обеспечивается возможность всех членов общества беспрепятственно осуществлять весь комплекс принадлежащих им социальных прав, включающий на современном этапе развития общества не только материальный аспект бытия, но и его духовную составляющую [3].

Однако в социальной политике российского государства прослеживается отход не только от модели патернализма, существовавшей в эпоху СССР, но и базовой ценности российского общества – социальной справедливости, предусматривающей предоставление необходимых социальных гарантий всему населению. Вместо этого доминирует принцип равных возможностей, в основе которого лежит идея о повышении личной ответственности человека за свое благополучие, что является общемировой тенденцией [4]. В таком случае достижение социальной справедливости подразумевает наличие обязанности государства создавать условия, при которых человек труда должен иметь возможность обеспечить себе и своей семье достойный уровень жизни за счет реализации потенциала своих трудовых возможностей.

Социальная справедливость как фундаментальная общественная ценность характеризуется формированием «ощущения честной игры», легитимности насаждаемых социально-экономических процессов [5], позволяющих создать правопорядок, при котором «экономический рост должен приносить видимые результаты для всех групп населения – увеличение доходов, повышение качества жизни» [6].

Следовательно, социальное государство обязано организовать систему распределения и присвоения материальных ресурсов, способную обеспечить соответствие и взаимозависимость между благосостоянием личности и ее вкладом в общественное благосостояние. В этом случае высокий уровень жизни человека не будет восприниматься остальными гражданами как несправедливость. С экономической точки зрения социальную справедливость отражает «распределительная справедливость» [7, с. 39], государство обязано осуществлять комплекс мер по сглаживанию социального неравенства путем перераспределения доходов между различными социальными слоями, достижению «баланса между свободной рыночной экономикой и мерой воздействия государства на ее развитие» [8, с. 195].

Важно это и потому, что социальное неравенство, порожденное бедностью, а также огромный социальный разрыв между богатыми и бедными являются непреодолимыми препятствиями для консолидации различных социальных слоев населения [9, с. 72]. Данные обстоятельства предопределяют существование обязанности государства по устранению предпосылок и факторов разобщения граждан. Так, с целью создания базовых условий для социальной солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ), по нашему мнению, необходимо восстановить государственную собственность на все природные ресурсы как основу «жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующих территориях» (ст. 9 Конституции РФ), обеспечив общедоступность национальных богатств государства; увеличить объем финансовых обязательств наиболее материально состоятельной части российского общества; существенно повысить заработную плату бюджетников; усилить влияние государства в сфере ценообразования и др.

Обязанность государства по регулированию социального неравенства не только необходимый инструмент формирования социальной справедливости и объединения общества, но и один из критериев социальности деятельности органов публичной власти, которая, по мнению профессора В.И. Радченко, занимает доминирующее место «в системе механизмов гарантий целостности Российского государства» [10, 13]. Указанное положение подразумевает обязанность публичной власти организовать условия выполнения социальных обязательств на всей территории государства, утверждать в процессе реализации его функций значение социальных обязательств как отношений по формированию будущего страны.

В условиях неразвитой рыночной экономики с точки зрения гуманитарной пассионарности органы публичной власти в России обязаны, с одной стороны, ограничивать тенденцию коммерциализации социальной сферы, а с другой, способствовать развитию в стране институтов гражданского об-

щества, социальной функции частной собственности, что означает интеграцию возможностей крупного бизнеса и органов публичной власти, некоммерческих организаций для решения социальных проблем.

Оценивая эффективность реализации социальных обязательств российского государства, следует подчеркнуть особую важность кардинального улучшения демографических показателей [11].

Таким образом, система социальных обязательств российского государства представляет собой комплекс отношений, отражающих сущность современного социального государства, нацеленного на обеспечение социальной справедливости, повышение благосостояния и качества жизни каждого гражданина, создание условий для его самореализации, духовного роста, базирующегося на духовных ценностях и ориентирах развития российского общества и государства. На наш взгляд, предложения и рекомендации, сформулированные в настоящей статье, могут способствовать более последовательной и эффективной реализации современных социальных обязательств российского государства.

Библиографический список

1. *Бутусова Н.В.* Конституционно-правовой статус российского государства: монография. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 376 с.
2. *Зорькин В.Д.* Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (62). С. 46–50.
3. *Родионова О.В.* Социальная функция современного государства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. 42 с.
4. *Старшинов А.Н.* Институциализация социальной защиты населения России: автореф. дис. … канд. полит. наук. Казань, 2005. 24 с.
5. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства: чем расслоение общества грозит нашему будущему / пер. с англ. Е. Рождественской. М.: Эксмо, 2015. 255 с.
6. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/ (дата обращения: 25.03.2026).
7. *Калашников С.*В. Социальная политика социального государства: эволюции теории и практики: дис. … д-ра экон. наук. М., 2003. 45 с.
8. Конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. Е.А. Бондарева, Т.М. Бялкина. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2023. 472 с.
9. *Парий-Сергеенко Е.*П. Социальная функция современного Российского государства: монография. Ростов н/Д: Профпресслит, 2020. 127 с.
10. *Радченко В.И.* Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. 52 с.
11. Население России в 2026 г.: общая численность, рождаемость, смертность // Сервис подбора финансовых услуг Brobank.ru. URL: https://brobank.ru/naselenie-rossii/ (дата обращения: 24.04.2026).

К.В. Музалевская,
преподаватель кафедры конституционного
права имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

ЕДИНСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственная целостность РФ относится к числу основополагающих конституционных ценностей (ст. 4 Конституции РФ), обеспечиваемых правовыми механизмами в различных сферах государственного управления. Одним из таких механизмов выступает единство образовательного пространства. Данный принцип, закрепленный в образовательном законодательстве, нередко рассматривается исключительно в контексте правового регулирования отношений в сфере образования. Между тем его конституционно-правовое содержание значительно шире. Профессор В.И. Радченко обосновал, что «“целостность” – это содержание, а “единство” – форма и способ обеспечения целостности государства» [1, с. 15–16]. Следовательно, единство образовательного пространства предстает не просто как принцип образовательного законодательства, а как один из конституционно значимых способов обеспечения государственной целостности России.

Указанная проблематика приобретает особое значение в свете масштабных преобразований российской системы высшего образования, начавшихся в 2022 г. Приостановление участия в Болонском процессе, запуск пилотного эксперимента по построению новой национальной уровневой структуры высшего образования [2], конституционное закрепление воспитания в качестве государственной задачи – каждое из этих преобразований непосредственно затрагивает содержание и параметры единого образовательного пространства. Цель настоящей статьи – раскрыть конституционно-правовое содержание принципа единства образовательного пространства, его связь с государственной целостностью и соотношение с принципом образовательного суверенитета.

Принцип единства образовательного пространства опирается на несколько конституционных оснований, действующих в системной взаимосвязи. Статья 4 Конституции РФ провозглашает единство системы государственной власти на всей территории страны, ст. 8 гарантирует единство экономического пространства. Непосредственно для сферы образования ч. 5 ст. 43 закрепляет обязательность федеральных государственных образовательных стандартов. Конституционная реформа 2020 г. включила в ст. 71 «установление единых правовых основ системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования» в перечень предметов исключительного ведения РФ [3]. Принципиально важно, что прежняя редакция ст. 71 относила к ведению Федерации лишь «установление основ федеральной политики и федеральных программ» в сфере образования. Введение нормы о «единых правовых основах» перевело компетенцию федерального законодателя из сферы государственно-политического целеполагания в сферу обязательного нормативного регулирования, что существенно укрепило конституционный фундамент принципа единства образовательного пространства.

На уровне отраслевого законодательства данный принцип закреплен в ст. 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [4]. Его главным правовым инструментом являются федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), обязательные для всех аккредитованных образовательных организаций на территории РФ независимо от региона и формы собственности. ФГОС устанавливают единые требования к структуре образовательных программ, условиям их реализации и результатам освоения, обеспечивая тем самым единообразие подготовки по соответствующим направлениям во всех субъектах Федерации. Государственная аккредитация образовательной деятельности выполняет функцию подтверждения того, что организация осуществляет образовательный процесс в соответствии с установленными стандартами, что обеспечивает признание образовательных документов на всей территории страны.

Самостоятельным конституционным основанием единства образовательного пространства служит ст. 68 Конституции РФ, закрепляющая русский язык как государственный. Статья 14 Закона об образовании гарантирует получение образования на государственном языке. Общий язык обучения является необходимым условием для сопоставимости образовательных программ и результатов их освоения, а следовательно, и для признания образовательных документов на всей территории страны.

Связь единства образовательного пространства с государственной целостностью прослеживается в нескольких конституционно-правовых

аспектах. Данный вывод находит подтверждение у М.В. Варлен, которая обоснованно констатирует, что «единое научно-образовательное пространство выступает в качестве фундаментального признака суверенной государственности, поскольку именно образование и воспитание формируют основу общественной жизни» [5, с. 88].

В правовом аспекте единые образовательные стандарты создают единый правовой режим в сфере образования, распространяющийся на все субъекты РФ. Признание документов об образовании на всей территории страны независимо от места получения образования служит конкретным проявлением конституционного принципа равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 19 Конституции РФ).

В экономическом аспекте единство образовательного пространства обеспечивает сопоставимость уровня профессиональной подготовки специалистов, получивших образование в разных регионах страны. Это, в свою очередь, выступает необходимым условием для свободного перемещения квалифицированных кадров и признания их профессиональных квалификаций независимо от места обучения, что непосредственно соотносится с конституционным принципом единства экономического пространства и свободного перемещения рабочей силы (ст. 8 Конституции РФ).

Ценностный аспект данной взаимосвязи является наиболее значимым. Как отмечает С.В. Кабышев, система образования формирует «нравственные императивы человека, его глубокую и осознанную связь с Отечеством; именно в образовании сплетается единое полотно времен и поколений, рождается чувство и понимание национальной идентичности, образ будущего страны» [6, с. 9–10]. Конституционная реформа 2020 г. наполнила ст. 67.1 Конституции положениями об исторической памяти, патриотизме и традиционных духовно-нравственных ценностях. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 [7] закрепил задачу трансляции традиционных ценностей через систему образования. Ранее Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ обязал образовательные организации разрабатывать рабочие программы воспитания [8, 9]. Включение воспитательного компонента в содержание ФГОС означает, что единство образовательного пространства охватывает не только профессиональные компетенции, но и ценностно-мировоззренческую подготовку, обеспечивая тем самым ценностную составляющую государственной целостности.

Реформирование системы высшего образования, начавшееся в 2022 г. и ознаменовавшееся переходом к национально-ориентированной образовательной модели, выявило новое измерение конституционно-правовой функции единства образовательного пространства. В рамках Болонской системы структура и содержание образователь-

ных программ частично определялись международными соглашениями. Переход к национальной уровневой структуре высшего образования восстанавливает полный охват единым образовательным пространством в его национальных границах и тем самым укрепляет конституционную функцию данного принципа как гарантии государственной целостности.

Принцип образовательного суверенитета, который А.Э. Святогорова и Е.В. Сорокина определяют как выражение «внутренней и внешней независимости в реализации образовательной политики» [10, с. 140], органично связан с принципом единства образовательного пространства. Образовательный суверенитет определяет содержательный вектор образовательной политики: каким должно быть образование в его ценностном и стратегическом измерении; единство образовательного пространства обеспечивает повсеместность и обязательность реализации этого содержания посредством единых стандартов. В данном соотношении оба принципа выступают взаимообусловленными конституционно-правовыми гарантиями государственной целостности.

Таким образом, единство образовательного пространства РФ представляет собой конституционно-правовой принцип, осуществляющий функцию гарантии государственной целостности в ее правовом, экономическом и ценностном аспектах. Применение методологического разграничения В.И. Радченко – «целостность» как содержание и «единство» как форма и способ его обеспечения – позволяет раскрыть конституционно-правовую природу данного принципа и выйти за рамки его сугубо отраслевого восприятия. Конституционная реформа 2020 г. закрепила «установление единых правовых основ системы воспитания и образования» в исключительном ведении Федерации, что существенно укрепило нормативные основания указанного принципа. Принципы образовательного суверенитета и единства образовательного пространства не противостоят друг другу, а выступают взаимообусловленными составляющими единой системы конституционно-правовых гарантий государственной целостности РФ. Доктринальное осмысление данной взаимосвязи представляет самостоятельный научный интерес для науки конституционного права.

Библиографический список

1. *Радченко В.И.* Публичная власть и государственная целостность Российской Федерации. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 316 с.

2. Указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // СЗ РФ. 2023. № 20, ст. 3535.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официаль-

ный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.02.2026).

4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2025. № 31, ст. 4695.

5. *Варлен М.В.* Научно-образовательное пространство и суверенное будущее российского государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 10 (155). С. 81–94.

6. *Кабышев С.В.* О стратегических вопросах развития российского образования: точка зрения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18, № 1. С. 9–17.

7. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

8. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся» // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5063.

9. Принят закон Президента РФ о воспитательной работе в образовательных организациях // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: http://duma.gov.ru/news/49166/ (дата обращения: 02.02.2026).

10. *Святогорова А.Э., Сорокина Е.В.* Конституционно-правовые основы реализации образовательного суверенитета // Юридическая наука. 2023. № 10. С. 137–141.

Е.А. Отставнова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права
имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной юридической академии

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Василий Иванович Радченко, являясь ярким представителем научной школы конституционного права Саратовской государственной юридической академии, значительное внимание уделял анализу относительно нового для России института Президента. Многие научные идеи ученого получили развитие в научных трудах его учеников и коллег. Представленная статья служит попыткой анализа одного из аспектов, разрабатываемых В.И. Радченко.

В настоящее время сохранение и реализация национальных интересов России приобретают все большую актуальность. Это связано не только с внешними вызовами и угрозами национальной безопасности государства, но и внутренними проблемами, обусловленными экономическими, политическими, социальными факторами. Не случайно Президентом РФ в 2021 г. была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1], в которой национальные интересы рассматриваются как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии». Национальная безопасность – это состояние их защищенности.

Для более глубокого понимания современных национальных интересов России необходимо обратиться к их концепции, которая начала складываться в 30-е гг. прошлого столетия. По мнению американских ученых Р. Нибур и Г. Моргентау, внесших существенный вклад в ее разработку, данное понятие содержит два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменчивый) [2, 3]. Эту классификацию национальных интересов можно считать универ-

сальной. Она применима и в настоящее время.

Если рассматривать национальные интересы РФ в современный период, то основные принципы конституционного строя, заложенные в гл. 1 Конституции РФ [4], и составляют фундаментальные, постоянные национальные интересы России. Их фундаментальность заключается прежде всего в том, что они закрепляют наиболее важные начала организации российского общества и государства. Об их значимости говорит тот факт, что нормы данной главы могут быть изменены только в особом порядке, предусмотренном ст. 135 Конституции РФ. Анализ данной статьи показывает, что изменить данные положения практически невозможно. Если таковое и потребуется, то возникнет необходимость в разработке и принятии нового проекта Конституции, который должен быть вынесен на референдум.

Однако в различных сферах общественной жизни постоянно происходят перемены. И для того, чтобы защитить фундаментальные национальные интересы, существует второй уровень формирования иных – временных, которые вырабатываются на определенный период, органами государственной власти, институтами гражданского общества, в зависимости от наличия угроз национальной безопасности на определенном этапе развития российского государства и общества. Основная роль в этом принадлежит Президенту РФ, который согласно ч. 3 ст. 80 Конституции РФ определяет основные направления внутренней и внешней политики государства.

Он не относится ни к одной из ветвей власти, но Конституция РФ наделила его широким кругом полномочий, и прежде всего, осуществляя функцию координации и единения всех ветвей власти, всенародно избираемый Президент РФ выступает в качестве объединяющего начала в конституционном строе РФ. По справедливому замечанию В.И. Радченко, в демократическом государстве глава государства не должен связывать себя с той или иной политической силой или интересами отдельного социального слоя, а должен быть олицетворением всего государства и представлять всех своих сограждан [5, с. 114].

Ему, как гаранту Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, отведена основная роль в формировании текущих национальных интересов России, поскольку на нем, как на главе государства, лежит вся полнота ответственности за стабильность государственной жизни, за сохранность основных конституционных ценностей, за определение стратегии развития общества.

Стратегические документы, утвержденные главой государства, не обладают нормативным характером, но являются политико-правовыми документами, которые задают основные направления деятельности органам государственной

власти, местного самоуправления и каждому гражданину, по обеспечению национальных интересов на краткосрочную, среднесрочную и дальнесрочную перспективы. Как правило, данные направления распределены по определенным сферам, которые периодически меняются в зависимости от возникающих в стране проблем. На основе данных стратегических документов органы исполнительной власти разрабатывают программы, содержащие средства, способы достижения целей, обозначенных в них, а также ответственных субъектов и финансирование. Не случайно в научной литературе высказывается мнение о большом регулятивном потенциале документов стратегического планирования в качестве средства правовой политики [6, с. 6].

В свою очередь, национальные интересы, формируемые на определенный период, можно связать со стратегическими национальными приоритетами, которые понимаются как важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития государства, направления деятельности, обладающие характером первоочередности по отношению к другим с учетом их системы и места в иерархии [7, с. 103].

Возникает вопрос о приоритете и юридической силе законов и стратегических указов Президента РФ в связи с функцией последнего определять направления правовой политики государства. С одной стороны, они являются подзаконными актами, а с другой – устанавливают направления развития законодательства. В данном случае необходимо учитывать цели издания стратегических указов. Так, законы должны создавать общие нормы права, основываясь на принципах, заложенных в стратегических документах. Последние призваны устанавливать способы и средства исправления негативной ситуации в определенной сфере. После решения данной проблемы стратегический документ отменяется, а соответствующий закон продолжает действовать.

Например, Указом Президента РФ утверждались Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в 2009, 2015 г. В настоящее время действует Стратегия 2021 г. [8] В стратегическом документе 2009 г. [9] одним из направлений обеспечения национальной безопасности государства обозначено повышение качества жизни российских граждан, которое должно быть достигнуто путем создания условий для роста благосостояния населения, повышения рождаемости, снижения смертности, ведения здорового образа жизни, развития медицины и образования. В Стратегии 2015 г. [10] данное направление осталось прежним, но с учетом достигнутых результатов обозначены новые способы достижения основной цели – повышения уровня жизни российских граждан. Среди таковых можно выделить: развитие массового

детско-юношеского спорта; организацию пропаганды здорового образа жизни; обеспечение равного доступа к государственным услугам на всей территории РФ, в том числе с использованием информационных и коммуникационных технологий.

Несмотря на меняющиеся приоритеты и способы достижения стратегических целей, законодательство России остается относительно стабильным, невзирая на внесенные в них изменения. Например, федеральные законы, касающиеся пенсионного обеспечения [11–13], продолжают действовать со дня их принятия, поскольку регулируют взаимоотношения между гражданами, обществом и государством в этой сфере. Основные принципы таких взаимоотношений остаются неизменными. С учетом того, что реальные условия пенсионного обеспечения могут все же меняться, в соответствующий закон достаточно внести изменения и дополнения, тогда как стратегический документ с момента достижения целей, указанных в нем, или возникновения новых угроз национальным интересам России утрачивает силу. В этом случае требуется разработка и принятие нового.

Документы стратегического характера, утвержденные Президентом РФ, в большей степени касаются органов исполнительной власти. Так, в 2018 г. главой государства были утверждены Национальные цели и стратегические задачи развития России, в рамках их реализации были инициированы национальные проекты в различных отраслях [14]. Последние призваны разрешить проблемы, касающиеся национальных интересов российского государства, в большей степени обеспечивающих реализацию принципа социальности, обеспечения безопасности личности. В 2024 г. в связи с изменившейся обстановкой на международном и внутригосударственном уровнях Президентом РФ утвержден новый план развития на среднесрочную и долгосрочные перспективы [15]. Следует согласиться, что «единый план представляет собой мета-проект, объединяющий в своей структуре все инструменты программно-целевого управления в качестве единой системы взаимосвязанных целей и мероприятий по их достижению» [16, с. 81].

Таким образом, роль главы государства в реализации и защите национальных интересов России обусловливается его основной функцией по определению основных направлений внутренней и внешней политики государства, целью которой выступает устранение угроз конституционным принципам, содержащимся в Основном Законе и являющимися основой российского общества и государства. Не меньшее значение в данном процессе имеет функция Президента РФ как координатора деятельности органов государственной власти, обеспечивающих их реализацию.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

2. *Nieburg R.* His Religious, Social and Political Thouts / ed. by Ch.W. Kegely and R.W. Breall. N. Y., 1956. 486 p.

3. *Morgenthau H.* In Defence of National Interest. N. Y., 1952. 306 p.

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.05.2026).

5. *Радченко В.И.* Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2. С. 110–115.

6. *Малько А.В., Гайворонская Я.В.* Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 4–25.

7. *Чиркаев С.А.* Роль юридического приоритета в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и реализации национальных интересов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 96–103.

8. *Братченко С.А.* Несогласованность целей в государственном управлении // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 78–108.

9. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (в ред. от 1 июля 2014 г.) (утратил силу) // СЗ РФ. 2009. № 20, ст. 2444; 2014. № 27, ст. 3754.

10. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. 2016. № 1, ч. 2, ст. 212.

11. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (в ред. от 29 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 51, ст. 4832; 2024. № 45, ст. 6699.

12. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ «О накопительной пенсии» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2013. № 52, ч. 1, ст. 6989; 2025. № 31, ст. 4684.

13. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (в ред. от 28 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 2001. № 51, ст. 4831; 2025. № 48, ч. 3, ст. 7260.

14. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (в ред. от 21 июля 2020 г.) (утратил силу) // СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817; 2020. № 30, ст. 4884.

15. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

16. *Братченко С.А.* Несогласованность целей в государственном управлении // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 78–108.

И.Н. Плотникова,
доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного
права имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ КАК ОСНОВА ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Профессиональная деятельность российского ученого – правоведа, доктора юридических наук Василия Ивановича Радченко тесно связана с Саратовской государственной юридической академией (СГЮА, СГАП, СЮИ). Будучи выпускником Саратовского юридического института имени Д.И. Курского, В.И. Радченко с 1981 г. работал преподавателем на кафедре государственного и международного права, впоследствии успешно защитив в 1995 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Президент Российской Федерации в системе разделения властей», а в 2003 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук «Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации». В.И. Радченко был одним из основателей Института прокуратуры в СГЮА, занимался активной подготовкой учебных и научных кадров в Академии, обладая высокими организаторскими способностями. Василия Ивановича отличали такие качества, как ответственность и принципиальность, целеустремленность и профессиональное отношение к своему делу, следование моральным и этическим нормам, уважение к личности студента, а также открытость, отзывчивость, доброжелательность и хорошее чувство юмора.

В центре научных интересов В.И. Радченко находились вопросы места и роли Президента РФ в системе разделения властей, значения единой публичной власти в функционировании государства, проблематика обеспечения государственной и территориальной целостности России.

Заметим, что еще в 2003 г. в монографии «Публичная власть и обеспечение государственной целостности Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы)» Василий Иванович утверждал, что именно единство государственной власти является основой целостности государства, ввиду этого роль и существование местного самоуправления он рассматривал исключительно в рамках системы единой публичной власти, называя местное самоуправление ее разновидностью [1, с. 194, 205]. Государственная власть и местное самоуправление, по его мнению, это «два уровня публичной власти, их сохранение и функционирование есть не что иное, как обеспечение структурного типа целостности государства, его единства» [1, с. 197]. К конституционным механизмам обеспечения целостности Российской Федерации, институциональным и функциональным ее основам наряду с Президентом РФ, Федеральным Собранием, исполнительной властью он относил и местное самоуправление [1, с. 184].

Обратим внимание, что в Конституции РФ 1993 г. [2] в момент ее принятия принцип единства публичной власти не нашел своего четкого текстуального выражения. Вместе с тем дальнейшее конституционно-правовое развитие России подтвердило важность научных воззрений В.И. Радченко в связи с необходимостью усиления роли и значения данного принципа, т.к. его несоблюдение приводит к «разобщенности действий органов публичной власти, их противоречия друг другу, что влечет снижение эффективности механизма правового регулирования и негативно отражается на состоянии обеспеченности прав и свобод человека и гражданина» [3, с. 39].

С принятием поправок к Основному Закону в 2020 г. принцип единства публичной власти приобрел системообразующее, фундаментальное значение, вследствие настоятельной потребности обеспечения согласованных решений и действий федеральных, региональных и муниципальных органов власти в современной России. Была «поставлена точка в длительной дискуссии о месте и роли местного самоуправления, его статусе…» [4, с. 71]. Безусловно, «согласованное функционирование всех ветвей власти в государстве имеет важное значение, т.к. направлено на обеспечение политической стабильности, устойчивости всего государственного механизма управления снизу доверху» [5, с. 143]. В то же время «остается актуальным вопрос эффективности управления федеративным государством, поскольку местное самоуправление и государство представляют собой единую систему публичной власти, несмотря на различие их функций» [5, с. 142].

Как справедливо указал Конституционный Суд РФ, категория «единая система публичной власти» производна от основополагающих понятий «государственность» и «государство»,

означающих политический союз (объединение) многонационального российского народа, общая суверенная власть которого распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией РФ [6]. Согласованное действие различных уровней публичной власти предопределено и нормами ст. 18 Конституции РФ о том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления.

Подчеркнем, что именно после принятия поправок к Конституции РФ вопросы сущности и содержания принципа единства публичной власти, его эволюции, проблематики реализации и неоднозначности подходов к толкованию категории «публичная власть» стали ключевым объектом многих конституционно-правовых исследований. Так, А.Н. Чертков полагает, что «системное толкование положений Конституции РФ в их взаимосвязи как в старой, так и в новой редакции Конституции позволяет рассматривать государственную власть и местное самоуправление как подсистемы единой публичной власти» [7, с. 13]. В свою очередь, известный ученый-конституционалист С.А. Авакьян писал, что «российская конституционная реформа 2020 г. прошла под знаком усиления публичной власти народа в нашей стране. Однако самого определения публичной власти в нормах данной реформы не было дано…» [8, с. 145]. По оценкам Р.Р. Шайхутдиновой, «понятие “публичная власть” до внесения поправок в Конституцию РФ в июле 2020 г. в ней отсутствовало» [9, с. 152], но «наряду с понятием публичной власти, поправками в Конституцию РФ был закреплен принцип единства системы публичной власти, который нашел отражение в ч. 3 ст. 132. Указанная формулировка породила ряд вопросов, в частности о соотношении понятий “система публичной власти” и “единая система публичной власти”, требующих дополнительного осмысления» [9, с. 155]. В связи с этим возможно согласиться с определением содержательной характеристики принципа единства власти, данное в научной литературе: «Общая конституционная формула исходит из того, что все субъекты РФ (вне зависимости от видового разделения) самостоятельны в построении своей системы органов государственной власти, но в соответствии с требованиями Конституции РФ руководствуются и общими принципами, установленными федеральным законом (статья 77 Конституции РФ)» [10, с. 87]. Вместе с тем остаются дискуссионными вопросы сочетания принципа единства публичной власти и принципов разделения властей, народного представительства, интерпретации термина «публичный» и др. [8, с. 146; 10, с. 89].

Подводя итог, отметим, что нами рассмотрены лишь некоторые вопросы, ставшие предметом исследования профессора кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева СГЮА Василия Ивановича Радченко. Его труды требуют дальнейшего теоретического осмысления и анализа в целях перевода актуальных научных идей в практическую плоскость конституционного развития российского государства и общества.

Библиографический список

1. *Радченко В.И.* Публичная власть и обеспечение государственной целостности Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы) / под ред. Б.С. Эбзеева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 316 с.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.04.2026).

3. *Диденко О.Н., Гаврилова В.Д.* Принцип единства публичной власти: сущность, уровни, формы взаимодействия // Право и практика. 2023. № 1. С. 35–40.

4. *Радченко В.И., Угланова О.А.* Поправки к Конституции РФ и устойчивость конституционного строя России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 6 (137). С. 65–75.

5. *Радченко В.И., Угланова О.А.* Местное самоуправление в системе публичной власти Российской Федерации // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Т.В. Заметиной. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. Вып. 20. С. 140–144.

6. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СПС «Гарант».

7. *Чертков А.Н.* Единство публичной власти и ее разделение «по вертикали»: конституционно-правовой аспект // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 6. С. 11–27.

8. *Авакьян С.А.* Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.

9. *Шайхутдинова Р.Р.* Конституционно-правовой принцип единства системы публичной власти в Российской Федерации: становление и развитие // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2022. № 6. С. 151–159.

10. *Артемова Д.И., Романовская О.В.* К вопросу о единстве публичной власти // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 86–91.

Е.Г. Стребкова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
права имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ, ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Технологии должны служить человечеству, а не наоборот.
Тим Кук, американский топ-менеджер

Научное наследие профессора В.И. Радченко не сводится к сухой юридической догматике. Его труды сформировали концептуальную базу для подготовки кадров правоохранительной системы. Ученого отличала высокая точность правового прогнозирования. Этот аналитический навык он целенаправленно передавал молодым исследователям, выступая не просто формальным руководителем, но и вовлеченным наставником. В современной образовательной практике анализ текстов ведущих конституционалистов является стандартом. Мы регулярно интегрируем их в структуру семинарских занятий. Статья В.И. Радченко «Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации» занимает в этом ряду особое место. Она предлагает студентам не просто исторический срез правовой мысли, а работающий методологический ключ к пониманию ценностного каркаса Основного Закона. Обсуждая этот труд на занятии, группа была поражена уникальным мастерством автора: ребята с удивлением отмечали, как ему удалось совместить ясность и доступность изложения с беспрецедентной глубиной философско-правового анализа.

По прошествии 11 лет с момента выхода в свет статьи профессора В.И. Радченко «Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации» ее научная значимость не только сохранилась, но и многократно возросла, отвечая новым вызовам времени.

Трудно не согласиться с тезисом уважаемого ученого о том, что духовный стержень нации и личности, составляющий предмет нашей особой гордости, представляет собой уникальное явление. Подобные ценностные ориентиры – исключительное достояние нашего общества и не имеют аналогов в истории других государств и народов [1, с. 112].

Актуальность исследования национальной идеи и цифрового суверенитета в контексте прав человека детерминирована необходимостью интеграции принципов цифрового суверенитета в структуру национальной идеи современной России как стратегического направления развития. Коллизия между технологической независимостью государства и правами человека в цифровую эпоху является одной из центральных проблем современного правоведения. Ее разрешение требует не только глубокого теоретико-правового осмысления, но и детально продуманного подхода к государственному управлению. Целью должно стать не противопоставление, а гармонизация этих, на первый взгляд, конкурирующих интересов. Только через создание прозрачной, подотчетной и основанной на верховенстве права системы регулирования возможно обеспечить как безопасность и суверенитет государства в цифровом мире, так и фундаментальные свободы его граждан. Это непрерывный процесс, требующий постоянной адаптации к технологическим изменениям и эволюции общественных представлений о справедливости и свободе.

Значимым событием в научной среде стала публикация в 2019 г. коллективной монографии «Национальная идея России» под научной редакцией профессора Б.А. Аникина [2]. Отличительная особенность данного исследования – его ярко выраженный междисциплинарный характер, проявившийся в составе авторского коллектива. В работе над монографией приняли участие представители широкого спектра научных дисциплин: историки, политологи, юристы, педагоги, философы, экономисты, социологи, географы, а также инженеры, что свидетельствует о комплексном подходе к изучению столь многогранного феномена.

Среди концепций национальной идеи выделяется фундаментальный труд В.С. Нерсесянца «Манифест о цивилизме» [3]. Ученый конструирует не абстрактную идею, а характерную для постсоветской России правовую модель. Ее фундамент – концепция «цивилизма». Базовым постулатом здесь выступает неотчуждаемое право каждого индивида на долю в общенациональной (гражданской) собственности. Сегодня эта теоретическая конструкция проходит жесткую эмпирическую проверку. Массовая заморозка и блокировка зарубежных активов российских граждан разрушили иллюзию универсальности транснациональных имущественных гарантий. В условиях санк-

ционного давления идея Нерсесянца обретает новое, весьма практическое измерение. Автор демонстрирует, что подлинный суверенитет государства невозможен без надежной внутренней структуры, гарантирующей защиту гражданской собственности в рамках национальной юрисдикции.

Развивая проблематику национальной идеи, но уже с акцентом на ее функциональное значение и системообразующую роль в государственном устройстве, Ю.Г. Федотова приходит к выводу, что национальная идея, основанная на духовных ценностях и реализуемая через идеологическую функцию Конституции, является системообразующим фактором обеспечения национальной безопасности, поскольку именно она гармонизирует взаимосвязанные интересы личности, общества и государства для противодействия комплексным угрозам [4].

Действующая Конституция РФ, хотя и не оперирует непосредственно термином «идея», содержит принципиальное положение о недопустимости установления какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст. 13). Этот конституционный императив незыблем. Несмотря на конституционный запрет государственной идеологии, Основной Закон не является ценностно-нейтральным, в его тексте скрыта аксиологическая основа. Она выступает не просто абстрактным моральным ориентиром, а реальным инструментом для формирования социальных связей в обществе. Именно этот нормативный каркас нейтрализует центробежные тенденции и скрепляет территориальную целостность многонационального государства. Правовым источником данной системы служит Преамбула Конституции РФ. Сформулированные в ней исторические и этические принципы, апеллируя к памяти предков, вере в добро и справедливость, фактически представляют собой основные постулаты национальной идеи России. Конституция предлагает обществу не навязанную сверху доктрину, а консенсусную модель совместного исторического развития общества.

Традиционная концепция суверенитета сегодня кардинально пересматривается [5–7]. Интернет не имеет физических границ. Это разрушает привычные представления о том, где заканчивается власть государства. В мире нет единого взгляда на эту проблему. Одни выступают за полностью свободную сеть без вмешательства властей. Некоторые государства пытаются взять интернет под полный контроль. Цифровой суверенитет перестал быть просто темой для научных споров, теперь это вопрос безопасности и развития любой современной страны. Главная задача – найти баланс между быстрыми технологиями, законами, интересами IT-корпораций и правами обычных людей. В таких условиях на первый план выходит цифровая независимость. Чтобы не зависеть от дру-

гих в эпоху цифровизации, государству нужны собственные технологии, программы и сети.

Именно поэтому России сейчас необходима четкая объединяющая идея в цифровой сфере, которая будет надежно защищать конституционные права граждан. Однако принимать для этого отдельный закон и вводить ее в правовой оборот не стоит. Базовые принципы уже закреплены в Преамбуле Конституции РФ, провозглашающей категории «добро» и «справедливость», имеющими особую ценность для российского народа. В отечественной правовой культуре эти категории не остаются просто красивыми словами, они являются главными ориентирами для развития общества. Именно они объединяют нацию, превращая философские идеалы в практическое руководство для всех представителей российского общества.

Правоприменение не должно сводиться к юридическому формализму. Без этического фундамента конституционная норма остается пустой декларацией. Только интеграция нравственных идеалов в повседневную общественную жизнь превращает абстрактное право в реальное социальное благо. Цифровая эпоха радикально меняет среду реализации прав человека. В новых реалиях концепт цифрового суверенитета естественно встраивается в структуру национальной идеи. Цифровой суверенитет – это уже не только про государственную безопасность и технологическую изоляцию. Сегодня он работает иначе. По сути, это базовый правовой институт, который защищает частную жизнь, дает человеку контроль над своими персональными данными и обеспечивает свободу общения. Профессор В.И. Радченко называл ценности добра и справедливости «духовным стержнем» нации. Сказано точно. Но в XXI в. одной философии уже недостаточно – за красивой идеей должна стоять технология. Национальная идея становится реальностью там, где реально защищены права конкретного гражданина. Цифровизация проникла повсюду. И в этих условиях именно цифровой суверенитет способен гарантировать настоящую автономию личности, уберечь общество от внешнего информационного давления и сохранить за человеком право самому решать, что и кому он сообщает о себе.

Библиографический список

1. *Радченко В.И.* Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 110–115.

2. Национальная идея России: монография / под ред. Б.А. Аникина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К°, 2019. 325 с.

3. *Нерсесянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 64 с.

4. *Федотова Ю.Г.* Духовные основы конституционного строя и национальная идея как гарантии национальной безопасности Российской Федерации // Журнал юридических исследований. 2018. Т. 3, № 4. С. 13–21.

5. *Авдийский В.И., Иванов А.В., Коннова И.Г.* Институционализация цифрового суверенитета государства в сфере информационной безопасности // Информатизация в цифровой экономике. 2024. Т. 5, № 3. С. 385–400.

6. *Антонов Д.Е.* Цифровой суверенитет современного государства: от контроля до коммуникации // Полилог/ Polylogos. 2022. Т. 6, № 2(20).

7. *Попова Е.В., Устюжанцева О.В., Гао Х.* Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 251–266.

А.А. Фролов,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
права имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Формирование государственности и становление правового государства неразрывно связаны с признанием прав и свобод человека. Правовая среда, призванная обеспечить их реализацию и юридическую защиту, развивается параллельно этим процессам.

Институт прав человека и механизмы их защиты привлекают внимание специалистов конституционного права и представителей других отраслей российской правовой системы, что объясняется фундаментальным характером этой проблематики. Конституционные права и свободы служат фундаментом для всех иных прав личности. Они содержат ключевые положения, регулирующие наиболее значимые общественные отношения, и потому обладают наивысшей юридической силой. Юридический механизм требует достаточной адаптивности для адекватного реагирования на меняющиеся обстоятельства и возникающие угрозы. Крайне важно гармонизировать национальное законодательство с общепризнанными международными нормами. Параллельно следует усиливать надзор за соблюдением правовых норм, формируя для этих целей автономные контролирующие органы и профильные структуры. Данная гарантия отражена в системе прав и обязанностей граждан, а также обязанностей государства, закрепленных в ст. 45, 46, 53, 55, 56, 60, 61 Конституции РФ. Признание прав и свобод человека высшей ценностью требует от государства их непрерывного соблюдения и защиты.

Усовершенствование механизмов защиты прав и свобод – процесс непрерывный, требующий усилий на государственном, международном и общественном уровнях. Современный мир сталкивается с рядом вызовов – технологические преобразования, геополитическая напряженность, социальные изменения – все это создает угрозы для прав граждан.

Прежде всего основой для улучшения защитных механизмов является регулярное обновление национального законодательства. Совершенствование правовой базы – это главный путь к развитию системы, гарантирующей права и свободы граждан. Правовая структура обязана обладать достаточной адаптивностью для оперативного отклика на возникающие обстоятельства и новые задачи. При этом ключевое значение имеет приведение национального законодательства в соответствие с мировыми нормами. Дополнительно требуется усилить механизмы контроля за соблюдением правовых актов путем формирования независимых надзорных органов и профильных институциональных структур.

О.И. Чепунов и Е.В. Болдырева отмечают важность развития конституционных норм в законодательных актах для обеспечения стабильности и эффективности системы защиты прав и свобод. В связи с этим поправки к Конституции РФ 2020 г. следует рассматривать как основу дальнейшего укрепления защиты прав личности [1].

Ключевым вектором обновления нормативной базы выступает трансформация правосудия в России. В текущей ситуации приоритетной задачей государства становится укрепление судебной системы с целью надежного обеспечения и охраны законных интересов личности. Это направление признается наиболее значимым, поскольку в современных условиях перед страной стоит задача усиления защиты прав и свобод граждан посредством укрепления национальной судебной системы. П.В. Батылева и А.В. Шавыкина указывают, что, несмотря на прогресс в оснащении судов и организации судебной системы, многие фундаментальные конституционные идеи остаются нереализованными, в частности, правовая регламентация права на судебное разбирательство и система его реализации требуют доработки [2].

Исследуя проблемы оптимизации системы защиты прав и свобод на фоне трансформации правосудия, Е.В. Киричек акцентирует внимание на том, «что требуется создать действенный механизм, в котором будут согласованы усилия законодательной, исполнительной и судебной властей» [3, с. 42].

Международное сотрудничество в правозащитной сфере переживает глубокий кризис, особенно заметный в отношениях с западными структурами. Правозащитные организации все чаще становятся инструментами политического и идеологического

давления. В ходе диалога с членами Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека 7 декабря 2022 г. Владимир Путин высказал критическое замечание относительно истинных целей западных правозащитных структур. По его мнению, они были изначально ориентированы на вмешательство во внутренние дела государств СНГ, а не на защиту прав. Россия, как отметил президент, предприняла шаги по выходу из Совета Европы и отказу от юрисдикции ЕСПЧ, руководствуясь стремлением сохранить национальный суверенитет от политизированных международных правозащитных механизмов.

Международная система защиты прав человека постепенно утрачивает доверие, превращаясь из универсального института в инструмент отдельных государств для продвижения собственных интересов. Перед Россией встает острая задача: обеспечить гарантии прав и свобод граждан в новых условиях.

Пункт 3 ст. 46 Основного Закона РФ гарантирует гражданам возможность обращения в международные инстанции для защиты своих прав при условии исчерпания внутренних юридических механизмов. Фактический отказ от подчинения юрисдикции Европейского суда по правам человека де-факто блокирует реализацию данной конституционной нормы. В связи с этим целесообразно рассмотреть три возможных пути решения обозначенной дилеммы. Одна из возможных альтернатив – это восстановление статуса члена Совета Европы, базирующееся на началах равноправного партнерства. Для реализации указанного сценария необходимо усилить ответственность судей Европейского суда по правам человека, создать действенные механизмы контроля и гарантировать их автономию от политического влияния. Однако в нынешних геополитических реалиях данный сценарий выглядит малореалистичным. Второй подход предполагает расширение полномочий Конституционного Суда РФ в качестве главного института защиты прав личности. Тем не менее, учитывая специфику его компетенции, он объективно не может заменить межгосударственную структуру. Разработка же нового национального судебного органа, аналогичного ЕСПЧ, представляется неоправданной, т.к. это приведет к дублированию функций Верховного и Конституционного судов. Третий путь предполагает создание нового международного органа.

Научное сообщество обсуждает несколько вариантов: БРИКС, СНГ, ШОС. М.Г. Мустафаев указывает, что «после выхода России из Совета Европы вопрос о новых механизмах контроля за соблюдением прав человека пока не решен. Он предлагает сформировать контрольные структуры

в рамках ЕАЭС: либо специализированный суд по правам человека, либо расширенный по полномочиям существующий Суд Союза» [4, с. 9]. Такой подход мог бы стать альтернативой ЕСПЧ.

А.Б. Конахина выдвигает схожую идею: усилить взаимодействие с межгосударственными правозащитными органами ООН, прежде всего с Комитетом по правам человека [5].

Конституционные гарантии обеспечивают стабильность и надежность, однако полноценная защита достигается лишь при интеграции правовых норм с иными социальными регуляторами. Как отмечает Г.А. Майстренко, «укрепление конституционных гарантий требует согласованных действий государства, общественных объединений и граждан» [6].

Укрепление гражданского общества и активная поддержка некоммерческого сектора являются неотъемлемыми факторами усиления механизмов общественного надзора. Образование выступает в качестве фундаментального элемента в процессе формирования правосознания. Интеграция образовательных программ, посвященных правам человека, в школьные учебные планы, а также учреждение профильных факультетов и специализированных курсов в высших учебных заведениях служат гарантией повышения уровня правовой осведомленности.

Цифровые ресурсы способствуют распространению знаний о правах и свободах граждан, именно цифровая трансформация открывает возможности повышения эффективного правового просвещения.

Совершенствование механизма защиты прав и свобод предполагает согласованную работу по нескольким направлениям:

- международное сотрудничество позволяет перенимать передовой опыт и выстраивать унифицированные стандарты защиты;
- правовые акты нуждаются в систематическом пересмотре, правоприменительная практика – в повышении качества и единообразии;
- общественный контроль становится действенным инструментом только при широком вовлечении граждан и организаций в мониторинг государственных решений;
- образовательные программы формируют правовую грамотность населения, без которой любые институциональные реформы утрачивают практический смысл;
- цифровые технологии открывают возможности для оперативного реагирования на нарушения, упрощения доступа к правовой помощи и прозрачности процедур.

Взаимодействие этих элементов порождает устойчивую систему защиты, способную отвечать современным вызовам.

Библиографический список

1. *Чепунов О.И., Болдырева Е.В.* К вопросу о конституционно-правовом совершенствовании публичной власти // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 1. С. 170–178.

2. *Батылева П.В., Шавыкина А.В.* Совершенствование механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в Концепции реформирования судебной системы Российской Федерации // Всероссийский юридический форум: сб. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Новая Наука, 2022. С. 17–25.

3. *Киричек Е.В.* Некоторые направления совершенствования механизма охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях модернизации правовой системы России // Академический вестник. 2010. № 3 (13). С. 40–44.

4. *Мустафаев М.Г.* Механизмы правового контроля в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Актуальные вопросы современной науки: сб. тр. по матер. XI Всерос. конкурса науч.-исслед. работ: в 4 ч. Уфа: Вестник науки, 2022. Ч. 3. С. 8–14.

5. *Конахина А.Б.* Совершенствование внутригосударственной системы защиты прав и свобод человека в условиях выхода Российской Федерации из Совета Европы // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 263–267.

6. *Майстренко Г.А.* Конституционная защита прав и свобод человека в Российской Федерации: задачи, проблемы, пути решения // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12, № 1–1. С. 147–154.

В.С. Хижняк,
доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного
права имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В АСПЕКТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ

Президентская республика в настоящее время существует во всех странах Латинской Америки. К подобному выбору страны континента в большинстве своем пришли к началу XX в. В их бытность колониями они были монархиями. В течение более чем 30 лет в начале XX в. в Чили существовала парламентская республика. Можно привести несколько примеров стран Латинской Америки, в которых несмотря на установление президентской республики парламент в течение длительного времени наделялся более широкими полномочиями, чем президент. Например, во второй половине XIX – начале XX в. таковыми являлись Мексика, Уругвай, Аргентина, Бразилия, Эквадор и некоторые другие. В ряде источников отмечается, что с момента начала развития конституционализма и по настоящее время в странах данного региона конституционные реформы проводились около двухсот девяноста раз [1, с. 230], что указывает на неустойчивость политических режимов в странах данного региона как в прошлом, так и в настоящем.

Нельзя забывать, что на устойчивость политического режима влияет множество факторов. Например, высокий уровень бедности, неравенство, слабые конституционно-правовые механизмы обеспечения верховенства права, традиционные модели поведения политической элиты, коррупция, «плохое» геополитическое соседство.

Для стран Латинской Америки немаловажным фактором в этом отношении является близость США. Примеров, когда данное государство в XX–XXI вв. пыталось оказать влияние на политику и право стран данного региона, можно привести множество, начиная с вмешательства

во внутренние дела Кубы и Никарагуа в 50–80-е гг. XX в. и заканчивая недавним похищением президента Венесуэлы Николаса Мадуро и его супруги. Все перечисленные факторы, несомненно, влияют и на особенности развития многих институтов конституционного права в этих странах, включая институт президента.

В 60–80-е гг. прошлого столетия в большинстве стран Латинской Америки установилась президентская республика как форма правления. Как отмечает М.Д. Серраферо, это не встретило какого-либо сопротивления общества, кроме споров среди политических элит [1, с. 198]. Кроме того, колониальное прошлое данных стран также сказалось на установлении именно этой формы правления. Как отмечал в своих работах В.И. Радченко, роль Президента обусловлена прежде всего особенностями политического развития [2, с. 24]. Эти особенности, на наш взгляд, и сделали возможным закрепление института президента и установление президентских республик в большинстве стран Латинской Америки.

Большинство современных конституций этих стран наделяет главу государства довольно обширными полномочиями. В юридической науке небезосновательно сложилось мнение, что в данном регионе преобладают суперпрезидентские республики [3, с. 84] и давно ведется спор о том, насколько адекватна такая форма правления для развития их демократии. Ряд авторов считает, что наиболее подходящей была бы парламентская республика [4], но это мнение нельзя назвать распространенным. Преимущественно оно характерно для уругвайской и чилийской юридической литературы [5, с. 291; 6, с. 305]. В связи с этим можно вспомнить, что подобный опыт уже был в истории Чили, что и обусловливает наличие идеи вернуться к нему.

Есть и противоположное мнение, основанное на том, что за прошедший период президентская республика уже успела стать традиционной для многих стран Латинской Америки, и отказ от нее будет негативно воспринят социумом. Некоторые ученые считают, что наиболее адекватной мерой было бы реформирование самого института президента. Основным вектором подобной реформы в юридической литературе называют «улучшение и повышение гибкости отношений между исполнительной и законодательной властью», «формирование стабильных парламентских коалиций, осуществляющих эффективное сотрудничество с правительством» [7, с. 31–33].

На наш взгляд, сами по себе парламентская или президентская республика не являются показателем уровня демократии в стране. В большей степени на него влияет возможность проведения свободных и честных выборов, уровень правовой и политической культуры граждан, а также эффективный конституционно-правовой механизм взаимодействия органов государствен-

ной власти друг с другом и с гражданским обществом. Достижение этого возможно в обоих случаях.

В ряде стан Латинской Америки (например, в Аргентине, Бразилии, Мексике, Чили и в некоторых других) [8–11] конституции не предусматривают институт главы правительства. Президент в этих странах является не только главой государства, но и главой исполнительной власти. В юридической литературе предлагается ввести подобный институт, для обеспечения наиболее эффективных отношений между законодательной и исполнительной властью [7, с. 31–33; 1, с. 198]. Некоторые авторы говорят и о необходимости реформирования отношений, сложившихся между всеми тремя ветвями власти [7, с. 31–33]. Вопрос о том, должны ли президентская или парламентская республика существовать в конкретном государстве, в большей степени зависит от социокультурных аспектов и особенностей политической жизни страны, поэтому и переход от одного вида республиканской формы правления к другому не является показателем снижения или повышения уровня демократии в государстве.

За последние 35 лет конституционные реформы, направленные на усиление межведомственного контроля между законодательной и исполнительной властью, были осуществлены в Аргентине, Доминиканской Республике, Мексике, Панаме, Уругвае. При этом реформы, проведенные за последние 16 лет в Венесуэле (2009) и Эквадоре (2008), были направлены именно на усиление президентской власти.

Х. Карпизо ввел в юридическую литературу стран Латинской Америки классификацию сложившихся в них президентских режимов. На основе анализа конституционных норм им были выделены «чистый президентский режим», «преобладающий президентский режим», «президентский режим с элементами парламентаризма» и «парламентско-президентский режим» [12, с. 193–218]. Кроме того, в зависимости от особенностей партийной и избирательной систем, отсутствия или наличия коалиционного правительства он подразделил все президентские режимы, существующие в странах Латинской Америки, на сильные, слабые и сбалансированные [12, с. 193–218]. Таким образом, можно говорить о том, что конституционное закрепление института президента и фактическое положение указанного должностного лица в странах данного региона довольно разнообразно. В то же время ни одну из существующих моделей нельзя назвать в полной мере эффективной. Основная проблема состоит в том, что реформирование института президента невозможно без одновременного проведения реформы иных органов государственной власти. При этом необходимо уделять особое внимание конституционно-правовому регулированию их взаимодействия между собой и с институтами гражданского общества.

Проблема стран Латинской Америки состоит в том, что конституционные реформы часто носили поверхностный характер и отвечали интересам отдельных политических групп. В частности, так и не были разработаны действенные механизмы подотчетности органов и должностных лиц, обеспечения доступности к информации об их деятельности, конституционно-правовые механизмы осуществления президентских полномочий, его взаимодействия с парламентом и политическими партиями. О. Хуртадо считает, что проблема кроется в большей степени во взаимоотношениях политических элит этих стран. «Столкнувшись с выбором между интересами демократии и своими собственными, партии часто выбирают последние. Примером их утилитарного поведения является тот факт, что партии, которые противостояли определенным реформам, находясь в меньшинстве, поддержали их, когда стали большинством, и наоборот» [13, с. 13–14]. Проводя конституционные реформы, в том числе и затрагивающие институт президента, партийные элиты в странах Латинской Америки не смогли четко согласовать цели представительства, участия и управления политических институтов и их взаимодействия. Несмотря на то, что за историю существования института президента в странах Латинской Америки он претерпел определенные изменения, процесс его трансформации очень далек от завершения.

Все же можно выделить некоторые положительные моменты. В ряде стран, в первую очередь в Венесуэле и в Республике Эквадор, наделение президента широкими полномочиями позволило провести ряд социально-экономических реформ, несколько снизивших уровень бедности, создать реальные гарантии трудовых прав [3, с. 85]. Сильное положение президента всегда несет риски концентрации власти в его руках. Тем не менее страна с сильным лидером может быстрее справляться с кризисными ситуациями, с которыми страны Латинской Америки сталкиваются довольно регулярно. Внешнеполитические факторы, политическая и социальная нестабильность внутри этих стран будут требовать его наличия еще долгое время. В то же время основная суть конституционных реформ, затрагивающих и правовое положение президента, состоит в разработке эффективного механизма взаимодействия всех органов государственной власти. Пока сложно ответить на вопрос, сколько времени это займет.

Следует отметить, что определенное влияние на развитие конституционного права этих государств оказывает их региональное сотрудничество, в том числе и регулярные саммиты глав государств.

Опыт стран Латинской Америки в рассматриваемом вопросе может быть ценным для Российской Федерации, которая несмотря на вполне удачную проведенную в 2020 г. конституцион-

ную реформу еще находится в поиске баланса между органами законодательной и исполнительной власти. Особенностью в данном случае является то, что и те и другие входят в единую систему органов публичной власти, а полномочиями по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, согласно ст. 80 Конституции РФ, является президент [14]. Сравнивая Россию со странами Латинской Америки, можно отметить факт наличия в первой должности главы правительства, о необходимости введения которой так часто говорят в рассматриваемых странах.

В целом в отечественном конституционном праве механизмы взаимодействия между Президентом и иными органами публичной власти урегулированы более полно, чем в большинстве стран Латинской Америки. Конституционные реформы, проводимые в этих странах, только подтверждают своевременность и соответствие современным вызовам российской реформы. Изучение дальнейших процессов конституционного реформирования в них представляется необходимым, т.к. существует возможность дальнейшей трансформации института президента, развития механизмов его взаимодействия с иными органами государственной власти и институтами гражданского общества, которое может оказаться полезным и для развития российского конституционного права.

Библиографический список

1. *Serrafero M.D.* Presidencializmo y reforma politica en America Latina // Revista del Centro de Estudios Constitucionales. 1991. № 8. P. 195–235.

2. *Радченко В.И.* Президент в конституционном строе Российской Федерации. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2000. 182 с.

3. *Марчук Н.Н., Никонов А.С.* Особенности конституционного развития стран Латинской Америки на современном этапе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. № 5. С. 78–92.

4. *Linz. J.* The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1, № 1. P. 51–69.

5. *Pérez R.* El parlamentarismo. La reforma necesaria en Uruguay // Reforma Políticay consolidación democrática: perspectivas compradas / ed. D. Nohlen y J. Rael. Caracas, 1988. 383 p.

6. *Fernandez Baeza M.* Sistema parlamentario en Chile. Entre la razón y la tradición // Reforma Políticay consolidación democrática: perspectivas compradas / ed. D. Nohlen y J. Rael. Caracas, 1988. 383 p.

7. *Nohlen D.* El institucionalismo contextualizado. La relevancia del contexto en el análisis y diseño institucionales. México: UNAM-Porrúa, 2006. 198 p.

8. Конституция Аргентинской Республики от 1 мая 1853 г. (в ред. от 1994 г.) // Официальный сайт Правительства Аргентины. URL: http://www.biblioteca.jus.gov.ar/argentina-constitution.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

9. Конституция Федеративной Республики Бразилия 1988 (в ред. от 2010 г.) // Официальный сайт Сената Федеративной Республики Бразилия. URL: https://legis.senado.leg.br/norma/579494/publicacao/ (дата обращения: 02.03.2026).

10. Конституция Мексиканских Соединенных Штатов 1917 г. (в ред. от 27 июля 2010 г.) // Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21186 (дата обращения: 02.02.2026).

11. Конституция Республики Чили 1980 г. (в ред. от 2021 г.) // Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21145 (дата обращения: 02.03.2026).

12. *Carpizo J.* Concepto de democracia y sistema de gobierno en América Latina. México: UNAM, 2007. 260 p.

13. *Hurtado O.* Elementos para una reforma política en América Latina. Sustainable Development Department Technical Papers Series, SGC-104, Banco Interameri cano de Desarrollo, 2005. 19 p.

14. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.04.2026).

Ю.Н. Боярская,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной
юридической академии

ЦИФРОВАЯ ПРИРОДА БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Современное гражданское право развивается в условиях ускоренной цифровизации общественных отношений, что обусловливает необходимость переосмысления содержания традиционных цивилистических институтов. Инновационные процессы проявляются не только в формировании новых объектов гражданского оборота, но и в трансформации механизмов правового воздействия, перераспределения рисков и моделей юридической ответственности участников имущественного оборота.

В условиях стремительного развития научно-технического прогресса инновации приобретают определяющее значение для последующей эволюции гражданского права. Инновационные процессы, включая внедрение технологий искусственного интеллекта, автономных и автоматизированных транспортных средств и иных объектов гражданских прав, оказывают непосредственное воздействие на традиционные институты гражданского права и предопределяют необходимость их теоретического переосмысления и нормативной адаптации.

В доктрине гражданского права обосновывается необходимость формирования специальных правовых режимов для новых высокотех-

нологичных объектов [1]. Указанные режимы должны формироваться с учетом системности гражданского законодательства и целей технологической модернизации.

Кроме того, нельзя не отметить, что при квалификации беспилотного транспортного средства в качестве объекта гражданских прав необходимо учитывать его высокотехнологичную природу. В настоящее время разрабатываются и вводятся в эксплуатацию различные модели беспилотного транспорта: от дистанционно управляемых внешним оператором до полностью автономных устройств, функционирующих на основе технологий искусственного интеллекта. Указанное обстоятельство предопределяет необходимость комплексного подхода к правовой оценке соответствующего объекта.

С позиции цивилистической доктрины беспилотное транспортное средство прежде всего следует квалифицировать как сложный технический объект, введенный в гражданский оборот в качестве вещи, отличающейся высокой степенью технологической оснащенности и интеграции цифровых компонентов. В то же время такой объект нельзя сводить исключительно к материальной вещи, поскольку его функциональное назначение определяется программно-аппаратным комплексом, алгоритмами и системой дистанционного (удаленного) контроля.

Научная позиция Е.В. Вавилина представляется особенно значимой в аспекте терминологической и режимной определенности исследуемого объекта. Автор обоснованно указывает, что употребление термина «беспилотное транспортное средство» «не отражает существенной для данного правового объекта характеристики» и приводит к смешению понятий с автономным транспортом [1]. Из этого следует, что для гражданско-правового анализа важно не только описание технических признаков, но и установление степени автономности и автоматизации соответствующего транспортного средства, поскольку именно данный критерий предопределяет выбор модели распределения деликтной и договорной ответственности, а также пределы допустимого правового вмешательства в процессы его создания и эксплуатации.

Традиционно институт возмещения вреда, причиненного деятельностью источника повышенной опасности, основывается на презумпции наличия владельца такого источника, непосредственно осуществляющего управление соответствующим объектом и реализующего фактический контроль за его функционированием. Вместе с тем квалификация беспилотного транспортного средства в качестве источника повышенной опасности не вызывает сомнений как в силу его технической природы, так и с учетом заложенного в нем потенциала причинения вреда. Вопрос

о возложении гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный беспилотным транспортным средством, исключительно на его владельца в смысле ст. 1079 ГК РФ в современной доктрине гражданского права однозначного решения не получил. В научной литературе обосновываются различные подходы: от сохранения традиционной модели ответственности владельца источника повышенной опасности [2] до перераспределения риска между владельцем, разработчиком программного обеспечения и иными участниками, влияющими на функционирование беспилотного транспортного средства [3], что, в свою очередь, обусловливает необходимость формирования особого режима гражданско-правовой ответственности, учитывающего специфику автоматизированного (автономного) управления и множественность субъектов, оказывающих влияние на результаты эксплуатации соответствующего транспортного средства.

В теории гражданского права обоснованно отмечается, что внедрение новых объектов в гражданский оборот требует адаптации существующих механизмов ответственности к трансформирующейся структуре рисков, при которой ошибка может быть следствием не только поведения человека, но и дефектом данных, алгоритма либо программно-аппаратной системы [4]. Для гражданского права это означает потребность в развитии смешанных моделей ответственности: за недостатки товара, за вред, причиненный недостатками работы или услуги, а также за вред, причиненный деятельностью источника повышенной опасности.

Позиция Е.В. Вавилина о справедливом распределении ответственности представляется особенно значимой: автор связывает эффективное регулирование беспилотного транспорта с развитием страхования и распределением рисков между всеми участниками отношений [3, 5]. Подобная конструкция корреспондирует основополагающим принципам гражданского права, поскольку позволяет обеспечить восстановление имущественной сферы потерпевшего без неоправданного возложения всего объема ответственности на одного формального владельца.

Вместе с тем гражданско-правовое регулирование отношений, складывающихся в связи с использованием беспилотных транспортных средств, не сводится исключительно к институту деликтной ответственности, хотя именно в его рамках наиболее остро проявляются вопросы распределения рисков и определения надлежащего субъекта возмещения вреда.

Как уже было отмечено ранее, в условиях современной экономики беспилотное транспортное средство интегрирует в гражданский оборот в качестве сложного высокотехнологичного объекта, что предопределяет использование в отношении него различных договорных конструкций: купли-продажи,

аренды, лизинга, договора возмездного оказания услуг и др., а также договоров, направленных на обеспечение дистанционного мониторинга и сопровождения эксплуатации. Подобная многообразная договорная природа обусловливает необходимость детального согласования условий о качестве объекта, порядке обновления программного обеспечения, обеспечении кибербезопасности, допустимых пределах вмешательства в систему управления и механизмах распределения рисков при программных сбоях, аппаратных неисправностях и т.п.

Особое значение в данном контексте приобретают электронный документооборот и цифровые способы исполнения обязательств, поскольку беспилотный транспорт по своей природе функционирует в среде непрерывного обмена данными, удаленного контроля и автономного принятия решений. В свою очередь, это предопределяет востребованность смарт-контрактов, а также иных правовых и технических средств, предназначенных для автоматизации отдельных стадий исполнения обязательств.

В условиях цифровизации транспортной сферы классические договорные конструкции не утрачивают своего значения, однако они нуждаются в существенной адаптации к технологической специфике соответствующих объектов. В частности, возрастает роль условий о своевременном обновлении программного обеспечения, требованиях к информационной безопасности, распределении обязанностей по техническому сопровождению и уведомлению контрагентов о выявленных рисках эксплуатации.

Цифровая природа беспилотного транспорта предопределяет необходимость доктринального переосмысления сложившихся представлений об обязательствах и формирования специализированного массива договорных конструкций, ориентированных на внедрение в гражданский оборот высокотехнологичных объектов и обеспечение их полного жизненного цикла.

В указанном контексте гражданско-правовое значение приобретает не только передача материального носителя вещи, но и обеспечение устойчивого, безопасного и юридически контролируемого функционирования рассматриваемого объекта гражданских прав – беспилотного транспортного средства.

Таким образом, регулирование обязательственных и иных гражданско-правовых отношений, возникающих в связи с использованием беспилотного транспорта, должно основываться на сочетании классических цивилистических принципов с учетом цифровой специфики таких объектов, что обусловливает необходимость дальнейшей научной разработки соответствующих правовых конструкций и последующего совершенствования законодательства.

Библиографический список

1. *Вавилин Е.В.* Беспилотные транспортные средства: от терминологии к новым правовым режимам // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 3–21.

2. *Ли Ч., Менг С.* Внедоговорная ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами // Закон. 2020. № 3. С. 49–56.

3. *Вавилин Е.В.* Ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством // Хозяйство и право. 2023. № 10 (561). С. 3–11.

4. *Лаптев В.А.* Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 199–204.

5. *Вавилин Е.В.* Безопасное использование высокоавтоматизированных (беспилотных) транспортных средств: правовые гарантии // Хозяйство и право. 2024. № 1. С. 3–15.

Т.С. Дорошок,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
финансового, банковского и таможенного
права имени профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

Л.С. Дорошок,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
финансового, банковского и таможенного
права имени профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ИНСТРУМЕНТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННЫМ ФИНАНСОВЫМ ОПЕРАЦИЯМ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ

Использование участниками финансового рынка искусственного интеллекта (далее – ИИ) выступает мировой тенденцией, стратегическим направлением цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления, трендом организации бизнес-процессов. Вопрос создания и применения технологий ИИ включен в основу стратегических документов [1, 2] и отражен в дорожных картах национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [3].

Для финансового рынка, в частности банковского сектора, внедрение ИИ обусловлено необходимостью персонализации финансовых продуктов; оптимизации банковских операций; улучшения качества обслуживания клиентов посредством чат-ботов и виртуальных помощников;

развития алгоритмической торговли (алготрейдинга); оптимизации процессов аналитики и прогнозирования; разработки системы управления рисками в реальном времени, в частности в целях обнаружения и предотвращения мошенничества и совершения иных незаконных финансовых операций.

Технологиям ИИ как инструментам в борьбе с финансовым мошенничеством государством отводится особая роль за счет использования их передовых возможностей для обнаружения, предотвращения и снижения мошеннических действий, а также выявления рисков и реагирования на подозрительную деятельность, охватываемую антиотмывочным законодательством (легализация (отмывание) преступных доходов, финансирование терроризма, финансирование распространения оружия массового уничтожения, финансирование экстремистской деятельности (далее – ОД/ФТ/ФРОМУ/ФЭД)).

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) при изучении потенциала новых технологий для снижения угроз ОД/ФТ оценивает построение механизма антиотмывочного контроля на основе искусственного интеллекта как мониторинг в режиме реального времени – «живой мониторинг», «осознанный контроль» над участниками финансового рынка [4], что, видится, также целесообразно и для функционирования антифрод-системы. Антифрод-система (фрод-мониторинг) в российском банковском секторе охватывает механизм противодействия совершению операций без добровольного согласия клиента (или с согласия, полученного путем обмана или злоупотребления доверием) [5, 6] и выдачи наличных денежных средств без добровольного согласия клиента с использованием банкоматов [7–9].

Трансформация системы нормативного регулирования в Российской Федерации для обеспечения возможности создания и применения технологий ИИ в банковском секторе, в частности в механизме борьбы с финансовым мошенничеством и подозрительной деятельностью, охватываемой антиотмывочным законодательством, происходит по модели риск-ориентированного и технологически нейтрального подхода к регулированию ИИ [10]. Указанная модель подразумевает фокус регулирования и надзора на соблюдении правил предоставления финансовых продуктов и услуг с учетом риск-профиля и системной значимости участника финансового рынка, независимо от применяемой им технологии.

Проявлением технологически нейтрального подхода к регулированию ИИ выступает внедрение концепции доверенного ИИ. На первый взгляд данная категория подразумевает формирование нового участника финансового рынка, уполномоченного на совершение определенных действий в банковском секторе в силу обладания специфическими знаниями о технологиях ИИ, но мегарегулятор финансо-

вого рынка определяет концепцию доверенного ИИ как набор принципов, соблюдение которых обеспечивает повышение доверия к ИИ со стороны граждан, бизнеса и государства [10]. Внедрение рассматриваемой концепции обусловлено необходимостью достижения доверия к технологиям ИИ со стороны участников финансового рынка, что стало результатом развития более ранних концепций – этического, благотворного, полезного и ответственного ИИ [11, с. 61]. Применение категории «доверие» к неодушевленным предметам (в данном случае технологиям ИИ) придает обозначенной проблеме технический, юридический и философско-мировоззренческий характер [11, с. 60–61; 12] и ставит под вопрос правомерность применения концепции доверенного ИИ в правовом поле.

На данный момент концепция доверенного ИИ находит свое развитие в актах «мягкого» регулирования со стороны международных организаций и финансовых регуляторов. Принципы доверенного ИИ в секторах отечественного финансового рынка Банк России закрепил в Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке [13]: человекоцентричность; справедливость; прозрачность; безопасность; надежность и эффективность; ответственное управление рисками. Указанные принципы распространены на следующих участников финансового рынка: кредитные организации; иностранные банки, осуществляющие деятельность на территории РФ через свои филиалы; некредитные финансовые организации; лиц, оказывающих профессиональные услуги на финансовом рынке; субъекты национальной платежной системы.

В свою очередь Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) совместно с Институтом системного программирования имени В.П. Иванникова Российской академии наук ведут работу над разработкой и внедрением цифровых технологий, в том числе интеллектуальным анализом больших данных с использованием технологий доверенного ИИ в области развития системы ПОД/ФТ/ФРОМУ [14].

Рассматривая технологии ИИ в аспекте борьбы с финансовым мошенничеством и подозрительной деятельностью, охватываемой антиотмывочным законодательством, следует упомянуть иной акт «мягкого» права – Основные принципы добросовестного поведения на финансовом рынке [15]. К основным принципам добросовестного поведения на финансовом рынке Банк России относит: честность; справедливость; прозрачность; забота; безопасность (защита); профессионализм; ответственность; целостность. Выработка и поддержание культуры добросовестного поведения выступает фундаментальным элементом формирования доверительной

среды при взаимодействии участников финансового рынка, что также подразумевает и концепция доверительного ИИ. В связи с чем потребуется соотношение отраженных принципов в обозначенных актах «мягкого» права Банка России для формирования единой концепции доверительной среды на финансовом рынке.

На данный момент потенциал российских кредитных организаций в части построения систем внутреннего контроля в области ПОД/ФТ/ФРОМУ/ФЭД и антифрод-систем на основе технологий ИИ оценивается следующим образом.

По данным Банка России, лидеры по внедрению технологий ИИ – компании страхового сектора и системно значимые кредитные организации (в банковском секторе 24 % из опрошенных 103 кредитных организаций активно применяют ИИ, еще 19 % тестируют пилотные проекты) [10]. В части построения механизма антиотмывочного контроля среди кредитных организаций, применяющих ИИ на постоянной основе или тестирующих пилотные проекты, 15 % используют ИИ, 26 % – планируют, 59 % – не планируют. В свободном доступе информация о практике применения кредитными организациями технологий ИИ в механизме ПОД/ФТ/ФРОМУ/ФЭД отсутствует, что подтверждено также анализом официальных сайтов крупнейших российских банков. По данным ФАТФ на 2021 г., процентное соотношение субъектов, использующих новые технологии в антиотмывочном контроле, следующее: 42 % – мультинациональные финансовые учреждения, 27 % – интернет-компании (ФинТех и другие), 23 % – розничные и коммерческие банки, 4 % – крупные технологические компании, 4 % – надзорные органы (государственный сектор) [4].

По версии авторитетного международного исследования [16] ПАО Сбербанк вошел в перечень лидеров мирового рынка генеративного искусственного интеллекта в банковском секторе. Российским банком внедрен универсальный интеллектуальный ассистент – ИИ-помощник «ГигаЧат», в части механизма борьбы с финансовым мошенничеством, позиционируемый как «умный помощник по кибербезопасности» [17]. Помимо просветительской функции в сфере повышения финансовой грамотности, ИИ-помощник вырабатывает рекомендации по защитным мерам, формирует политику и документы обеспечения кибербезопасности, в том числе на основе анализа кейсов как результатов расследования схем обмана и пр. Кроме того, ПАО Сбербанк задает тренд развития технологий ИИ в части внедрения AI-агента или агентской системы, обладающих повышенной степенью автономности, и формирования мультиагентной среды, при которой специализированные AI-агенты ориентированы на выполнение определенного круга задач [18].

ИИ охватывает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений и как инструмент борьбы с финансовым мошенничеством и подозрительной деятельностью по антиотмывочному законодательству должен включить в себя процессы отслеживания; обработки и анализа подозрительных операций и иной незаконной деятельности; оценки постоянной надлежащей проверки клиентов и клиентских рисков; выявления и обновления новых угроз.

В определенной мере модель «живого мониторинга», «осознанного контроля» над участниками финансового рынка отражена ФАТФ на примере использования машинного обучения как типа ИИ, предназначенного для обучения компьютерных систем на основании данных выявлять закономерности и принимать решения с минимальным вмешательством человека [4]. При рассматриваемой модели требуется систематизация материалов реальных дел, касающихся подтвержденных случаев ОД/ФТ/ФРОМУ/ФЭД, а не решений сотрудников комплаенс-служб финансовых организаций о достижении порога для обоснованных подозрений совершения незаконных финансовых операций во избежание дублирования подобных решений и умножения возможной ошибки. Иная модель завязана на мультиагентной среде, агентском типе ИИ, и при ее внедрении схема автоматизированного обнаружения и исследования подозрительной активности клиента финансовой организации выглядит следующим образом: первый ИИ-агент проводит анализ подозрительной транзакции, второй ИИ-агент – анализ клиентского профиля и истории транзакций, третий ИИ-агент – обобщает выводы и составляет отчет с рекомендациями для сотрудника финансовый организации [10].

Обе модели неизбежно столкнутся с общими сложностями внедрения технологий ИИ в банковский сектор: невозможность охвата всех слоев населения (в том числе в связи с ранее отмеченной проблемой доверия к ИИ); стоимость и сложность новых технологий; зависимость от внешних поставщиков; качество данных; режим регулирования; наличие специализированных ресурсов и квалифицированных сотрудников; риск дезинформации и мошенничества; риск нарушения конкуренции; риск нарушения прав потребителей и инвесторов, в том числе в части раскрытия большого объема персональных данных; проблема агентского ребрендинга (подмена агентских ИИ уже внедренными продуктами, не обладающими подобным уровнем зрелости и автономности).

Несмотря на обозначение Банком России технологически нейтрального подхода к регулированию ИИ, видится, что процесс внедрения концепции доверенного ИИ должен происходить

параллельно с процессом выработки «регулятивной песочницы», позволяющей участникам финансового рынка проводить тестирование инновационных продуктов, услуг и бизнес-моделей в условиях реального рынка. Проведенный анализ отчетной и статистической информации межправительственной организации ФАТФ и Банка России позволяет оценить технологии ИИ как потенциально эффективные инструменты борьбы с финансовым мошенничеством и подозрительной деятельностью, охватываемой антиотмывочным законодательством. Построение системы ПОД/ФТ/ФРОМУ/ФЭД и антифрод-системы кредитных организаций на основе ИИ обеспечит процесс формирования профиля клиента и поведенческого профиля финансовой организации в режиме реального времени, снижая количество непреднамеренной финансовой изоляции и преднамеренной в силу недобросовестного поведения. Для достижения ответственного использования новых технологий кредитными организациями и повышения результативности мер ПОД/ФТ/ФРОМУ/ФЭД управление рисками при разработке и применении ИИ должно быть согласовано с общей системой управления рисками и в дальнейшем отражено в качестве отдельной программы организации антиотмывочной системы в рамках положения Банка России от 18 июня 2025 г. № 860-П [19].

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.) (в ред. от 15 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700; 2024. № 8, ст. 1102.

2. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.» // СЗ РФ. 2020. № 35, ст. 5593.

3. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Официальный сайт Правительства России. URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 01.05.2026).

4. Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // Официальный сайт ФАТФ. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

5. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2011. № 27, ст. 3872; 2026. № 15, ст. 1853.

6. Приказ Банка России от 5 ноября 2025 г. № ОД-2506 «Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27 июня 2024 г. № ОД-1027» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 1996. № 6, ст. 492; 2026. № 15, ст. 1853.

8. Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2025. № 14, ст. 1574; 2025. № 31, ст. 4679.

9. Приказ Банка России от 7 августа 2025 г. № ОД-1765 «Об установлении признаков выдачи наличных денежных средств без добровольного согласия клиента с использованием банкоматов» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Доклад Банка России для общественных консультаций «Применение искусственного интеллекта на финансовом рынке: текущий статус и условия дальнейшего развития» // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/185193/Consultation_Paper_20112025.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

11. *Горман А.В.В.* Этапы формирования концепции доверенного искусственного интеллекта // Ценности и смыслы. 2024. № 2 (90). С. 54–63.

12. *Купрейченко А.Б.* Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: основание методического подхода // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2012. Вып. 4. С. 331–350.

13. Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/178667/code_09072025.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

14. Замглавы Росфинмониторинга: мы не можем остаться в стороне от использования ИИ и других технологий // Официальный сайт Росфинмониторинга. URL: https://www.fedsfm.ru/releases/9361 (дата обращения: 01.05.2026).

15. Методические рекомендации Банка России от 20 января 2025 г. № 1-МР «По применению основных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке» // Вестник Банка России. 2025. № 10.

16. Generative AI in Banking, Financial Services, and Insurance (BFSI) Market Report 2026 // Интернет-портал компании Research and Markets. URL: https://www.researchandmarkets.com/reports/6226293/generative-ai-in-banking-financial-services (дата обращения: 01.05.2026).

17. Умный помощник по кибербезопасности // Официальный сайт ПАО Сбербанк. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/umnyj-pomoshchnik-po-kiberbezopasnosti (дата обращения: 01.05.2026).

18. Разработка и применение мультиагентных систем в корпоративной среде // Официальный сайт ПАО Сбербанк. URL: https://cdn-app.sberdevices.ru/misc/0.0.0/assets/common/7e91b954_multi_agent_system_11.07.2025.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

19. Положение Банка России от 18 июня 2025 г. № 860-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации, филиала иностранного банка, через который иностранный банк осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и экстремистской деятельности» // Вестник Банка России. 2025. № 34.

Р.А. Осипов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории
государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

А.А. Лебедев,
обучающийся Института юстиции
Саратовской государственной
юридической академии

СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО КАК ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Несомненно, в каждой науке существует несколько базовых категорий, которые непосредственно относятся к предмету ее изучения. Они исследуются специалистами в опреленной области, которые прикладывают огромные усилия для их разработки, трактовки и изучения, вследствие чего и происходит становление и развитие той или иной науки. Если говорить о юридических науках, как отраслевых, будь то трудовое, семейное, гражданское, административное, муниципальное, конституционное и другие отрасли права, так и об общей теории права, таких категорий достаточно много. Одной из наиболее спорных и дискуссионных является категория субъективного права, поскольку она распространена абсолютно во всех отраслях права, что свидетельствует о ее огромной ценности не только для общей теории права, но и для правовой системы в целом, вследствие чего ее изучению следует уделять пристальное внимание.

Исследование субъективных прав стало весьма значимой проблематикой в западной философско-правовой мысли. К авторам, которые занимались ее изучением, можно отнести М. Вебера, А. Гамильтона, Р. Иеринга, И. Канта, Дж. Локка, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и многих других. В отечественной правовой науке данному феномену уделяли внимание такие корифеи права, как: С.С. Алексеев, В.М. Баранов, С.Н. Бра-

тусь, М.М. Ковалевский, А.В. Малько, Н.И. Матузов, С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.Е. Чиркин, Б.С. Эбзеев, Н.М. Коркунов и еще многие ученые-правоведы, но это не умаляет значение исследуемой в данной статье категории, т.к. однозначного понимания субъективного права выявить так и не удалось.

Рассуждая о субъективном праве, необходимо сформулировать определение права как явления, ведь без верного осмысления права в целом невозможно понять отдельные его аспекты и виды, будь то объективное или субъективное право. Наиболее верное и точное определение права, на наш взгляд, выдвигает сторонник нормативного правопонимания М.И. Байтин: «Право – это система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [1, с. 39].

Именно такая трактовка позволяет полностью выделить и обозначить ключевые признаки права и не допустить смешения понимания права в сравнении с другими правовыми явлениями и категориями, такими как правовая норма, правоотношение, правовая культура, правосознание, принципы права и т.д.

Перед анализом различных взглядов ученых на субъективное право стоит дать определение объективному праву, поскольку именно в сравнении, противопоставлении, исключении объективного и субъективного права можно выделить ключевые особенности последнего, а равно определиться с наиболее верной и точной дефиницией понятия субъективного права. В отношении категории объективного права споров в современной науке гораздо меньше, нежели чем в отношении категории субъективного права, что также подтверждает И.И. Радионов [2, с. 7].

По мнению классика Н.И. Матузова, «объективное право представляет из себя совокупность выраженных (внешне объективированных норм) в соответствующих актах государства (законы, кодексы, конституции, указы, постановления и т.д.)» [3, с. 130]. С этим определенно можно согласиться, поскольку объективное право само по себе и представляется как внешнее выражение норм права. Можно сказать, что разнообразные отрасли права: муниципальное, уголовное, земельное, административное, семейное, гражданское и т.д. и представляют из себя право объективное.

С субъективным правом все обстоит в разы сложнее, т.к. оно понимается разными учеными в порой совершенно разных обличиях, но все же нельзя не заметить и явных сходств в позициях различных правоведов. Н.И. Мату-

зов понимал под субъективным правом «систему прав, свобод и обязанностей граждан, закрепленных в действующем законодательстве или вытекающих из многочисленных правоотношений, а также присутствующих от рождения» [3, с. 130–131].

Весьма занимательное понимание субъективного права предлагается постклассической юридической наукой. По мнению И.Л. Честнова, «субъективное право представляется как реализация объективного права и деонтических возможностей (того, что разрешено, обязательно или запрещено) в юридически значимом поведении. В то же время субъективное право представляет собой процесс осмысления ситуации с позиций личностной мотивации (психического комплекса, включающего интериоризацию ценностей, цель, интересы, потребности, мотив)» [4, с. 28].

С приведенным пониманием субъективного права определенно следует согласиться в той части, что оно представляется как реализация объективного права. В свою очередь употребление термина «деонтические возможности» в данном ключе лишь усложняет и без того непростую для понимания тему соотношения субъективного и объективного права. Довольно спорным видится представление о субъективном праве лишь с позиций личностной мотивации, т.е. конкретных психических явлений. Субъективное право – более объемная правовая категория, которую невозможно охватить лишь сжатыми психологическими рамками.

Интересна позиция М.П. Караевой и С.Ф. Кечекьяна, предлагающих включить в содержание, а собственно, и в понятие субъективного права категорию «интерес». В понимании ученых «право в субъективном смысле немыслимо без цели (тем самым, без интереса), а где имеется цель, там необходимо предполагается и воля, способная ставить цели и подбирать для них средства» [5, с. 22].

Подобная интерпретация субъективного права и дополнение его содержания категорией «интерес» кажется нам ошибочным, ведь основания и цели самого явления не могут быть в то же время и содержанием данного явления.

Ряд ученых вообще отрицает роль субъективного права как такового. К ним можно отнести известного немецкого правоведа Ганса Кельзена. Он полагал, что всеобъемлющая теория права страдает двойственным способом мышления, который применяется чаще всего именно в дифференциации объективного и субъективного права. Ученый утверждал, что субъективное право по своему содержанию видится как отражение обязанности, т.е. «образуется некая видимость двух юридически релевантных положений дел [права и обязанности] там, где реально наличествует лишь одно [обязанность]» [6, с. 165].

В теории Г. Кельзена можно выделить некоторую неточность, а именно возможность распоряжения. В.В. Трофимов и С.Г. Вартанян отмечают: «Независимо от того, как репродуцируются обязанности, ими неосуществимо в полной мере проиллюстрировать возможность пользования правами управомоченного лица, ведь таковая возможность есть область исключительно его выбора, от которого зависит возникновение, преображение или завершение тех или иных правоотношений» [7, с. 521].

Весьма интересна позиция представителя реалистической школы права Рудольфа фон Иеринга, который определил цель объективного права как обеспечение интереса, а субъективное право представляется юридически защищенным интересом [8, с. 30].

Как нам кажется, именно Рудольф фон Иеринг заложил основу понимания субъективного права, на которой зиждется большинство теорий, выдвигаемых другими правоведами касаемо субъективного права, но все же субъективное право невозможно сводить к одному лишь интересу, а объективное в свою очередь лишь к обеспечению интереса, ведь данные категории гораздо объемнее и включают в себя более широкий спектр юридических явлений.

Стоит выделить мнение М.М. Агаркова, полагавшего, что «субъективное право представляется как закрепленная за лицом возможность привести в действие госаппарат для принятия мер принуждения в отношении обязанного лица в случае неисполнения последним своей обязанности» [9, с. 42]. Данная дефиниция субъективного права представляется весьма спорной, поскольку оно сохраняется не только тогда, когда наличествует невыполнение обязанностей. При отсутствии отдельного закрепленного субъективного права на исполнение определенного действия в пользу того или иного лица обязанность и не сможет возникнуть. Так, в случае передачи продавцом вещи по договору купли-продажи он, вероятнее всего, выполняет это действие вследствие того, что у покупателя возникло право истребования этой вещи, а не ввиду иной выдуманной причины [10, с. 296].

Осветив чуть выше некоторые положения теории Г. Кельзена и М.М. Агаркова, которые полагали, что субъективное право является лишь отражением обязанности, нельзя не обратиться к сущности юридической обязанности и к тому, почему именно ошибочно выставлять ее на передний план в сравнении с субъективным правом.

По мнению А.Г. Репьева, «юридическая обязанность – это вид и мера правомерного и дозволенного поведения в обществе, с чем невозможно не согласиться» [11, с. 35]. Кроме того, ученый выделяет ряд признаков, которые позволяют сделать вывод о том, что юридическая обязанность пред-

ставляется очень фундаментальной правовой категорией:

1) «обязанности являются основополагающим элементом правового статуса личности;

2) посредством обязанностей раскрывается содержание правомерного поведения и правонарушения;

3) представляют собой средство процесса реализации права;

4) занимают ключевое место в механизме правового регулирования;

5) является важным элементом юридической ответственности» [11, с. 35].

С.О. Завьялов, А.В. Царегородцев, Л.Д. Дмитриев и Н.Б. Игнатова полагают, что «выполнение обязанности соблюдается воздействием отдельных мер ответственности. Таким образом, лицо, отказавшееся выполнять определенные юридические обязанности, будет подвергнуто санкциям не только от государства, но и со стороны общества. Именно этот признак в полной мере раскрывает содержание юридической обязанности: лицо обязано и должно совершать определенные действия, а также вести себя в порядке, установленном законом» [12, с. 34].

Необходимо выделить интерпретацию субъективного права А.В. Погодина, утверждающего, что «субъективное право не существует само по себе в чистом виде. Оно всегда интегрировано, включено в ситуационное право: вместе с другими элементами (обязанностями, запретами и ограничениями, процедурой, сроками и правовой формой) субъективное право способно эффективно регулировать конкретную правореализационную ситуацию и возникающие в ее пределе конкретные правоотношения» [13, с. 10].

По мнению автора, «ситуационное же право представляется как не облеченное в форму юридического документа, то есть его можно обозначить с помощью терминологической конструкции “когнитивное ситуационное право”, ибо процесс его формирования протекает в правосознании субъекта-правореализатора в виде интеллектуально-эмоционально программируемой и пригодной для выполнения модели поведения в простой правореализационной ситуации» [13, с. 10].

Согласимся с А.В. Погодиным в том, что субъективное право не существует отдельно, но, как нам представляется, введение понятия «ситуационное право» лишь усложняет понимание субъективного права и стоит сформулировать следующее определение, которое тоже не может быть верным в полной мере, но отчасти может выразить истинную сущность данного понятия. По нашему мнению, стоит заменить категорию «ситуационное право» на знакомое и доступное «объективное», т.к. субъективное право включено именно в объективное вместе с другими элементами: сроками и формой права, обязанностями и запретами субъектов, которые, собственно, и выделяет А.В. Погодин.

Хотелось бы затронуть весьма спорную позицию И.В. Упорова, касающуюся соотношения естественных и субъективных прав. Ученый утверждает, что субъективные права по своему содержанию являются естественными. Данное высказывание подтверждается рядом выведенных им признаков естественных прав: возникновение с момента рождения; неотчуждаемость (неотъемлемость); выражение наиболее существенных возможностей развития человека; непосредственный и объективный характер реализации [14, с. 419].

Нельзя не согласиться с тем, что субъективные права имеют непосредственный характер реализации и являются неотчуждаемыми, а также выражают наиболее существенные возможности развития человека, но согласиться с тем, что субъективные права всегда возникают с момента рождения, весьма трудно. Отдельные субъективные права: право на свободу и личную неприкосновенность или право на жизнь возникают с момента рождения, в свою очередь право авторства на имя или право неприкосновенности произведения возникают лишь с момента создания произведения, но тем не менее данные права также являются субъективными. Так, отождествление естественных и субъективных прав человека представляется нам неверным.

Обратимся к мнению И.И. Радионова, который предложил следующее определение субъективного права: «как меру разрешенного государством поведения в обществе и одновременно меру свободного социального бытия индивида» [2, с. 10]. Ученый утверждает, что субъективное право субъективно вследствие того, что объединено с субъектом, а также зависит от его воли и сознания.

Опровергать логичную связь субъекта с принадлежащим ему субъективным правом бессмысленно, но взаимосвязь субъективного права с волей и сознанием в некотором роде представляется спорным моментом. Ярко это прослеживается на примере такой категории лиц, как малолетние и полностью недееспособные лица, находящиеся под опекой. Наличие субъективных прав у данных лиц не отрицается и уж тем более не ставится под вопрос, но в данном случае эти права, как нам представляется, весьма в малой степени зависят от воли и сознания данных субъектов, а иногда и вообще не зависят. На примере тех же субъективных прав на свободу и личную неприкосновенность и жизнь ярко прослеживается независимость наличия и соблюдения субъективного права лица, но вследствие его малолетства или недееспособности не зависит от его воли и сознания полностью или частично. Выводя определение понятия «субъективное право», необходимо учитывать эти исключения.

Стоит выдвинуть предложение о создании классификации, которая наиболее полно отражает затронутые позиции о том, что субъективное право интегрировано в объективное. Так,

можно выделить следующие виды субъективных прав:

1) субъективные права, вытекающие из конституционного права:

право на свободу и личную неприкосновенность, под которым понимается использование человеком своих прав, принадлежащих именно ему, свободно, а значит, без затруднений какого-либо типа. В свою очередь под правом на личную неприкосновенность понимается определенная привилегия лица, которая нацелена на обеспечение безопасности субъекта от противозаконных посягательств, которые направлены на принижение или утрату личностных свойств или качеств человека, с предполагаемой потенциальной возможностью дальнейшей защиты [15, с. 51];

право на жизнь;

право на достоинство личности, под которым понимается то, что никто не может и не должен претерпевать пытки или иное жестокое обращение или наказание, ущемляющее и умаляющее человеческое достоинство и т.д.;

2) субъективные права, вытекающие из гражданского права:

право авторства на имя и право автора на имя, под которым понимается право использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени;

право покупателя по договору купли-продажи истребовать передачи товара, за который была произведена оплата;

право неприкосновенности произведения, под которым имеется в виду недопущение без согласия автора внесения в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями и т.д.;

3) субъективные права, вытекающие из трудового права:

предоставление работы, установленной трудовым договором;

заключение, изменение и расторжение трудового договора в порядке и на условиях, которые установлены Трудовым кодексом РФ, иными федеральными законами;

объединение, включая право на создание профессиональных союзов и вступление в них для защиты своих трудовых прав, свобод и законных интересов и т.д.

Именно эта классификация ярко подтверждает тезис о том, что субъективное право непосредственно вытекает из объективного, хотя и не является исчерпывающей.

Проанализировав различные позиции известнейших правоведов, можно согласиться с наиболее характерными признаками субъективных прав, обозначенными К.Ю. Филипсон:

а) субъективное право возникает на основании норм объективного права, то есть является его содержанием;

б) субъективное право устанавливается в целях удовлетворения и обе-

спечения интересов субъекта права, государства и общества в целом;

в) субъективное право является формой реализации объективного права;

г) субъективное право возникает на основании конкретных юридических фактов и может осуществляться только в пределах конкретных правоотношений;

д) субъективное право представляет собой конкретную индивидуализированную меру возможного и дозволенного поведения;

е) субъективное право осуществляется только по воле управомоченного лица и в его интересах;

ж) реализация субъективного права возможна только при наличии корреспондирующей им определенной юридической обязанности другого субъекта, которая гарантирует и обеспечивает их осуществление;

з) осуществление субъективных прав обеспечивается и гарантируется государством [16, с. 163].

Следует дополнить приведенную классификацию несколькими признаками, такими как осуществление субъективного права по воле уполномоченного лица в его интересах. Как указывалось выше, существует ряд исключений, касающихся воли и сознания субъекта при использовании его субъективного права, без уточнения которых нельзя обойтись.

На основании выведенных существенных признаков субъективного права в заключение приведем собственное определение понятия «субъективное право», которое, как нам представляется, будет наиболее полным и отражающим истинную сущность и содержание данного явления.

Субъективное право – это стремление какого-либо субъекта получить или защитить что-либо, принимающееся им за благо, которое интегрировано в объективное право, признаваемое и санкционированное государством в действующем законодательстве, содействующее субъекту в этом стремлении или не препятствующее субъекту в осуществлении его конкретного желания и указывающее обстоятельства, при возникновении которых государство перестает признавать это право субъекта в полной мере или частично, постоянно или временно.

Данное определение не претендует быть единственно верным, но, на наш взгляд, именно оно наиболее полно отражает специфику и значение данной правовой категории.

Подводя итог, отметим, что субъективное право представляется весьма значимой и неотъемлемой правовой категорией, которая в свою очередь не могла бы существовать в отрыве от объективного права. Несомненно, она является весьма спорной, не нашедшей единого понимания в научном сообществе правовой категорией, о чем может свидетельствовать количество работ, посвященных данной тематике, но в то же время не утратившей актуальности и требующей более углубленного и полного изучения.

Библиографический список

1. *Байтин М.И.* Сущность права: современное нормативное правопонимание на грани двух веков. 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. 544 с.

2. *Радионов И.И.* Субъективное право: гносеологический аспект // Право и практика. 2023. № 4. С. 7–12.

3. *Матузов Н.И.* О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 4 (227). С. 129–143.

4. *Честнов И.Л.* Субъективное право в постклассической юридической науке // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 2. С. 27–30.

5. *Караева М.П., Кечекьян С.Ф.* О социалистических правоотношениях: тезисы докладов. М.: [б.и.], 1956. 28 с.

6. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 540 с.

7. *Трофимов В.В., Вартанян С.Г.* Относительные субъективные права как характерная форма жизненного преломления объективного права: опыт обоснования // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48, № 3. С. 518–528.

8. *Мызников А.А.* Правовые категории «субъективное право» и «законные интересы» в современной теории государства и права // Общество и право. 2006. № 3 (13). С. 28–32.

9. *Агарков М.М.* Понятие сделки по соседскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 41–55.

10. *Живов Т.А.* О понятии субъективного права // Science Time. 2016. № 4 (28). С. 294–298.

11. *Репьев А.Г.* Идеология воспитания несовершеннолетних, основанная на преимущественной обязанности родителей: теория и практика // Правовая культура и правовая идеология российского общества: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В.М. Курицына (Москва, 22–23 декабря 2020 г.). М.: Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2021. С. 35–40.

12. *Завьялов С.О., Царегородцев А.В., Дмитриев Л.Д., Игнатова Н.Б.* Особенности субъективных прав и юридических обязанностей в теории государства и права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-3 (68). С. 32–35.

13. *Погодин А.В.* Субъективное право в правореализации не существует в чистом виде // Право и государство: теория и практика. 2015. № 10 (130). С. 10–12.

14. *Упоров И.В.* Признаки естественных прав человека как разновидности субъективных прав // Теория и практика современной науки. 2016. № 2 (8). С. 415–420.

15. *Лебедев А.А.* Конституционное право на свободу и личную неприкосновенность в современной России // Традиции и новации в сфере обеспечения законности и правопорядка: сб. тез. докл. по матер. XIII Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (Саратов, 17 марта 2023 г.) / [ред.-сост.: Е.С. Лебедева, М.М. Лапунин]. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. С. 50–51.

16. *Филипсон К.Ю.* Общая характеристика и особенности субъективного права // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 154–163.

А.Б. Смушкин,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики,
руководитель НОЛ «Лаборатория
высокотехнологичной криминалистики»
Института правотворчества
и правового прогнозирования
Саратовской государственной
юридической академии

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ И ЭКОСИСТЕМ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

В настоящее время почти весь мир движется по пути развития цифровых платформ уголовного судопроизводства. Для определения оптимальных путей организации цифровых платформ правоохранительных органов в России необходимо компаративистское исследование применения платформ и экосистем в отдельных зарубежных странах по следующим критериям: архитектурно-организационный (уровень централизации), функционально-процессуальный (охват стадий уголовного процесса), технологический базис, доступность и прозрачность, уровень зрелости внедрения.

В ходе компаративистского исследования нами предполагается охват нескольких правовых семей: англосаксонской, континентальной и постсоветской, что позволит сравнивать не только технологии, но и их адаптацию к различным правовым моделям. Для исследования выбраны как страны-лидеры в области внедрения цифровых технологий, так и демонстрирующие осторожный путь внедрения, а также некоторые страны постсоветского пространства, совершившие резкий «цифровой скачок», что дает возможность рассматривать разные траектории развития.

Что касается платформ судопроизводства, в США использован фактически «облачный» принцип. США активно используют идею прикладных платформ (например, для анализа Больших данных). Одной

из наиболее результативных является созданная в Нью-Йорке платформа Domain Awareness System. Функционал данной платформы в ходе анализа больших данных различного происхождения позволяет превращать их в полезную информацию для полицейских. Используются также платформы, сканирующие новости, публичную переписку и иные открытые данные, например Zencity. В Чикаго действует система криминального анализа в реальном времени – Real-time Intelligence Crime Analytics System (RICAS), основанная на принципе мультиплатформности. Она связывает географическое положение, время, события и лица в едином визуальном пространстве [1, с. 29]. В штате Юта по инициативе полиции г. Солт-Лейк-Сити совместно с ФБР внедрена инициатива «Родник» – разработана и действует единая платформа противодействия киберпреступности. При этом информационно-оперативный центр один, но используется он каждой правоохранительной структурой по-разному [1, с. 54].

По данным Л.Н. Масленниковой, «автоматизированные электронные системы уголовной юстиции США можно структурировать на три группы: 1) созданные для регулирования процессуальной деятельности суда; 2) созданные для осуществления предварительного расследования, использование которых ограничено сотрудниками правоохранительных органов; 3) созданные для комплексного регулирования судебной деятельности и других субъектов уголовной юстиции США» [2, с. 60].

Каждый из федеральных судов страны имеет собственный сервер. Само управление системами также имеет децентрализованный характер. Однако, как отмечается, существуют и общие системы открытого доступа – Public Access to Court Electronic Records (PACER, судебные электронные записи) и Case Management / Electronic Case Files (CM/ECF, для подачи документов в суды), куда суды штатов загружают свои данные в определенном формате [3, с. 36–37]. Первая система предназначена для получения в первую очередь доступа к уголовным делам, причем она функционирует на коммерческой основе. Вторая система функционирует для ведения дел и электронной подачи судебных документов. При этом многие штаты разработали и внедрили свои системы на основе этих двух общих платформ.

В США можно отметить реализацию платформенного принципа в основном на этапе уже судебного разбирательства. На наш взгляд, узкоспециализированные платформы досудебного этапа не дают возможности полностью реализовать потенциал платформизации. Не оспаривая результативность такого решения, отметим лишь, что синергетический эффект может возникнуть именно при комплексном анализе и бесшовной коммуникации правоохранительных органов,

который возможен лишь на платформах широкого функционала.

В Канаде запущена информационно-технологическая система электронного правосудия eJust System, которую в принципе можно назвать цифровой платформой правосудия. Система управляет движением уголовных дел, обеспечивает эффективный обмен информацией между полицией и прокуратурой, автоматизирует процессы накопления и раскрытия информации, производства и администрирования, получает данные предварительного расследования из любой системы управления полицейскими записями, создает выходные данные раскрытия преступления для судебного преследования, имеет модуль производства повесток, позволяет распечатывать любые документы, предоставляет авторизированным пользователям доступ к уголовным делам, находящимся в производстве или переданным в суд. Фактически, канадская eJust System представляет предтечу общей цифровой экосистемы правоохранительных органов, к появлению которой, как мы полагаем, приведет эволюция ведомственных цифровых платформ.

В Великобритании разработана и действует общая цифровая платформа полиции, прокуратуры и суда CommonPlatform, формирующая общие цифровые компоненты противодействия преступности и единый способ «цифровой работы» всех участвующих в уголовном судопроизводстве субъектов. Как отмечалось на сайте разъяснения программы реформирования, «основная цифровая платформа Common Platform включает в себя рассмотрение дел HMCTS, проведение слушаний и создание минимально жизнеспособного продукта; оптимизацию рассмотрения дел HMCTS (включая продвижение дела, подачу и распределение ходатайств в режиме онлайн); рассмотрение дел CPS и общих дел» [4]. Кроме того, в Великобритании действует цифровая платформа для адвокатов Common Platform: registration for defense professionals [5].

Таким образом, спецификой платформизации стран англосаксонской модели можно назвать облачные платформы, акцент на аналитику, мультиагентное взаимодействие и коммерциализацию публичного доступа.

В странах континентальной системы реализация платформ электронного правосудия находится на различном уровне развития.

В Финляндии сложилась единая система, в которой все движение уголовного дела осуществляется в электронном формате на различных платформах. В эту систему включены практически все судебные округа, апелляционные суды, Верховный суд Финляндии, значительная часть пенитенциарных учреждений, органы криминальной полиции, прокуратуры, пенитенциарные суды, судебные приставы [6].

Однако не все так гладко с европейским внедрением цифровых платформ правоохранительных органов.

Германия пошла по пути создания единой информационной системы уголовного судопроизводства [7, с. 113], не воплощая полностью концепции цифровых платформ. Вместе с тем приложение DE-MAIL, с помощью которого связываются участники уголовного судопроизводства, некоторыми авторами расценивается как цифровая платформа: «С технологической точки зрения DE-MAIL представляет собой цифровую платформу не только для приема, хранения и обращения электронных документов, но и для аутентификации пользователей и шифрования отправляемых сообщений» [8, с. 115]. На аналогичных принципах основана и Австрийская система ELAK (Der elektronische Akt).

В этих странах сделан акцент на безопасности электронного документооборота, пусть и в ущерб широте функциональных возможностей систем.

В Швейцарии не существует единого центра обработки данных или сервиса электронного документооборота [7, с. 138].

Во Франции на 2023 г. была только запущена система электронного документооборота PORTALIS, а технологии системы электронного уголовного дела PPN Lab только в 2019 г. прошли тестирование в нескольких округах [9, с. 91] и на момент написания данного текста только начинают внедряться.

Континентальная модель демонстрирует крайнюю осторожность внедрения платформенного принципа организации систем правоохранительных органов.

Наиболее широко концепция платформизации уголовного судопроизводства реализуется в Китайской Народной Республике. В Китае разработана и функционирует платформа приема, учета и обработки заявлений о преступлениях cyberpolice. Кроме того, Верховная народная прокуратура КНР в рамках платформы «Интернет + предварительное следствие» (互联网+侦查) специализируется на расследовании экономических преступлений и реализует только часть процессуальных мероприятий [10]. При этом среди китайских ученых достаточно давно признается мнение о необходимости создания «платформы расследования уголовных дел, основанной на современном программном обеспечении, которая будет призвана автоматизировать и роботизировать действия органов расследования по собиранию и приобщению электронной доказательственной информации» [10].

А.Ф. Реховский приводит в пример китайскую «Систему 206», объединившую четыре информационных платформы: базу данных открытых судебных решений и три веб-сайта, на которых размещена информация о судебном процессе, информация об исполнении судебных решений и прямая трансляция судебных слу-

шаний на всех уровнях в режиме реального времени. Эта система в ходе судебного заседания может выполнять интеллектуальные функции, связанные с делопроизводством (распознавание речи, захват информации, отображение доказательств [11, с. 69–70].

Для информирования участников и проведения онлайн-судебных заседаний применяется мессенджер WeChat. Технологии искусственного интеллекта активно используются для анализа больших данных, предлагая для справки архивные дела аналогичного характера и вырабатывая рекомендации по решению. При этом судья не связан решением интеллектуальной системы, но обязан обосновать его неприменение.

Кроме того, авторы монографии «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов» указывают на существование следующих платформ в сфере китайского судопроизводства:

«1. Китайская онлайн-сеть по раскрытию информации о судебном процессе – China Judical Process Information Online (splcgk.court.gov.cn).

2. Китайская сеть открытых трансляций – China Court Trial Online (tingshen.court.gov.cn). По состоянию на 20.03.2021 более 12 млн трансляций и более 35 млрд посетителей с момента запуска веб-сайта в 2016 г., а судов, которые это могут делать, более трех с половиной тысяч. Подобная система должна внедряться с осторожностью, чтобы защитить частную жизнь людей и конфиденциальную деловую информацию.

3. Китайская сеть судебных документов – China Judgment Online (wenshu.court.gov.cn). На 26.03.2021 общее количество посещений более 58 млрд, а документов более 117 млн.

4. Китайская сеть исполнительного производства – China Enforcement Information Online (zxgk.court.gov.cn)» [3, с. 46].

Особенностью китайской платформизации правоохранительной деятельности является активное применение облачных технологий, что только еще внедряется в России. Китай активно использует новейшие технологии, в уголовном судопроизводстве. Кроме облачных технологий, используются предиктивные алгоритмы и ИИ-рекомендации, что смещает акцент с ретроспективной фиксации на проактивное управление. При этом обязательно сохраняется принцип «человек в цепочке принятия решений», что подчеркивает процессуальную самостоятельность и руководящую роль следователя/судьи.

В Сингапуре в судопроизводстве активно используются государственные и негосударственные неспециализированные цифровые платформы и технологии в сфере искусственного интеллекта.

Таким образом, для азиатской модели характерно государственное

лидерство при сотрудничестве с коммерческими структурами, а также активное использование искусственного интеллекта. Подобный опыт представляется вполне реализуемым и в отечественных условиях.

Из стран СНГ, пожалуй, именно в Казахстане на всех уровнях (этапах) судопроизводства наиболее широко развита электронная система взаимодействия. В 2011–2012 гг. в Казахстане была внедрена электронная регистрация всех заявлений и сообщений о преступлениях (КУЗ). С 2015 г. заработал Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР) [12, с. 121]. Фактически реализуется концепция электронного уголовного дела. Разработана и принята к использованию система информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов [13].

В судах Казахстана функционирует единая автоматизированная информационно-аналитическая система «Төрелік», включающая в себя сервис «Судебный кабинет», систему аудио- и видеофиксации, электронный архив судебных документов, внутренний портал, кадровую систему, интернет-ресурсы судов, call-центр, ознакомление с судебными документами и систему оповещения участников судебного процесса посредством отправки SMS-сообщений и электронной почты [14]. Анализируя системы Казахстана, можно отметить, что по своей инфраструктуре и функционалу они являются именно цифровыми порталами и не имеют аналитического функционала.

В Азербайджанской Республике в 2024 г. уголовное судопроизводство страны вновь пошло по пути модернизации, усовершенствовав ИС «Электронный суд», создав единую централизованную платформу, обеспечивающую оцифровку производства по гражданским, административным и уголовным делам – E-Justice («Электронное правосудие») для облегчения доступа к правосудию [15, с. 75]. При этом аналогично американскому подходу можно отметить недостаточность досудебных цифровых платформ.

Таким образом, платформенная организация электронного судопроизводства в формате электронного уголовного дела свойственна многим развитым странам мира. Каждая выбранная юрисдикция иллюстрирует конкретный технологический подход: использование облачных сервисов (США), единой экосистемы (Великобритания), ИИ+открытость (Китай), безопасный электронный документооборот (Германия/Австрия), сквозная электронизация досудебной и судебной стадий (Казахстан).

Даже некоторые страны бывшего СССР продвинулись в направлении цифровой трансформации уголовного судопроизводства заметно дальше России. При этом один из наиболее важных вопросов применения цифровых платформ – идентификации и аутентификации невластных субъектов уголовного судопроизводства, решается в разных

странах по-разному. Так, по данным Т.А. Топилиной, в Дании, Южной Корее, Швеции, Финляндии, Сингапуре, США, Нидерландах, Норвегии, Люксембурге, Исландии, ОАЭ, Португалии, Словении, Казахстане, Австрии, Израиле предусмотрена обязательная идентификация и аутентификация [16, с. 141].

Опыт соседей по СНГ для нас важен и более оперативно реализуем в силу схожих правовых и административных традиций. Однако американский, азиатский и европейский подход могут во многом обогатить российскую систему: активным использованием облачных сервисов (США), искусственного интеллекта (Сингапур, Китай), высокоуровневым обеспечением безопасности электронного документооборота (ФРГ и другие европейские страны).

Подводя итог, можно констатировать тренд на конвергенцию ведомственных автоматических информационных систем в единые цифровые экосистемы с интеграцией ИИ, облачных вычислений и обязательной аутентификацией, объединяющие полицию, прокуратуру, суды и пенитенциарную систему в едином цифровом контуре с автоматизированным движением дела.

Библиографический список

1. *Жданов Ю., Овчинский В.* Полиция будущего. М., 2018. 166 с.
2. *Масленникова Л.Н.* Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 52–65.
3. Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов. Ч. 2: монография / кол. авторов; под ред. С.Ф. Афанасьева, В.Ф. Борисовой. М.: Русайнс, 2022. 146 с.
4. Guidance. HMCTS reform programme projects explained // GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/guidance/hmcts-reform-programme-projects-explained (дата обращения: 01.04.2026).
5. HMCTS Common Platform: registration for defence professionals // GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/guidance/hmcts-common-platform-registration-fordefence-professionals#contents (дата обращения: 14.04.2026).
6. *Duizend R.V.* Guidelines for State Trial Courts Regarding Discovery of Electronically-Stored Information // Materials of Conference of Chief Justices. Washington D.C., 2006. URL: https://ncsc.contentdm.oclc.org/digital/collection/civil/id/56/ (дата обращения: 11.04.2026).
7. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография / под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2020. 215 с.
8. *Малыгин К.В.* Использование электронных документов в уголовном процессе России и зарубежных стран: дис. … канд. юрид. наук. Пермь, 2024. 303 с.
9. *Шестакова Л.А.* Цифровизация уголовного судопроизводства отдельных стран континентальной Европы // Основы экономики, управления и права. 2023. № 1 (36). С. 89–93.
10. Платформа «Интернет + расследование» и инвестиционное поведение // Ifeng.com. URL: http://news.ifeng.com/a/20160226/47592375_0.shtml (дата обращения: 14.03.2026).
11. *Реховский А.Ф.* Использование искусственного интеллекта в уголовном процессе Китая // Технологии XXI века в юриспруденции: матер. III междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.В. Бахтеев. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. ун-та, 2021. С. 69–77.

12. *Зуев С.В.* Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 118–123.

13. Об утверждении Правил использования системы информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов // Казахстанская правда. 2016. 21 июля.

14. *Жансултанова Э.К.* Информационные технологии в судах Республики Казахстан // Портал Zakon.kz. URL: https://www.zakon.kz/4861875-informacionnye-tekhnologii-v-sudakh.html (дата обращения: 21.04.2026).

15. Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография / под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2025. 312 с.

16. *Топилина Т.А.* Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 285 с.

Д.В. Хвостиков,
аспирант кафедры административного
и муниципального права имени профессора
Василия Михайловича Манохина
Саратовской государственной
юридической академии

ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ: ЦЕЛИ ВНЕДРЕНИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Развитие цифровых технологий и автоматизации производственных процессов оказывает существенное влияние на агропромышленный комплекс, который традиционно рассматривается как одна из базовых отраслей экономики и элемент обеспечения продовольственной безопасности государства. В условиях дефицита трудовых ресурсов, сезонности сельскохозяйственных работ, а также территориальной разобщенности производственных объектов особое значение приобретает использование высокоавтоматизированных транспортных средств (далее – ВАТС), способных выполнять функции передвижения, перевозки и технологического обслуживания с минимальным участием человека либо без него. С точки зрения теории публичного управления внедрение ВАТС в агропромышленном комплексе следует рассматривать как элемент технологической модернизации, направленный на повышение управляемости, устойчивости и прогнозируемости производственных процессов.

В отличие от классического дорожного транспорта, использование ВАТС в агропромышленном комплексе осуществляется преимущественно в ограниченной или контролируемой среде – на сельскохозяйственных

угодьях, внутри производственных комплексов, на складских и логистических объектах. Вместе с тем активное внедрение высокоавтоматизированных транспортных средств в агропромышленном комплексе сопровождается отсутствием системного административно-правового регулирования, что формирует зону нормативной неопределенности и требует научного осмысления с позиций теории публичного управления и административного права.

Внедрение ВАТС в агропромышленном комплексе носит многоцелевой характер и обусловлено совокупностью экономических, организационных и социальных факторов. Одной из ключевых целей является повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Высокоавтоматизированные транспортные средства позволяют выполнять агротехнические операции с высокой точностью, обеспечивая рациональное использование топлива, удобрений и иных ресурсов. Практика показывает, что автономные тракторы и самоходные машины способны работать в круглосуточном режиме, что особенно важно в период сезонных полевых работ.

Существенной целью внедрения ВАТС также выступает снижение зависимости от человеческого фактора. В условиях устойчивого дефицита квалифицированных кадров в сельской местности автономные транспортные решения рассматриваются как инструмент компенсации нехватки рабочей силы и повышения устойчивости производственных процессов. Использование ВАТС направлено и на повышение уровня безопасности и снижение производственных рисков, т.к. исключение человека из опасных и монотонных операций снижает вероятность травматизма, а применение систем автоматического контроля позволяет минимизировать технологические ошибки.

Немаловажно, что внедрение ВАТС в АПК соответствует стратегическим задачам цифровизации сельского хозяйства, интеграции аграрного сектора в национальные программы цифровой экономики и развития «умных» производственных систем [1, 2].

В Российской Федерации практика применения высокоавтоматизированных транспортных средств в агропромышленном комплексе развивается высокими темпами. Как было отмечено в Министерстве сельского хозяйства РФ, «на сегодняшний день в России используется более 15 тысяч единиц техники с элементами автопилотирования. Беспилотные машины точнее обрабатывают землю, экономят топливо и удобрения, снижают потребность в механизаторах и повышают общую производительность» [3]. В данном случае использование ВАТС в агропромышленном комплексе рассматривается как совокупность организационно-технических и правовых действий, направленных на эксплуатацию автономной техники в процессе сельскохозяйственного производства, логистики

и обслуживания производственной инфраструктуры, преимущественно вне дорог общего пользования.

К наиболее распространенным направлениям использования ВАТС относятся [4]: автономные тракторы и сельскохозяйственные машины для обработки почвы, посева и уборки урожая; беспилотные транспортные платформы для перевозки продукции и сырья внутри сельскохозяйственных предприятий; роботизированные средства для обслуживания животноводческих комплексов и логистических операций.

Примером практической апробации является использование автономных тракторов и роботизированной техники в крупных агрохолдингах, где такие средства эксплуатируются на закрытых территориях без выхода на дороги общего пользования. Так, Группа компаний «Русагро» в ряде регионов Центрального федерального округа использует элементы автономного управления сельскохозяйственной техникой в рамках концепции точного земледелия. Речь идет о тракторах и самоходных машинах, оснащенных системами автоматического рулевого управления, спутниковой навигации (ГЛОНАСС/GPS) и программным обеспечением для выполнения операций без постоянного участия механизатора [5]. Эксплуатация такой техники осуществляется на землях сельскохозяйственного назначения, что выводит ее за рамки действия Правил дорожного движения и снижает уровень административно-правовых ограничений.

Агрохолдинг «Мираторг» применяет автоматизированные и полуавтономные транспортные средства в логистических процессах, включая перемещение кормов, сельскохозяйственного сырья и продукции внутри производственных комплексов [6]. Используемые решения предполагают дистанционный контроль со стороны оператора и автоматическое выполнение маршрутов на закрытых территориях. С правовой точки зрения такие транспортные средства занимают промежуточное положение между промышленными роботами и транспортными средствами, что на практике порождает неопределенность в вопросах сертификации и административного контроля.

Отдельного внимания заслуживает практика внедрения ВАТС в отдельных субъектах РФ, где органы исполнительной власти активно поддерживают цифровизацию агропромышленного комплекса. Например, в Республике Татарстан реализуются проекты по использованию автономных тракторов и роботизированной сельскохозяйственной техники в сотрудничестве с отечественными разработчиками [7]. На базе крупных сельскохозяйственных предприятий апробируются решения, позволяющие выполнять полный цикл полевых работ с минимальным участием че-

ловека. Эксплуатация таких средств осуществляется в рамках внутренних регламентов хозяйств и под ведомственным контролем, что фактически формирует локальные модели правового регулирования без их нормативного закрепления.

В Белгородской области – одного из лидеров аграрного производства – широко применяются автоматизированные транспортные средства для обработки почвы и внесения удобрений [8]. Используемые ВАТС интегрированы в цифровые платформы мониторинга, что позволяет в режиме реального времени контролировать их работу. При этом вопросы ответственности за возможный вред, причиненный автономной техникой, решаются в договорном порядке, без привлечения механизмов административной ответственности, что свидетельствует о пробеле в публично-правовом регулировании.

Важную роль в формировании практики использования ВАТС в АПК также играют отечественные технологические компании, разрабатывающие автономные и высокоавтоматизированные решения для сельского хозяйства. Так, компания Cognitive Pilot (дочерняя структура Сбера и Cognitive Technologies) разработала систему автономного управления для сельскохозяйственной техники, которая используется на комбайнах и тракторах в ряде регионов РФ [9]. Данные системы позволяют технике выполнять операции по уборке урожая в автономном режиме, ориентируясь на визуальные и навигационные данные. С административно-правовой точки зрения такие решения формируют новый субъектный состав правоотношений, включая разработчиков программного обеспечения, чья роль пока не отражена в действующем законодательстве.

Компания «Ростсельмаш» внедряет элементы автономного и дистанционного управления в линейке сельскохозяйственной техники, включая беспилотные тракторы и комбайны [10]. Испытания проводятся как на заводских полигонах, так и на реальных сельскохозяйственных угодьях. При этом нормативное сопровождение таких испытаний осуществляется в рамках технического регулирования и внутренних стандартов, без специального административно-правового режима.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что использование высокоавтоматизированных транспортных средств в агропромышленном комплексе РФ фактически опережает развитие нормативного регулирования. Практика демонстрирует следующие характерные черты:

внедрение ВАТС осуществляется преимущественно в закрытых или полуоткрытых средах, что снижает потребность в применении традиционных механизмов транспортного контроля;

административно-правовые отношения заменяются корпоративным регулированием и договорными моделями;

отсутствует единый подход к определению правового статуса ВАТС агропромышленного назначения;

не урегулированы вопросы административной ответственности и распределения рисков.

В то же время агропромышленный комплекс объективно может рассматриваться как экспериментальная отрасль для формирования специализированных административно-правовых режимов использования высокоавтоматизированных транспортных средств, с последующим распространением успешных моделей на иные сферы.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 23 ноября 2023 г. № 3309-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г.» // СЗ РФ. 2023. № 50, ст. 9093.

2. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

3. В АПК есть 15 тыс. единиц техники с элементами автопилотирования // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/25085671 (дата обращения: 11.01.2026).

4. *Водянников В.Т., Эдер А.В.* Цифровизация АПК: оценка и перспективы внедрения в аграрном секторе экономики страны // Агроинженерия. 2024. № 2. С. 49–56.

5. Сельскохозяйственный бизнес // Официальный сайт Группы компаний «Русагро». URL: https://www.rusagrogroup.ru/ru/biznes/selskokhozjaistvennyi-biznes/ (дата обращения: 11.01.2026).

6. «Мираторг» замкнул цикл: как собственное оборудование перестраивает логистику агрохолдинга // Отраслевой портал Logistics.Ru. URL: https://logistics.ru/promyshlennost-upravlenie-logistikoy-i-kompaniey/miratorg-zamknul-cikl-kak-sobstvennoe-oborudovanie (дата обращения: 11.01.2026).

7. В Татарстане показали беспилотную сельхозтехнику // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/06/04/reg-pfo/kak-traktor-stal-robotom.html (дата обращения: 11.01.2026).

8. Успехи сельского хозяйства в Белгородской области: урожай, который радует // Avelonbeta.ru. URL: https://avelonbeta.ru/сельское-хозяйство-белгородской-обл/ (дата обращения: 11.01.2026).

9. Cognitive Pilot – ведущий мировой разработчик систем искусственного интеллекта для беспилотных транспортных средств // Официальный сайт компании Cognitive Pilot. URL: https://cognitivepilot.com/about-company/ (дата обращения: 12.01.2026).

10. Ростсельмаш: высокая точность земледелия // Официальный сайт компании «Ростсельмаш». URL: https://rostselmash.com/media/news/rostselmash-vysokaya-tochnost-zemledeliya/ (дата обращения: 12.01.2026).

Аннотации / Abstracts

МАТЕРИАЛЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ОРГАНИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И РОЛЬ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

(к 70-летию со дня рождения профессора Василия Ивановича Радченко)

MATERIALS OF THE INTERREGIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “THE ORGANIZATION OF PUBLIC POWER AND THE ROLE OF THE HEAD OF STATE IN MODERN RUSSIA”

(on the 70th Anniversary of the Birth of Professor Vasily Ivanovich Radchenko)

Профессор Василий Иванович Радченко: жизнь в науке

Заметина Тамара Владимировна
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Угланова Оксана Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена 70-летию со дня рождения известного российского ученого-конституционалиста, почетного работника прокуратуры РФ, почетного работника сферы образования РФ, доктора юридических наук, профессора Василия Ивановича Радченко. Авторы освещают этапы жизненного пути В.И. Радченко, подчеркивают его вклад в развитие российской юридической науки и саратовской научной школы конституционного права, обогативший научные изыскания в области правового регулирования статуса президента, организации и функционирования публичной власти, государственной целостности и федерализма. Совмещение В.И. Радченко административной работы, руководства Институтом прокуратуры с научно-исследовательской деятельностью, научно-педагогической подготовкой прокурорских кадров способствовало гармоничному сочетанию практической и теоретической

составляющих его научных исследований, выявлению закономерностей функционирования публичной власти на современном этапе конституционного развития страны.

Ключевые слова: профессор, конституционное право России, институт Президента, Российская Федерация, федерализм, публичная власть, органы прокуратуры, взаимодействие общества и государства, демократическое государство.

Professor Vasily Ivanovich Radchenko: a life in science

Zametina Tamara Vladimirovna
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Uglanova Oksana Aleksandrovna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is dedicated to the 70th anniversary of the birth of Vasily Ivanovich Radchenko, a renowned Russian constitutional scholar, an honorary employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, an honorary employee of the Education Department of the Russian Federation, Doctor of Law, and Professor. The authors highlight the stages of V.I. Radchenko's life and emphasize his contribution to the development of Russian legal science and the Saratov School of Constitutional Law, which enriched scientific research in the field of legal regulation of the president's status, the organization and functioning of public power, state integrity, and federalism. V.I. Radchenko's combination of administrative work, leadership of the Prosecutor's Institute, research and teaching activities contributed to a harmonious integration of practical and theoretical aspects of his scientific research, revealing the patterns of public power functioning at the current stage of the country's constitutional development.

Keywords: professor, constitutional law of Russia, presidential institution, Russian Federation, federalism, public authority, prosecutor's office, interaction between society and the state, and democratic state.

Роль органов прокуратуры Российской Федерации в защите прав субъектов предпринимательской деятельности

Акланов Андрей Артурович
старший прокурор отдела по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Республики Марий Эл

Аннотация. В статье анализируются правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры РФ по защите прав предпринимателей. Рассматриваются нормы законодательства о прокуратуре и государственном контроле, положения уголовного и уголовно-процессуального права, а также приказы Генеральной прокуратуры РФ. Особое внимание уделено участию прокуратуры в судебной защите прав субъектов предпринимательской деятельности и роли надзорного органа в уголовном преследовании по делам экономической

направленности. Выявлены актуальные проблемы правоприменения и предложены направления совершенствования прокурорского надзора в сфере надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: органы власти, прокуратура РФ, надзор, предприниматели, защита прав, уголовное преследование, экономические преступления, судебная защита, развитие и оздоровление экономики.

The role of the prosecutor's office of the Russian Federation in protecting the rights of entrepreneurs

Aklanov Andrey Arturovich
Senior Prosecutor of the Department for Supervision of Criminal Procedure and Operational Investigative Activities of the Prosecutor's Office of the Republic of Mari El

Abstract. The article analyzes the legal and organizational foundations of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in protecting the rights of entrepreneurs. It examines the norms of legislation on the Prosecutor's Office and state control, the provisions of criminal and criminal procedural law, as well as the orders of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Special attention is paid to the Prosecutor's Office's participation in the judicial protection of the rights of business entities and the role of the supervisory authority in criminal prosecution in economic cases. The article identifies current problems in law enforcement and proposes ways to improve prosecutorial supervision in the field of monitoring the rights of business entities.

Keywords: government bodies, Prosecutor's Office of the Russian Federation, supervision, entrepreneurs, protection of rights, criminal prosecution, economic crimes, judicial protection, development and improvement of the economy.

Федеральное Собрание Российской Федерации в системе публичной власти

Артанова Елена Николаевна
преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена правовому статусу Федерального Собрания РФ, его роли в обеспечении государственной целостности, суверенитета РФ, прав и свобод человека и гражданина, рассмотрению ключевых вопросов, на основе которых можно сделать вывод, что наряду с Президентом РФ оно является необходимым звеном в системе публичной власти.

Ключевые слова: Конституция РФ, Федеральное Собрание РФ, публичная власть, государственная целостность, суверенитет государства.

The Federal Assembly of the Russian Federation in the system of public authority

Artanova Elena Nikolaevna
Lecturer of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the legal status of the Federal Assembly of the Russian Federation, its role in ensuring the state integrity, sovereignty of the Russian Federation, human and civil rights and freedoms. The article considers key issues, on the basis of which it can be concluded that along with the President of the Russian Federation the Federal Assembly of the Russian Federation is a significant part of the public authority system.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Federal Assembly of the Russian Federation, public authority, state integrity, state sovereignty.

Конституционная идеология и политика российского государства

Бутусова Наталия Владимировна
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В.С. Основина Воронежского государственного университета

Аннотация. В статье определено понятие конституционной идеологии России, показана ее роль и значение для правотворческой и правоприменительной деятельности государства, проанализировано соотношение конституционной идеологии и политики государства. Автором обращено внимание на необходимость устранения коллизий между некоторыми законами и принципами конституционного строя, составляющими основу конституционной идеологии российского государства. Освещена значимость научного наследия профессора Василия Ивановича Радченко в разработке обозначенной проблемы.

Ключевые слова: государственная идеология, конституционная идеология, высшая конституционная ценность, идеологический плюрализм, основы конституционного строя, конституционного принципа государственной целостности, конституционная законность.

Constitutional ideology and policy of the Russian state

Butusova Natalia Vladimirovna
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law named after Professor V.S. Osnovin of the Voronezh State University

Abstract. This paper defines the concept, role, and significance of constitutional ideology in Russia, demonstrates its role and significance in the state's lawmaking and law enforcement activities, and analyzes the relationship between constitutional ideology and state policy. The author draws attention to the need to eliminate conflicts between certain laws and principles of the constitutional system that form the foundation of the constitutional ideology of the Russian state. The role and significance of the scientific legacy of Professor Vasily Ivanovich Radchenko in the development of the identified problem are also shown.

Keywords: state ideology, constitutional ideology, highest constitutional value, ideological pluralism, foundations of the constitutional order, constitutional principle of state integrity, constitutional legality.

Указы Президента Российской Федерации как форма реализации конституционных полномочий главы государства в сфере цифровой трансформации финансовой деятельности государства

Бухмин Сергей Владимирович
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Аннотация. В статье исследуется значение указов Президента РФ в механизме правового обеспечения цифровой трансформации финансовой деятельности государства. Рассматривается их место в системе нормативных правовых актов и анализируется влияние на формирование стратегических ориентиров развития публичных финансов. Особое внимание уделяется координационной и программно-целеполагающей роли указов в условиях цифровизации государственного управления. Обосновывается, что указанные правовые акты выступают формой нормативного закрепления стратегических ориентиров и организационно-правовых основ развития финансового администрирования, тогда как непосредственное нормативное регулирование бюджетных и иных публично-финансовых отношений осуществляется федеральными законами и подзаконными нормативными актами Правительства РФ.

Ключевые слова: Президент РФ, указы, нормотворчество, конституционные полномочия, публичная власть, цифровая трансформация, финансовая деятельность государства, публичные финансы, бюджетный процесс, финансовое право.

Presidential decrees of the Russian Federation as a form of exercising the constitutional powers of the head of state in the sphere of digital transformation of the state's financial activity

Bukhmin Sergey Vladimirovich
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Kazan (Volga region) Federal University

Abstract. The article examines the significance of presidential decrees of the Russian Federation within the mechanism of legal support for the digital transformation of the state's financial activity. It considers their place in the system of normative legal acts and analyzes their influence on the formation of strategic guidelines for the development of public finance. Particular attention is paid to the coordinating and program-oriented role of presidential decrees in the context of the digitalization of public administration. It is substantiated that these subordinate acts serve as a legal form for the normative consolidation of strategic priorities and the organizational and legal foundations of financial administration, whereas the direct regulation of budgetary and other public financial relations is carried out through federal laws and subordinate normative acts of the Government of the Russian Federation.

Keywords: President of the Russian Federation, presidential decrees, subordinate rulemaking, constitutional powers, public authority, digital transformation, financial activity of the state, public finance, budgetary process, financial law.

К вопросу о роли Президента Российской Федерации в системе внесудебной защиты конституционного права на обращение

Гаранин Роман Евгеньевич
ассистент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье исследуются институциональные механизмы внесудебной защиты конституционного права на обращение, сформированные при Президенте РФ. Предметом анализа выступает деятельность Администрации Президента РФ и ее структурных подразделений, ответственных за работу с обращениями граждан, а также роль Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в защите рассматриваемого права. Обосновывается вывод о том, что созданные при главе государства институциональные механизмы образуют многоуровневую систему внесудебной защиты, обеспечивающую реализацию права на обращение не только посредством рассмотрения конкретных жалоб, но и через мониторинг правоприменительной практики, выявление системных проблем и совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: Президент РФ, граждане, Администрация Президента РФ, права и свободы человека и гражданина, право на обращение, защита прав и свобод человека.

On the role of the President of the Russian Federation in the system of extra-judicial protection of the constitutional right to appeal

Garanin Roman Evgenievich
Assistant of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article examines the institutional mechanisms of extrajudicial protection of the constitutional right to appeal, which were established under the President of the Russian Federation. The subject of the analysis is the activities of the Administration of the President of the Russian Federation and its structural units responsible for working with citizens' appeals, as well as the role of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights in protecting this right. It is concluded that the institutional mechanisms established under the head of state form a multi-level system of extrajudicial protection that ensures the implementation of the right to appeal not only through the consideration of specific complaints, but also through monitoring law enforcement practices, identifying systemic issues, and improving legislation in the field under consideration.

Keywords: President of the Russian Federation, citizens, Administration of the President of the Russian Federation, human and civil rights and freedoms, right to appeal, protection of human rights and freedoms.

Роль волонтерства в реализации государственной политики России

Горин Егор Олегович
аспирант кафедры конституционного и муниципального права Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Аннотация. В статье на основе анализа конституционно-правового регулирования волонтерской деятельности рассматривается вопрос о взаимодействии государства и волонтерских объединений в процессе реализации основ конституционного строя России и отдельных направлений государственной политики по их обеспечению и защите. Особое внимание уделено стратегическим документам, в которых данные направления содержатся, и практическому их воплощению в волонтерской деятельности.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерская деятельность, волонтерские объединения, стратегии, Президент РФ, государственная политика, государство, национальная политика, социальное государство, правоохранительные органы.

The role of volunteering in the implementation of Russia's state policy

Gorin Egor Olegovich
Postgraduate student of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

Abstract. This article, based on an analysis of the constitutional and legal regulation of volunteer activity, examines the interaction between the state and volunteer associations in implementing the foundations of Russia's constitutional system and specific areas of state policy to ensure and protect them. Particular attention is paid to the strategic documents that outline these areas and their practical implementation in volunteer activity.

Keywords: volunteering, volunteer activities, volunteer associations, strategies, President of the Russian Federation, state policy, state, national policy, social state, law enforcement agencies.

Публичная власть народа

Дураев Таулан Азреталиевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Тюменева Наталия Владимировна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Аннотация. В статье речь идет о содержании категории «публичная власть» и ее соотношении с властью государственной. Обосновывается суждение о том, что публичная власть и народовластие совпадают по объему. Рассматриваются содержание и особенности публичной власти, истоком которой выступает народный суверенитет. Доказывается тезис о том, что публичная власть служит исходной основой для власти государственной, политической и местной. Раскрываются понятие и признаки публичной власти и делается вывод о перспективах исследования ее содержания, форм и пределов осуществления.

Ключевые слова: публичная власть, народ, народовластие, государство, государственная власть, легитимность, суверенитет народа.

Public power of the people

Duraev Taulan Azretalievich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy, Associate Professor of the Department of Customs, Administrative and Financial Law of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

Tyumeneva Natalia Vladimirovna
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

Abstract. The article deals with the content of the category "public power" and its relationship with state power. It is substantiated by the assumption that public power and democracy coincide in scope. The article examines the content and features of public power, the source of which is the people's sovereignty is the subject of this article. The author proves that public power is the initial basis for state, political, and local power. The article reveals the concept and characteristics of public power and concludes with a discussion of the prospects for studying its content, forms, and limits.

Keywords: public power, people, democracy, state, state power, legitimacy, people's sovereignty.

Прокуратура Российской Федерации как субъект обеспечения права на бесплатную юридическую помощь

Васильев Алексей Александрович
кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, прокурор Воскресенского района Саратовской области, советник юстиции

Грачёва Ольга Алексеевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье анализируется конституционно-правовой статус прокуратуры РФ как субъекта, участвующего в обеспечении права граждан на бесплатную юридическую помощь. Раскрываются нормативно-правовые основы участия органов прокуратуры в системе бесплатной юридической помощи, специфика их надзорной и правоприменительной деятельности, а также правозащитный и просветительский потенциал. Особое внимание уделяется проблемам регионального регулирования, информированности граждан, ресурсным и организационным ограничениям. Формулируются предложения по совершенствованию участия прокуратуры в обеспечении доступности бесплатной юридической помощи и укреплению гарантий реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.

Ключевые слова: прокуратура РФ, бесплатная юридическая помощь, право на юридическую помощь, прокурорский надзор, правозащитная деятельность, доступ к правосудию, правовое просвещение, конституционные права и свободы, региональное регулирование, социально уязвимые категории граждан.

The prosecutor's office of the Russian Federation as a subject ensuring the right to free legal aid

Vasilyev Alexey Aleksandrovich
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy, Prosecutor of the Voskresensky district of the Saratov region, Justice Adviser

Gracheva Olga Alekseevna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article analyses the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a subject involved in ensuring citizens' right to free legal aid. The normative framework of the prosecutor's participation in the system of free legal aid, the specifics of its supervisory and law-enforcement activities, as well as its human rights and educational potential are examined. Special attention is paid to the problems of regional regulation, public awareness, resource and organisational constraints. The author formulates proposals for improving the participation of the prosecutor's office in ensuring the availability of free legal aid and for strengthening guarantees of the constitutional right to qualified legal assistance.

Keywords: Prosecutor's Office of the Russian Federation, free legal aid, right to legal assistance, prosecutorial supervision, human rights protection, access to justice, legal education, constitutional rights and freedoms, regional regulation, vulnerable social groups.

Воспоминания о Василии Ивановиче Радченко

Зырянов Игорь Александрович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья представляет собой научно-публицистический очерк, в котором на основе личных воспоминаний автора и свидетельств его современников реконструируется многогранный образ профессора Василия Ивановича Радченко. Отражен комплексный анализ феномена его личности в контексте зарождения профильного юридического образования в постсоветской России. Автор вспоминает В.И. Радченко не только как ученого и руководителя Института прокуратуры СГЮА, но и как социального омбудсмена и педагога старой закалки, демонстрируя влияние его методов воспитания на формирование корпоративной культуры будущих юристов.

Ключевые слова: юридическая школа, В.И. Радченко, наставничество, педагогическая методология, правовое воспитание, система подготовки кадров, научное руководство, Институт прокуратуры, конституционное право, мемуаристика.

Memories of Vasily Ivanovich Radchenko

Zyryanov Igor Alexandrovich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is a scientific and journalistic essay, which reconstructs the multifaceted image of Professor Vasily Ivanovich Radchenko based on the author's personal memories and testimonies of his contemporaries. It presents a comprehensive analysis of the personality phenomenon in the context of the emergence of specialized legal education in post-Soviet Russia. The author recalls V.I. Radchenko not only as a scholar and head of the Institute of Prosecution of the Saratov State Law Academy, but also as a social ombudsman and an old-school educator, demonstrating the influence of his educational methods on the formation of the corporate culture of future lawyers.

Keywords: legal school, V.I. Radchenko, mentoring, pedagogical methodology, legal education, personnel training system, scientific supervision, Institute of Prosecution, constitutional law, memoirs.

Государственное управление в сфере культуры: проблемы и перспективы

Ивакина Дарья Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры юриспруденции Западного филиала РАНХиГС

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам государственного управления в сфере культуры. Автор приводит аргументы в пользу создания Федеральной службы по охране культурных ценностей, которая способствовала бы оптимизации государственного управления в сфере культуры в целом и разгрузила бы Министерство культуры РФ и другие ведомства, а также предлагает уделять особое внимание взаимодействию органов публичной власти в сфере культуры с правоохранительными органами и общественными структурами в целях охраны культурных ценностей.

Ключевые слова: культура, культурные права и свободы, Федеральная служба по охране культурных ценностей.

Public administration in the field of culture: challenges and prospects

Ivakina Darya Sergeevna
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Law Western branch of RANEPA

Abstract. The article is devoted to topical problems of public administration in the field of culture. The author proposes and cites arguments in favor of creating a Federal Service for the Protection of Cultural Property, which would contribute to the optimization of public administration in the field of culture in general and would reduce the workload of the Ministry of Culture of the Russian Federation and other departments. The author also proposes to pay special attention to the interaction of public authorities in the field of culture with law enforcement agencies and public structures in order to protect cultural values.

Keywords: culture, cultural rights and freedoms, Federal Service for the Protection of Cultural Property.

Президент Российской Федерации – гарант единства системы публичной власти

Кичалюк Ольга Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ДГТУ в г. Шахты

Аннотация. В статье рассматривается институт Президента РФ и его влияние на функционирование механизма публичной власти. Формулируется вывод, в соответствии с которым Президент РФ, выполняя интегрирующую функцию по отношению к органам власти различного уровня, является гарантом единства всей системы публичной власти в стране, включающей федеральные и региональные органы государственной власти, иные государственные органы и органы местного самоуправления. Гарантии единства системы публичной власти обеспечиваются посредством реализации различных полномочий главы государства, в том числе посредством тех, которыми он был наделен в результате конституционной реформы 2020 г.

Ключевые слова: Президент РФ, единая система органов публичной власти, органы местного самоуправления, гарантии.

The President of the Russian Federation as the guarantor of the unity of the system of public power

Kichalyuk Olga Nikolaevna
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of Service and Entrepreneurship (branch) DSTU in Shakhty

Abstract. This article examines the institution of the President of the Russian Federation and its impact on the functioning of the mechanism of public power. The conclusion is formulated, according to which, the President of the Russian Federation, performing an integrating function in relation to authorities at various levels, is the guarantor of the unity of the entire system of public authority in the country, including federal and regional government bodies, other state bodies and local governments. Guarantees of the unity of the system of public authority are provided through the implementation of various powers of the head of State, which he was endowed with after the constitutional reform-2020.

Keywords: President of the Russian Federation, a unified system of public authorities, local government bodies, guarantees.

Конституционно-правовые основы развития судебной системы Российской Федерации: некоторые вопросы теории

Колесников Евгений Викторович
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Ермолаева Юлия Васильевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Авторы рассматривают актуальные вопросы становления демократического правового государства в Российской Федерации. Показано, что в 90-е гг. XX в. в условиях радикальных политических и социально-экономических преобразований была создана самостоятельная судебная власть. В современных условиях развития государственности важное место отводится суду и судопроизводству. Сделаны предложения по совершенствованию конституционного законодательства.

Ключевые слова: Конституция РФ 1993 г., законодательство, федеральный конституционный закон, судебная система, законность, конституционное судопроизводство, судебная защита, суд.

Constitutional and legal basis for the development of the judicial system of the Russian Federation: some theoretical issues

Kolesnikov Evgeny Viktorovich
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Ermolaeva Yulia Vasilyevna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. The authors examine actual questions of the development of a democratic, constitutional state in the Russian Federation. The article demonstrates that in the 1990s, amidst radical political and socioeconomic transformations, an independent judicial branch was established. In the modern context of state development, courts and legal proceedings play a significant role. Proposals for improving of constitutional legislation are presented.

Keywords: Constitution of the Russian Federation of 1993, legislation, federal constitutional law, judicial system, legality, constitutional proceedings, judicial protection, court.

Взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации с органами публичной власти

Комарова Елена Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ

Аннотация. В статье анализируются основные формы взаимодействия органов прокуратуры РФ на различных уровнях. Так, на федеральном уровне взаимодействие с Федеральным Собранием РФ происходит путем участия Генеральной прокуратуры РФ в правотворческой деятельности. Взаимодействие с Правительством РФ осуществляется посредством участия представителей органов прокуратуры РФ в заседаниях Правительства РФ и в работе его Комиссии по законопроектной деятельности. С органами судебной власти прокуратура взаимодействует путем участия в работе международных и иностранных судов.

На уровне субъектов РФ взаимодействие более многообразное: это и правотворческая деятельность, и надзор за соответствием законам правовых актов, издаваемых органами государственной власти субъектов РФ, и координация деятельности по борьбе с преступностью.

Ключевые слова: органы прокуратуры, органы публичной власти, взаимодействие, правотворческая деятельность, надзор, координация.

Interaction of the prosecutor's office of the Russian Federation with public authorities

Komarova Elena Alexandrovna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Procedure, Criminalistics and Participation of the Prosecutor in the Criminal Justice of the Crimean Institute of Law (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the main forms of interaction at various levels. Thus, at the federal level, interaction with the Federal Assembly of the Russian Federation takes place through the participation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation in law-making activities. Interaction with the Government of the Russian Federation takes place through the participation of representatives of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in meetings of the Government of the Russian Federation and in the work of its Commission on Legislative Activity. The Prosecutor's Office cooperates with judicial authorities by participating in the work of international and foreign courts.

At the level of the subjects of the Russian Federation, interaction is more diverse, including law-making activities, supervision of compliance with the laws of legal acts issued by state authorities of the subjects of the Russian Federation, and coordination of activities to combat crime.

Keywords: prosecutor's offices, public authorities, interaction, law-making activities, supervision, coordination.

Институт Президента Российской Федерации в интерпретации конституционного суда: доктрина и практика

Комбарова Елена Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В настоящей статье исследуется роль Конституционного Суда РФ в доктринальном и практическом наполнении смысла конституционно-правового института Президента. Анализируются ключевые правовые позиции Суда по вопросам толкования статуса главы государства, пределов его полномочий, порядка прекращения полномочий и взаимодействия с иными ветвями власти. Особое внимание уделяется особым мнениям судей о природе президентской власти, а также влиянию конституционной реформы 2020 г. на компетенцию Суда в вопросах, связанных с деятельностью главы государства. Цель статьи – на основе анализа решений и правовых позиций Конституционного Суда РФ проследить формирование и эволюцию доктринальной модели института президентства в Российской Федерации, что продолжает научную

традицию осмысления институтов публичной власти, заложенную доктором юридических наук, профессором В.И. Радченко. Автор приходит к выводу, что интерпретационная деятельность Конституционного Суда выступает важнейшим фактором конституционализации института президентства, адаптируя его к меняющимся политико-правовым реалиям.

Ключевые слова: Президент РФ, Конституционный Суд РФ, конституционная реформа 2020 г., конституционное правосудие, правовые позиции, толкование Конституции, разделение властей, В.И. Радченко.

The institute of the President of the Russian Federation as interpreted by the constitutional court: doctrine and practice

Kombarova Elena Valeryevna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabishev of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article examines the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the doctrinal and practical content of the meaning of the constitutional and legal institution of the President. The key legal positions of the Court on the interpretation of the status of the head of state, the limits of his powers, the procedure for terminating powers and interaction with other branches of government are analyzed. Particular attention is paid to the judges' dissenting opinions on the nature of presidential power, as well as the impact of the 2020 constitutional reform on the Court's competence in matters related to the activities of the head of state. The purpose of the article is to trace the formation and evolution of the doctrinal model of the institution of the presidency in the Russian Federation based on the analysis of decisions and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which continues the scientific tradition of understanding institutions of public power, founded by Doctor of Law, Professor V.I. Radchenko. The author comes to the conclusion that the interpretative activity of the Constitutional Court is the most important factor in the constitutionalization of the institution of the presidency, adapting it to the changing political and legal realities.

Keywords: the President of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional reform of 2020, constitutional justice, legal positions, interpretation of the Constitution, separation of powers, V.I. Radchenko.

Взаимодействие органов публичной власти Российской Федерации в сфере реализации внешней политики

Косолапов Михаил Федорович
доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена памяти доктора юридических наук, профессора В.И. Радченко. В ней представлен анализ концепции взаимодействия органов публичной власти РФ, которая стала одним из магистральных направлений

его научных изысканий. Взаимодействие органов рассматривается через призму осуществления внешнеполитической деятельности.

Ключевые слова: научные труды профессора В.И. Радченко, Конституция РФ, органы публичной власти, концепция внешней политики, принцип единства внешней политики, взаимодействие органов государственной власти, политика государства.

Interaction of public authorities of the Russian Federation in the implementation of foreign policy

Kosolapov Mikhail Fedorovich
Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article is dedicated to the memory of the Doctor of Law, Professor V.I. Radchenko. It presents an analysis of the concept of interaction between public authorities of the Russian Federation, which became one of the main areas of his research. This interaction between public authorities is examined through the prism of foreign policy.

Keywords: scientific works of Professor V.I. Radchenko, Constitution of the Russian Federation, public authorities, concept of foreign policy, principle of unity of foreign policy, interaction of government bodies, state policy, President of the Russian Federation, Ministry of Foreign Affairs.

О системе социальных обязательств российского государства

Литвинов Владимир Иванович
соискатель кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В.С. Основина Воронежского государственного университета

Аннотация. В статье раскрываются система и содержание социальных обязательств государства, понимаемых в широком значении этого понятия. Автор анализирует основные проблемы, возникающие в процессе реализации социальной политики российского государства, особое внимание уделяется задачам по преодолению социальной несправедливости. Предложения и рекомендации, сформулированные в статье, призваны способствовать преодолению имеющихся проблем и последовательной реализации социальных обязательств государства.

Ключевые слова: общество, государство, экономика, система социальных обязательств, справедливость, неравенство, условия, граждане, устойчивое развитие.

About the system of social obligations of the Russian state

Litvinov Vladimir Ivanovich
Candidate of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Voronezh State University

Abstract. The article reveals the system and content of the state's social obligations, understood in the broad sense of this concept. The author analyzes the main issues that arise in the process of implementing the social policy of the Russian state, with a particular focus on overcoming social injustice. The proposals

and recommendations formulated in the article are aimed at overcoming the existing problems and consistently implementing the state's social obligations.

Keywords: society, state, economy, social obligations system, justice, inequality, conditions, citizens, sustainable development.

Единство образовательного пространства как конституционная гарантия государственной целостности Российской Федерации

Музалевская Ксения Владимировна
преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что единство образовательного пространства является конституционной гарантией государственной целостности Российской Федерации. Опираясь на методологическое разграничение понятий «единство» и «целостность», предложенное в науке конституционного права, автор рассматривает единство образовательного пространства как форму и способ обеспечения государственной целостности в ее правовом, экономическом и ценностном аспектах. Раскрываются конституционные основы принципа единства образовательного пространства и механизмы его реализации. Обосновывается связь данного принципа с принципом образовательного суверенитета и анализируется ее конституционно-правовое значение в контексте реформирования системы высшего образования.

Ключевые слова: единство образовательного пространства, государственная целостность, конституционные гарантии, федеральный государственный образовательный стандарт, образовательный суверенитет, конституционная реформа 2020 г., воспитание, государственный язык, публичная власть, национально-ориентированная модель высшего образования.

Unity of the educational space as a constitutional guarantee of the state integrity of the Russian Federation

Muzalevskaya Ksenia Vladimirovna
Lecturer of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article substantiates the thesis that the unity of the educational space is a constitutional guarantee of the state integrity of the Russian Federation. Based on the methodological distinction between the concepts of "unity" and "integrity" proposed in the science of constitutional law, the author considers the unity of the educational space as a form and method of ensuring state integrity in its legal, economic, and value aspects. The article reveals the constitutional foundations of the principle of the unity of the educational space and the mechanisms for its implementation. The article substantiates the connection between this principle and the principle of educational sovereignty and analyzes its constitutional and legal significance in the context of reforming the higher education system.

Keywords: unity of the educational space, state integrity, constitutional guarantees, federal state educational standard, educational sovereignty, constitutional reform of 2020, education, state language, public authority,national-oriented model of higher education.

Роль стратегических документов главы государства в реализации национальных интересов России

Отставнова Елена Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В данной статье на основе анализа конституционных норм и стратегических указов Президента РФ выявлена роль последнего в реализации и защите национальных интересов России. Автор предлагает концепцию национальных интересов, включающую в себя два уровня их формирования – фундаментальные (содержатся в Конституции РФ) и текущие (формируемые Президентом РФ). Особое внимание уделено роли последних в обеспечении фундаментальных, объединяющих российский народ в целом.

Ключевые слова: национальные интересы, конституция, Президент РФ, президент, стратегии, стратегические документы, национальная безопасность.

The role of the head of state's strategic documents in the implementation of Russia's national interests

Otstannova Elena Alexandrovna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article identifies the role of the President in the process of implementation and protection of Russia's national interests, based on the analysis of the constitutional norms and strategic decrees issued by the President of the Russian Federation. The author proposes a concept of national interests that includes two levels of their formation: fundamental interests (contained in the Constitution of the Russian Federation) and current interests (formed by the President of the Russian Federation). Special attention is paid to the role of the latter in ensuring the fundamental interests that unite the Russian people as a whole.

Keywords: national interests, constitution, President of the Russian Federation, strategies, strategic documents, national security.

Принцип единства публичной власти как основа целостности российского государства

Плотникова Инна Николаевна
доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В данной статье анализируются отдельные труды ученого-конституционалиста, представителя саратовской научной школы конституционного права, доктора юридических наук Василия Ивановича Радченко, посвященные вопросам единства публичной власти и целостности государства, роли местного самоуправления. Подчеркивается влияние работ В.И. Радченко на дальнейшее развитие отечественной научной мысли и конституционной практики, конституционализации принципа единства публичной власти в Основном Законе России.

Ключевые слова: Конституция РФ, научные труды В.И. Радченко, единство публичной власти, целостность государства, местное самоуправление.

The principle of unity of public authority as the basis of the integrity of the Russian state

Plotnikova Inna Nikolaevna
Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article analyzes selected works of Vasily Ivanovich Radchenko, constitutional law scholar, representative of the Saratov scientific school of constitutional law, Doctor of Law, devoted to the issues of the unity of public authority and the integrity of the state, and the role of local self-government. The influence of V.I. Radchenko's works on the further development of Russian scientific thought and constitutional practice is emphasized, as well as the constitutionalization of the principle of the unity of public authority in the Basic Law of Russia.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, scientific works of V.I. Radchenko, unity of public authority, integrity of the state, local self-government.

Национальная идея, цифровой суверенитет и права человека в современной России

Стребкова Елена Геннадьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье автор смещает фокус исследования национальной идеи в современной России с абстрактных философских категорий на их конституционное и функциональное измерение. В частности, анализируется концепция «цивилизма» как правовой основы постсоветской идентичности, а сама национальная идея рассматривается не как декларативный конструкт, а как реальный фактор обеспечения национальной безопасности. Сегодня суверенитет приобрел цифровую форму. Работа прослеживает эволюцию этого понятия в различных национальных моделях с учетом российской специфики, заключающейся в трактовке цифрового суверенитета преимущественно через призму аппаратной независимости и защиты национального информационного пространства. Возникает концептуальная проблема обеспечения баланса технологической диктатуры государства и цифровых прав граждан. Исследование показывает, что эти категории не должны конкурировать. Напротив, технологическая автономия обязана служить гарантом соблюдения прав человека в цифровом мире. Абстрактные категории «добро» и «справедливость», заложенные в Преамбуле Конституции РФ, требуют современной правовой расшифровки. Следовательно, цифровой суверенитет выступает не просто защитным барьером государства. Это критически важный инфраструктурный механизм, без которого реализация конституционных ценностей в XXI в. невозможна.

Ключевые слова: национальная идея, Конституция, конституционные ценности, права человека, цифровой суверенитет.

National idea, digital sovereignty and human rights in modern Russia

Strebkova Elena Gennadievna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. In this article, the author shifts the focus of research on the national idea in contemporary Russia from abstract philosophical categories to their constitutional and functional dimensions. Specifically, the concept of "civilism" as the legal basis of post-Soviet identity is analyzed, and the national idea itself is considered not as a declarative construct, but as a real factor in ensuring national security. Today, sovereignty has acquired a digital form. The work traces the evolution of this concept in various national models, taking into account the specific Russian context, which consists of interpreting digital sovereignty primarily through the prism of apparatus independence and the protection of the national information space. This raises the conceptual problem of balancing the technological dictatorship of the state and the digital rights of citizens. The study demonstrates that these categories should not compete. On the contrary, technological autonomy must serve as a guarantor of human rights in the digital world. The abstract categories of "good" and "justice" enshrined in the Preamble to the Constitution of the Russian Federation require a modern legal interpretation. Consequently, digital sovereignty serves more than just a protective barrier for the state. This is a critically important infrastructural mechanism, without which the implementation of constitutional values in the 21st century is impossible.

Keywords: national idea, constitution, constitutional values, human rights, digital sovereignty.

Основные направления совершенствования механизма защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации

Фролов Алексей Александрович
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Данная статья рассматривает ключевые векторы развития системы обеспечения конституционных прав и свобод человека. Автор приходит к выводу, что совершенствование механизма защиты прав и свобод предполагает согласованную работу по нескольким направлениям: международное сотрудничество, повышение качества и единообразие правоприменительной практики, правовой грамотности населения, вовлечение граждан и организаций в мониторинг государственных решений, применение цифровых технологий с целью доступности и качества правосудия. По мнению автора, взаимодействие этих элементов порождает устойчивую систему защиты, способную отвечать современным вызовам.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, механизм защиты, бесплатная юридическая помощь, цифровые технологии, общественный контроль, образовательные программы, совершенствование механизма защиты.

Basic directions of improving the mechanism of protecting the constitutional rights and freedoms of human and citizen in the Russian Federation

Frolov Alexey Alexandrovich
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article examines key areas for developing a system for ensuring constitutional human rights and freedoms. The author concludes that improving the mechanism for protecting rights and freedoms requires coordinated efforts in several areas: international cooperation, improving the quality and consistency of law enforcement practices, legal literacy among the population, engaging citizens and organizations in monitoring government decisions, and using digital technologies to improve accessibility and quality of justice. The author believes that the interaction of these elements creates a sustainable protection system capable of addressing modern challenges.

Keywords: constitutional rights and freedoms, protection mechanism, free legal assistance, digital technologies, public control, educational programs, improvement of the protection mechanism.

Институт президента в странах Латинской Америки в аспекте конституционных реформ

Хижняк Вероника Сергеевна
доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена особенностям конституционно-правового закрепления института президента в странах Латинской Америки и конституционным проблемам реформирования системы органов государственной власти в этом регионе. В статье рассмотрены причины возникновения президентских республик в латиноамериканском регионе, классификация сложившихся в нем президентских режимов, отмечены основные тенденции развития конституционных реформ, связанных с регулированием осуществления президентской власти.

Ключевые слова: конституционное право России, конституционное право стран Латинской Америки, конституционное право зарубежных стран, институт президента, конституционная реформа, органы государственной власти.

The institution of the presidency Latin American countries in the relationship to constitutional reforms

Khizhnyak Veronika Sergeevna
Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article examines the constitutional and legal aspects of the institution of the presidency in Latin American countries and the constitutional

challenges of reforming the system of government bodies in this region. The article examines the reasons for the emergence of presidential republics in Latin America, classifies the presidential regimes that have developed there, and highlights the main trends in the development of constitutional reforms related to the regulation of presidential power.

Keywords: constitutional law of Russia, constitutional law of Latin American countries, constitutional law of foreign countries, institution of presidency, constitutional reform, government bodies.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

THE STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGISLATION

Цифровая природа беспилотного транспортного средства и трансформация обязательственных конструкций в гражданском праве

Боярская Юлия Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье анализируется влияние цифровой природы беспилотного транспортного средства как сложного высокотехнологичного объекта на содержание традиционных обязательственных и деликтных конструкций гражданского права. Интеграция беспилотного транспортного средства в гражданский оборот в качестве объекта гражданских прав, функционирующего на основе программно-аппаратного комплекса, алгоритмов и систем дистанционного (удаленного) контроля, обусловливает необходимость формирования специальных правовых режимов и пересмотра сложившихся подходов к распределению рисков и определению надлежащего субъекта гражданско-правовой ответственности. Дальнейшее развитие гражданско-правового регулирования в сфере использования беспилотного транспорта требует доктринального переосмысления традиционных институтов обязательственного и деликтного права и формирования новых правовых режимов, учитывающих специфику автоматизированного (автономного) управления и многообразие участников соответствующих отношений.

Ключевые слова: беспилотное транспортное средство, автономное транспортное средство, технологии искусственного интеллекта.

The digital nature of unmanned vehicles and the transformation of obligational structures in civil law

Boyarskaya Yulia Nikolaevna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article analyzes the impact of the digital nature of unmanned vehicles as complex high-tech objects on the content of traditional civil law structures governing obligations and torts. The integration of unmanned vehicles into civil circulation as objects of civil law, operating on the basis of hardware and software systems, algorithms, and remote control systems, necessitates the development of special legal regimes and a revision of existing approaches to risk allocation and the determination of the appropriate subject of civil liability. Further development of civil law regulation in the field of unmanned vehicles requires a doctrinal rethinking of traditional institutions of obligation and tort law and the development of new legal regimes that take into account the specifics of automated (autonomous) control and the diversity of participants in the relevant relationships.

Keywords: unmanned vehicle, autonomous vehicle, artificial intelligence technologies.

Потенциал искусственного интеллекта как инструмента противодействия незаконным финансовым операциям в банковском секторе

Дорошок Татьяна Сергеевна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

Дорошок Лариса Сергеевна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье проведена оценка потенциала внедрения и использования технологий искусственного интеллекта участниками банковского сектора российского финансового рынка для снижения угроз финансового мошенничества и подозрительной деятельности, охватываемой антиотмывочным законодательством. Отмечены тенденции трансформации системы нормативного регулирования в Российской Федерации для обеспечения возможности создания и применения технологий искусственного интеллекта в банковском секторе; сформирован вывод о необходимости отражения в общей системе управления рисками кредитных организаций программы управления рисками при разработке и применении искусственного интеллекта по результатам внедрения соответствующей «регулятивной песочницы» для участников финансового рынка; обоснована возможность проработки концепции доверенного искусственного интеллекта параллельно с формированием и поддержанием культуры добросовестного поведения кредитных организаций в качестве фундаментальных элементов формирования доверительной среды при взаимодействии участников финансового рынка.

Ключевые слова: искусственный интеллект, концепция доверенного искусственного интеллекта, банковский сектор, кредитные организации, финансовое мошенничество, антиотмывочный контроль, антифрод-система, управление рисками, финансовый рынок, добросовестное поведение, доверительная среда.

The potential of artificial intelligence as a tool to counteract illegal financial transactions in the banking sector

Doroshok Tatiana Sergeevna
Candidate of Law, Senior lecturer of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy

Doroshok Larisa Sergeevna
Candidate of Law, Senior lecturer of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article assesses the potential for the adoption and use of artificial intelligence technologies by participants in the banking sector of the Russian financial market to reduce the risks of financial fraud and suspicious activities covered by anti-money laundering legislation. Trends in transforming the regulatory system in the Russian Federation are noted to enable the creation and application of AI technologies in the banking sector; it is concluded that the overall risk management system of credit organizations must include a risk management program for AI development and application based on the results of implementing a corresponding regulatory sandbox for financial market participants; the possibility of developing a trusted AI concept alongside fostering and maintaining a culture of good faith among credit organizations is substantiated as fundamental elements for establishing a trusting environment in interactions among financial market participants.

Keywords: artificial intelligence, trusted artificial intelligence concept, banking sector, credit institutions, financial fraud, anti-money laundering control, anti-fraud system, risk management, financial market, conscientious conduct, trusted environment.

Субъективное право как теоретико-правовая категория

Осипов Роман Алексеевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

Лебедев Артем Александрович
обучающийся Института юстиции Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В настоящее время дискуссии относительно сущности и содержания категории субъективного права приобретают фундаментальное значение. Субъективное право является весьма значимой и неотъемлемой правовой категорией, не нашедшей единого понимания в научном сообществе и требующей более полного и углубленного изучения. Необходимо уделять особое внимание исследованию данной правовой категории с целью выявления ее отличительных черт и разграничения со смежными понятиями теории права.

Ключевые слова: субъективное право, объективное право, правовой статус, структура правового статуса, правоотношение, юридические обязанности, законные интересы.

Subjective law as a theoretical and legal category

Osipov Roman Alekseevich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy

Lebedev Artyom Alexandrovich
Student of the Institute of Justice of the Saratov State Law Academy

Abstract. Currently, discussions on the essence and content of the category of subjective rights are gaining fundamental importance. Subjective rights are a highly significant and integral legal category that has not yet been fully understood by the scientific community and requires further exploration. It is crucial to focus on studying this legal category to identify its distinctive features and distinguish it from related concepts in legal theory.

Keywords: subjective right, objective right, legal status, structure of legal status, legal relationship, legal obligations, and legitimate interests.

Зарубежный опыт функционирования цифровых платформ и экосистем в сфере уголовного правосудия

Смушкин Александр Борисович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, руководитель НОЛ «Лаборатория высокотехнологичной криминалистики» Института правотворчества и правового прогнозирования Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье осуществляется компаративистское исследование цифровых платформ и экосистем в законодательстве и правоприменительной практике зарубежных стран. Подчеркивается эффективность использования цифровых платформ в сфере уголовного правосудия. Констатируется, что платформенная организация электронного судопроизводства в формате электронного уголовного дела свойственна многим развитым странам мира.

Ключевые слова: цифровая платформа, уголовное правосудие, экосистема, портал, информационная система, электронный документооборот, судопроизводство, анализ больших данных, противодействие киберпреступности, электронное правосудие, электронное уголовное дело.

Foreign experience in the functioning of digital platforms and ecosystems in the field of criminal justice

Smushkin Alexander Borisovich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalist, Head of the NOL "Laboratory of High-Tech Criminology" of the Institute of Law-Making and Legal Forecasting of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article provides a comparative study of digital platforms and ecosystems in the legislation and law enforcement practice of foreign countries. The effectiveness of using digital platforms in the field of criminal justice is emphasized. It is stated that the platform organization of electronic legal

proceedings in the electronic criminal case format is typical for many developed countries of the world.

Keywords: digital platform, criminal justice, ecosystem, portal, information system, electronic document management, legal proceedings, big data analysis, countering cybercrime, electronic justice, electronic criminal case.

ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

YOUNG SCHOLARS' PERSPECTIVE

Высокоавтоматизированные транспортные средства в агропромышленном комплексе: цели внедрения и практика применения в России

Хвостиков Данил Владимирович
аспирант кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются цели внедрения высокоавтоматизированных транспортных средств в агропромышленном комплексе РФ и анализируется практика их применения. Отмечается, что аграрная сфера является одной из наиболее перспективных для использования автономных транспортных технологий в силу сезонного характера работ, дефицита трудовых ресурсов и эксплуатации техники в контролируемой среде. На основе анализа практики российских агрохолдингов и региональных проектов выявляются основные направления применения высокоавтоматизированных транспортных средств. Особое внимание уделяется административно-правовым аспектам их использования и проблемам нормативной неопределенности. Формулируется вывод о целесообразности формирования специализированных правовых режимов регулирования.

Ключевые слова: высокоавтоматизированные транспортные средства, агропромышленный комплекс, административно-правовое регулирование, правовые режимы, цифровизация агропромышленного комплекса.

Highly automated vehicles in the agro-industrial complex: implementation goals and the practice of application in Russia

Khvostikov Danil Vladimirovich
Postgraduate student of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article discusses the goals of introducing highly automated vehicles in the agro-industrial complex of the Russian Federation and analyzes the practice of their application. It is noted that the agricultural sector is one of the most promising for the use of autonomous transport technologies due to the seasonal nature of work, the shortage of labor resources and the operation of machinery in a controlled environment. Based on the analysis of the practice of Russian agricultural holdings and regional projects, the main directions

of application of highly automated vehicles are identified. Special attention is paid to the administrative and legal aspects of their use and the problems of regulatory uncertainty. The conclusion is formulated about the expediency of forming specialized legal regulatory regimes.

Keywords: highly automated vehicles, agro-industrial complex, administrative and legal regulation, legal regimes, digitalization of the agro-industrial complex.